Annotation

Середина Первой Галактической. История одного механизированного батальона Земного Альянса. Всего лишь сутки боев за планету Анкор...

2624 — 2635 года

Андрей Ливадный Серв-батальон

Пролог

22 августа 2617 года по летоисчислению Земли.

Линия Хаммера[1]…

Знойный, хмурый полдень на Везувии озаряли отсветы множества извержений.

Отравленный выбросами вулканической деятельности воздух не годился для дыхания, низкое небо, сплошь затянутое косматыми, свинцово-серыми облаками, висело низко, отражая багрянец огненной стихии.

Казалось, распростершийся под низким, давящим небом мир совершенно непригоден для жизни, но война изменила многие критерии целесообразности.

Везувий был не просто колонизирован, а плотно заселен: здесь располагались промышленные базы Земного Альянса, обеспечивающие ремонт пострадавшей в боях техники, - с театров боевых действий на орбиты планеты, через аномалию космоса буксировали поврежденные космические корабли, которые затем доставляли на поверхность при помощи специальных технических носителей[2]. Немало прибывало транспортов с разбитыми серв-машинами, которые еще подлежали ремонту, или предназначались для разборки на запасные части.

На Везувии базировались не только "сухие" ремонтные доки для крупнотоннажных кораблей, но и заводы по восстановлению планетарной техники, - в суровых условиях горячей, молодой планеты, где деятельность вулканов не требовала дополнительных средств маскировки, а полезные ископаемые залегали буквально на поверхности, существовало еще одно преимущество: расположенные тут полигоны, предназначенные для испытаний восстановленных серв-машин, идеально отвечали критериям условий "приближенных к боевым".

…

Дональд Кроу относился к жизни легко.

Служба на испытательных полигонах Везувия в другое время не показалась бы синекурой, но когда идет страшная по количеству жертв и накалу боев война, которой, как пожаром охвачен весь освоенный людьми космос, жизнь под низким, свинцовым небом покажется райской, если альтернатива - почти гарантированная смерть.

В общем, он не роптал на судьбу.

Сегодняшний день не сулил неприятностей и вряд ли в понимании

Дональда отличался от сотен других серых и скучных, наполненных трудной, но не опасной работой.

Сегодня ему предстояло прогнать тест у трех "Хоплитов", отреставрированных после жестоких боев. Ничего сложного или необычного - прогулка по коварной, пересеченной местности в условия плохой видимости из-за постоянного падающего с небес вулканического пепла, пара прыжков на реактивных ускорителях через неширокие реки лавы, пересекающие равнину, стрельба по мишеням.

Кроме необходимости провести много часов в стареньком боевом скафандре, в котором к тому же сбоила система терморегуляции, иных неудобств не предвиделось.

Покинув ангар, Кроу уверенной походкой направился к крайней в ряду машине. "Хоплит2М" - новая модель, обещающая стать настоящей "рабочей лошадкой" десантных подразделений на ближайшую перспективу.

…

Подойдя к сорокапятитонному исполину Дональд невольно обратил внимание на внешний вид машины: оба подвесных орудия заменены; на оружейных пилонах по правому борту красовалась новенькая сборка ракетных тубусов, зенитная турель вообще отсутствовала, вместо нее конструктора установили два лазера средней мощности на вращающихся ложементах.

Интересная конфигурация. - Подумал Кроу, обходя серв-машину. Под слоем свежего маскирующего покрытия "хамелеон" (в данный момент дезактивированного) на некоторых бронеплитах сегментированной обшивки угадывалось множество выщерблин, - *досталось же ему,* - мысленно удивился Дональд, заметив, что все бронированные кожухи, закрывающие сервомоторные узлы, отливают свежим заводским глянцем, - их сменили, как и подавляющую часть керамлитовых сегментов. Создавалось впечатление, что сервомеханизм получил не просто критические повреждения, он был в буквальном смысле изрешечен…

Трудно даже представить в какой дикой мясорубке пришлось побывать "Хоплиту", чтобы получить *такие* повреждения.

Ладно. Мое дело протестировать механизм.

Настроение у Дональда было отличным, он открыл защитную заслонку и коснулся сенсора технического доступа в рубку.

Послушно раскрылся люк, с пятиметровой высоты спустилась телескопическая лесенка.

Насвистывая веселый мотивчик, Дональд поднялся к рубке, прошел через шлюз и оказался внутри серв-машины.

Обзорные экраны включились при его появлении, подвижные приборные панели, плотно обступающие пилот-ложемент, отодвинулись, освобождая пилоту проход к креслу.

Он включил дистанционную связь через устройства импланта[3], - при этом не инициировался полноценный нейросенсорный контакт разума человека с системой "Одиночка", а включался режим мысленных команд третьего уровня, - вполне достаточно для технического тестирования, тем более что большинство операций машина будет производить сама, а дело Дональда - подкидывать ей внезапный вводные, на которые киберсистема должна реагировать быстро и адекватно.

Ну что детка, начнем?

В ответ канал связи отозвался глухой тишиной. Приборные панели автоматически вернулись на место, зажглись огни индикации автопилотов, - машина демонстрировала полную готовность к прохождению испытаний, но модуль "Одиночки" не желал разговаривать с человеком.

Дональд разозлился.

Вообще он был покладист, даже немного трусоват, - лишь в общении с бездушными и безропотными машинами позволяя себе снисходительную развязанность.

В конце концов, чтобы там не твердили о наличии искусственного интеллекта у нового поколения "Одиночек", типа "Беатрис-4", что, судя по спецификации, установлена на борту данного "Хоплита", но Кроу неизменно относился к машинному разуму, как к дешевой подделке, - подумаешь искусственный интеллект, что ж теперь с каждым дройдом пехотной поддержки беседовать как с равным?

Нет уж детка, заканчивай привередничать. Наверное, у тебя милый голосок. Ну, скажи: "доброе утро пилот"…

Тишина в коммуникаторе неприятно оглушала. Она казалась вязкой, неприязненной, враждебной.

Ладно. Я с тобой разберусь. - С нотками раздражения подумал Дональд, застегивая страховочные ремни. Амортизационные дуги пилот-ложемента, катапультируемого в случае критических повреждений машины, автоматически сомкнулись, приборные панели придвинулись еще ближе, все сигналы индикации свидетельствовали о полной готовности к ходовым испытаниям.

Вперед, прямо на пятьсот метров, затем поворот - девяносто градусов вправо. Пошла!

"Хоплит" не шелохнулся.

Вот дрянь… Ты что возомнила о себе, железка? Я ясно сказал - начинаем движение!

В следующий момент произошло нечто невероятное. Вместо того, чтобы подчиниться приказу, машина внезапно зажгла на пульте злобный предупреждающий сигнал, затем раздался характерный звук раскрывающихся, будто металлический бутон, бронеплит рубки управления, и пилот-ложемент с онемевшим от неожиданности Дональдом швырнуло к хмурым небесам Везувия болезненным ударом аварийно-спасательной катапульты.

"Хоплит", катапультировав пилота, включил канал телеметрии, транслируя данные о работе систем на центральный диспетчерский пункт полигона, и начал движение, - на пятьсот метров прямо, потом направо, и дальше, - по собственной инициативе, преодолевая различные преграды и расстреливая внезапно появляющиеся мишени.

* * *

Когда Дональд Кроу, освободившись от страховочных ремней благополучно приземлившегося ложемента, доковылял до командного пункта, "Хоплит" уже завершил тестовую программу, самостоятельно вернулся к ангару и занял место в центре разметочного круга.

Войдя в помещение диспетчерской Дональд, уже успевший разгерметизировать шлем, разразился яростной бранью.

Начальник полигона - майор, потерявший в боях обе руки, которые ему заменяли кибернетические протезы, повернулся, посмотрел на разъяренного пилота и произнес:

– Успокойся.

– Успокойся?! Да эта фрайгова машина вышвырнула меня из рубки!

– Я видел.

– И что?! - Лицо Кроу исказила злобная гримаса.

– Видно ты пришелся не по душе "Беатрис". - Сохраняя хладнокровие, ответил майор. - Я тут посмотрел документы, она потеряла пилота в последнем бою. Оттуда попала к нам.

– У нее травматический шок?! Не может видеть других людей? Не желает слушать чужих приказов?! Страдает по своему пилоту?

– Да. - С холодной неприязнью в голосе ответил майор.

– С каких это пор "Одиночкам" позволено переживать, а тем более вышвыривать человека из рубки?!

– У нее погиб пилот. - Словно не слыша слов Дональда, повторил старший офицер полигона. Он в отличие от Кроу знал, что значит терять боевых друзей, он видел, как плачут мужчины, и, сравнивая хамское поведение пилота-испытателя, со сдержанной реакцией искусственного рассудка, познавшего боль смертельной утраты, находил сравнение не в пользу Кроу.

– Вот что, - устало произнес майор. - Машина полностью прошла тест. Она исправна. Давай, подписывай акт испытаний, и забудем о случившемся.

– Что?!

– Ничего. Я наложил свою резолюцию: испытания успешны, "Хоплит" рекомендован к эксплуатации в автоматическом, беспилотном режиме. Подписывай, или клянусь богом - я найду способ отправить тебя на фронт!

Лицо Дональда вытянулось, побледнело, - он в первый раз видел флегматичного майора *разъяренным*, и ни на миг не усомнился, что тот выполнит данное обещание.

Проклятье…

– Ладно, я подпишу… - Вслух произнес Кроу.

Склонившись над листом пластбумаги, где были отпечатаны данные по испытаниям он, ставя подпись, краем глаза успел взглянуть на другие бумаги.

Для большинства машин, из последней партии, в графе "подразделение-отправитель", значилось одно и тоже: "Тринадцатый серв-батальон".

Глава 1.

25 июня 2624 года

Линия Хаммера.

Они прибыли на Юнону в составе последнего пополнения.

Двести человек, еще юные: в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет.

Челнок, доставивший их с борта общевойскового транспорта, приземлился на рассвете, когда край пылающего диска Юны едва показался из-за линии горизонта.

Первое впечатление о том, что планета полностью терраформирована и утопает в зелени, оказалось обманчивым. Под маскирующими лесопосадками, состоявшими из одной породы хвойных деревьев, модифицированных в военных лабораториях Новой Земли[4], пряталась разветвленная структура военных баз, космодромов, полигонов для испытаний новой техники, - планета представляла собой отнюдь не лесопарк, как виделось с орбиты, а единый научно-испытательный комплекс, где проходили обкатку новые образцы вооружений.

Встречавший новобранцев капитан дождался, пока нестройная толпа подравняется, и перестанет гомонить: от обшивки челноков исходил жар, в постепенно наступившей тишине слышалось потрескивание остывающих бронеплит, клочья утреннего тумана выдавливало из небольшой низины, образованной сетью дренажных канав на краю стартопосадочного поля, оранжевые лучи Юны озаряли верхушки деревьев неестественными для жителей Земли призрачно пламенеющими оттенками ядовитого багрянца, - все это, складываясь вместе, создавало неповторимое впечатление, заставившее вновьприбывших притихнуть.

Капитан терпеливо ждал, зная, что воздействие Юноны угомонит молодежь лучше всяких окриков. Жители земных мегаполисов, никогда не видевшие открытых пространств, беспечные, неорганизованные, еще не осознающие до конца, куда и зачем их привезли, действительно притихли, их взгляды, впитавшие новую реальность, невольно обратили внимание на стоявшего особняком офицера.

– Мальчики и девочки. - Тихо, даже вкрадчиво начал говорить он, заставив смолкнуть последние голоса. - Я знаю, что лишь немногие из вас прибыли сюда по своей воле, записавшись добровольцами на мобилизационных пунктах. Впрочем, теперь уже не важно, какие желания,

мотивы, убеждения или их отсутствие заставили вас скрываться от мобилизации или добровольно придти в пункт вербовки. Оглядитесь вокруг и осознайте тот факт, что находитесь на иной планете, вне привычной обстановки. Я не стану орать на вас, обзывать недоносками, и обещать сделать из каждого крутого солдата. Кто насмотрелся скверных фильмов, может забыть о ложных впечатлениях. Отныне вы - пилоты серв-машин. Первый шаг с трапа челнока стал шагом от безалаберной гражданской жизни в войну.

Обратной дороги нет. Никто не станет унижать или пытаться сломать вас, чтобы превратить из толпы в "настоящих солдат". Там, куда вы отправитесь, выживает только сильнейший и искуснейший. Просто забудьте все, что было в прошлом. Отныне каждый из вас - личность. Личность пилота. Только индивидуальные качества определят в первом же бою, кому выжить, а кому умереть. Запомните мои слова, - те, кому повезет, будут потом часто вспоминать их. Пилот серв-машины - прежде всего - индивидуальность, ибо в руках каждого из вас будет сосредоточена техногенная мощь, способная уничтожить любое препятствие на пути. Понятия дружбы в условиях современной войны зачастую теряют свой смысл. Просто рядом может не оказаться ни одно живого боевого товарища, - только машины.

Поэтому каждый должен научиться быть лидером, повторяю - неважно, кем вы были вчера.

А теперь - он повернулся, - следуйте за мной.

* * *

– Чокнутый какой-то. Наверное, контуженный на всю голову. - Вызывающе пробурчал молодой афроамериканец. - Что думаешь? - Обратился он к шагавшему рядом сухощавому подростку европейской наружности, - как тебя зовут?

– Антон. - Коротко ответил тот.

– А я Саймон. Саймон Грин. - Он чуть сбавил шаг, подстраиваясь под походку Антона. - Давай держаться вместе.

– Давай. - Охотно ответил Антон.

– Слушай, а как тебя загребли?

– Просто. Всех нас привезли сюда по одной причине. - Верхолин шел, глядя себе под ноги, будто на гладких плитах космодрома могло попасться какое-то неожиданное препятствие. - Бесплатные уличные кабины

виртуальной реальности.

– Подумаешь, кабины!… - Фыркнул Саймон. - Я каждый день проводил в них по много часов. И что?

– Так подумай. Симулятором *чего* они являлись?

Саймон поджал пухлые губы.

– Думаешь? - Недоверчиво переспросил он. - Конечно игры в войну - здорово, особенно когда заняться вообще нечем. Не до такой же степени!

– Именно до такой. - Ответил ему Верхолин.

Саймон притих, невольно втянув голову в плечи, став на пару сантиметров ниже ростом.

Нет, он не трусил, чувство проходило на ином уровне восприятия: вдруг стало ясно, что слова встретившего их офицера не пустые штампованные формулировки.

Блин, он ведь говорил с нами, как с равными. - Невольно подумалось Саймону. - Неужели Антон прав и на поверхность странного, чуть жутковатого мира его, как и остальных, привело суммарное количество баллов, полученных при использовании виртуального симулятора серв-машины?!

Саймон конечно теоретически признавал: поднявшись в рубку "Хоплита" или "Фалангера" он не раскроет рот от удивления, но шагавший неподалеку офицер похоже был уверен, что каждый из них способен на большее…

Он покосился на Антона, но обсуждать с новым товарищем внезапные перспективы почему-то расхотелось. Посмотрим… Посмотрим зачем на самом деле нас притащили сюда…

* * *

У Человечества, по крайней мере в той его части, что развязала войну в космосе, дважды появлялся реальный шанс остановить боевые действия, но его ни разу не использовали.

Почему? Почему не смотря на огромные цифры потерь, война, замерев на миг в мертвой точке, не затухала, а напротив вспыхивала новым, яростным и непримиримым накалом боев?

Говорят, уже спустя пять лет после завершения блокады Дабога войну со стороны Альянса вели в основном машины, и данный фактор все сильнее раскручивал маховик противостояния, не давая ему остановиться.

Общепризнанная ложь.

Войну начинали и закончили люди[5], а машины еще на протяжении тысячелетий хранили верность несуществующим силам, а если говорить просто и прямо - оставались заложниками созданных людьми программ.

18 июля 2624 года.

Борт крейсера "Апостол" - флагмана седьмого ударного флота Земного Альянса.

Адмирал Купанов удобно расположился в кресле, и сидел сознательно полуприкрыв глаза, отдавшись власти виртуальной реальности.

Экстренное совещание только что началось, обмен данными между флагманскими единицами семи ударных флотов осуществлялся на основе плавающих каналов гиперсферных частот[6], что исключало возможность прослушивания.

Шел пятнадцатый год Галактической войны.

Силы Земного Альянса, так и не сумев овладеть территориями развитых планет-колоний, оказались втянуты в борьбу с противником, чья материально-техническая база уже не уступала формированиям прародины Человечества.

– Господа, я должен начать наше совещание с прискорбной вести: Джон Уинстон Хаммер скончался сегодня утром.

Высшие офицеры флота молча встали.

На лицах непроницаемое выражение: ни скорби, ни радости, ни ошеломления. Все приглашенные на совещание имели тысячи причин ненавидеть и бояться человека, развязавшего войну, но каждый держал мысли под жестким контролем волевого рассудка.

– Прошу садиться. - Выдержав паузу, произнес адмирал Нагумо. Он почти не изменился за полтора десятилетия боевых действий и выглядел все так же: сухощавый старик с морщинистым лицом и ясным, пронзительным взглядом.

– В связи с кончиной Джона Хаммера, я приступил к исполнению обязанностей Главы Всемирного Правительства и Верховного Главнокомандующего.

Слова Нагумо не встретили ропота, ответом послужила тяжелая, осязаемая тишина. Подобный исход кулуарной борьбы последних лет виделся вполне очевидным, Александр Нагумо командовал объединенным генеральным штабом флотов уже более десяти лет, и ни у кого из присутствующих адмиралов не возникало мысли о правомочности подобного заявления.

Они, не сговариваясь, молчали, ожидая, что же будет дальше?

Со смертью Джона Хаммера наступила отрешенная, выжидательная пауза, все понимали: сейчас можно остановить войну, вступить в переговоры со Свободными Колониями, ибо скончался человек, который личным волевым решением положил начало боевым действиям.

Все понимали, но семь адмиралов, командующих отдельными формированиями ВКС Альянса, молчали, каждый что-то выжидал, вынашивал в душе некие планы, вот и Купанов, к примеру, даже не помыслил о том, чтобы поднять вопрос прекращения боевых действий.

Он смотрел на Нагумо и думал, подмечая мельчайшие детали в облике человека, чья слава была столь же велика, сколь и зловеща: *а ведь он долго не удержится у власти. Постарел, сдал, да и врагов у него достаточно. Что же станет, когда свершиться очередной переворот?*

Семь флотов, семь адмиралов. Альянсу реально грозил распад…

Его мысли нарушил голос Нагумо:

– Каждый из вас сегодня получит развернутый план действий флота на ближайшую перспективу. Мы кардинально меняем стратегию. Переходим к широкому пространственному охвату скопления Центральных Миров, с целью блокады стратегических гиперсферных трасс, захвата удаленных, еще не втянутых в войну колоний эпохи Великого Исхода.

…

Маховик войны, застывший на миг в мертвой точке, скрипнув, вновь начал свое движение, под ледяное молчание власть предержащих.

…

Никто из собравшихся не попытался оспорить слова Нагумо, что-то возразить или предложить, тем более, что адмиралам, командовавшими флотами, переговоры с Колониями сулили разве что скорую отставку.

Каждый думал о себе и никто - о Человечестве.

– Разрешите вопрос, господин адмирал? - Сломал тягостное ощущение конформизма молодой, дерзкий голос.

– Да, слушаю. - Нагумо даже не повернул головы, он и так знал, кто осмелился отпустить реплику.

Со своего места поднялся командующий пятым флотом, самый молодой из плеяды высших офицеров новой волны - некто Табанов, - темная лошадка, по мнению большинства.

– Наличие проработанного плана подразумевает, что его готовил сам Джон Хаммер?

– Вопрос провокационный, но я отвечу: идея принадлежит мне. - Ответил Нагумо, все же одарив Табанова неприветливым взглядом. - Еще в

начале войны стало ясно: позволяя колониям вести разведку за пределами "освоенного космоса" мы совершаем ошибку, упуская стратегическую инициативу. Создание сети военных баз и планетных опорных пунктов, которые замкнут Центральные Миры в своеобразную "сферу", позволит сформировать в границах освоенного космоса "зону отчуждения", которая не даст сопротивляющимся колониям наращивать свою мощь за счет ресурсов удаленных звездных систем, - вот верная стратегия на перспективу и одновременно - главная тактическая задача текущего момента. В предстоящей широкомасштабной операции у каждого из флотов будет свое специфическое задание.

Купанов слушал Нагумо, не пытаясь вмешаться. Лишние вопросы заданные сейчас, несомненно аукнутся в последствии. Память у Нагумо крепкая. Павел Петрович являлся не только опытным адмиралом, но и прожженным политиком. Он начал карьеру, командуя артиллерийской палубой крейсера "Эммануил", принимавшего участие в атаке системы Дабог, дослужился до звания командующего флотом и прекрасно понимал: за общими фразами Нагумо действительно кроется новая стратегия боевых действий в космосе. Способность анализировать ситуацию, воспринимать не только высказанные вслух мысли, но и их подтекст, не раз помогали ему в трудных ситуациях постоянной кулуарной борьбы за власть.

Вот и сейчас он интуитивно понял, - Нагумо не просто так обозначил новую стратегию, - он устранял угрозу, перемещал флоты, намеренно разделяя их, давая каждому адмиралу свою задачу и определенный сектор космического пространства. Старик не желал терять власти, либо устраняться от дел. Но что произойдет, когда его не станет?

Он пытается увидеть лидера среди нас. Человека, способного занять высокий пост, удержать Альянс от дробления.

Слова Нагумо действительно прозвучали для большинства присутствующих, будто отмашка на старт в короткой, но яростной гонке за первенство, по результатам которой Нагумо без сомнения объявит имя своего преемника, а сам уйдет в тень, под гарантии личной неприкосновенности.

Что ж… Посмотрим, какую задачу он поставил седьмому флоту. - Подумал адмирал. Он уже не сомневался, что кроме общих целей войны в каждом из заданий скрывается некий шанс, либо подвох. Нагумо желал увидеть - кто из адмиралов поймет его намек, сумеет не только достичь намеченной цели, но и вырвать для себя некое неоспоримое преимущество.

Совещание продолжалось, но Купанов слушал дальнейшие доклады без особого внимания. Главное он уже выделил, и теперь ему не терпелось

просмотреть файлы с конкретной задачей флоту.

Он принял условия игры, предложенные верховным главнокомандующим, и не собирался упускать открывшего ему шанса стать первым среди равных.

* * *

Крейсер "Апостол". Двенадцать часов спустя.

На следующий день уже адмирал Купанов собрал совещание высших офицеров флота.

Он не ошибся в интуитивном предвидении ситуации, но доводить подобные мысли до офицерского состава не собирался. Адмирал оставался себе на уме, рисуя варианты развития событий на ближайшую перспективу.

– Итак, господа, новая стратегия озвучена. - Обратился он к притихшей в ожидании аудитории.

Купанов мысленным приказом включил систему голографического вывода данных. Посреди обширного помещения появилось объемное изображение космического пространства. Многие звезды были помечены различными маркерами, условными знаками, по взаимному расположению которых, их наличию, либо отсутствию приглашенные офицеры получали наглядное представление о современном положении дел на фронтах Галактической войны.

Пять звездных систем, где планетные цивилизации колонистов еще до начала вторжения со стороны прародины Человечества сумели (после четырехсотлетней изоляции) вторично выйти в космос, окружали плотные скопления различных обозначений. Здесь присутствовали маркеры пространственных минных полей, дрейфующих в космосе форпостов, - чем ближе к системе звезды, тем плотнее сходились условные знаки, образуя структуру глобальной противокосмической обороны.

Однако основные боевые действия последних лет велись уже не в системах Центральных Миров - отчаянные и кровопролитные схватки происходили на удалении в пять-семь, а то и все десять световых лет от постепенно набирающих мощь колоний.

В звездных системах, где велись упорные бои, как правило, не существовало обитаемых планет, либо они были уничтожены в ходе отчаянного противостояния.

Чем же обуславливалось значение пустынных и безжизненных уголков космоса? Быть может ресурсами?

На заданный вопрос исчерпывающе отвечала только теория гиперсферы - аномалии пространства-времени, через которую перемещались космические корабли.

Силы двух звездных союзов сходились в ожесточенных схватках за контроль над так называемыми "точками промежуточного всплытия", а если выражаться проще: за системы, откуда возможен прыжок к Центральным Мирам.

Пока что закрепиться, организовать мощный заслон, блокирующий саму вероятность перехода вражеских эскадр на новую горизонталь гиперсферы[7] не удавалось ни одной из сторон.

В результате создалась патовая, безвыходная ситуация: военно-космические силы Альянса не имели возможности наносить прямые удары по планетам противника, а Флот Свободных Колоний, по сути, находился взаперти - любой маневр, ведущий в обход упомянутых систем, уводил корабли в зону неисследованного космоса, а в условиях, когда гиперсферная навигация только зарождалась, делала первые робкие шаги в деле изучения свойств аномалии, подобные подвижки сил флота граничили с авантюрой.

Требовались годы на разведку и освоение новых гиперсферных трасс, прокладку маршрутов в обход систем, где обе враждующие стороны погубили немало жизней и техники.

Таким образом, план адмирала Нагумо не прочил быстрого окончания войны, напротив освоение периферии, организация военных баз во всех без исключения системах, обнаруженных в зоне неисследованного космоса, затягивало войну на неопределенный срок, но при умелом подходе и достаточном количестве сил гарантировало Альянсу победу в перспективе.

Купанов позволил собравшимся офицерам проникнуться идеей новой стратегии, а затем, посчитав, что времени на осмысление пространственной схемы достаточно, перешел к сути конкретной текущей задачи, поставленной перед силами седьмого ударного флота.

В стороне от театров военных действий появилось еще два маркера.

– Как вы видите перед нами базы космического флота Свободных Колоний, господа. Разведке генерального штаба удалось обнаружить не только места их дислокации, но и выяснить назначение, а так же приблизительную структуру объектов. Итак, в нашем случае речь пойдет о системе звезды МР-5608, которая имеет шесть планет. Кислородосодержащей атмосферой обладает четвертый спутник звезды, там по сведениям разведки создана мощная инфраструктура баз РТВ[8],

куда на протяжении последних лет вывозилась вся техника Альянса, захваченная Флотом Колоний в ходе боевых действий. Планета представляет угрозу не только из-за хорошо организованной, глубоко эшелонированной планетарной и противокосмической обороны, - во-первых, система звезды рассматривается командованием, как один из важных стратегических "узелков" гиперсферной сети, и, во-вторых, на базах РТВ проводятся интенсивные исследования трофейных серв-машин, а на полигонах отрабатываются приемы борьбы с нашей планетарной техникой, и проходят испытания новые комплексы вооружений.

– Задача, поставленная перед флотом - совершить гиперпространственный переход по координатам звезды МР-5608, прорвать оборону противника, и захватить планету.

Адмирал Купанов сделал паузу, наблюдая за реакцией командиров кораблей и штабных офицеров флота.

– У нас недостаточно сил для крупномасштабных боевых действий на поверхности планеты. - В ответ на выжидающий взгляд адмирала произнес начальник штаба флота. - Десантные подразделения укомплектованы личным составом едва ли на треть.

Больная тема, затронутая так некстати, не вызвала недовольства со стороны командующего флотом.

Действительно война сжирала все больше и больше людей, - словосочетание "человеческий ресурс" хоть и крутилось на языке, но мало кто в последние годы решался произнести его вслух - статистика потерь угрожающе росла, и многим из старших офицеров было ясно - еще пара лет такой войны и…

– Командование знает о существующих проблемах. Они решаются вполне успешно. От удручающей статистики жертв мы вскоре перейдем к подсчету потерь среди *машин*. - Адмирал намеренно выделил интонацией последнее слово. - Новая концепция ведения боевых действий предполагает использование полностью автоматизированных серв-соединений, которым в качестве поддержки будут приданы андроиды технической и пехотной модификаций. Но прежде чем новейшие образцы техники начнут поступать в войска, необходимо уничтожить исследовательские базы противника. Нехватку личного состава мы восполним непосредственно во время штурма планеты, - на базах РТВ содержаться сотни наших пленных "пилотов", их освобождение и немедленное включение в боевые действия - вот первейшая задача десанта. Ее выполнение обеспечит специально подготовленная диверсионная группа. Наши силы овладеют одним из ключевых объектов, откуда

освобожденные пилоты будут доставлены к ангарам серв-машин.

– Не понимаю, господин адмирал, о каких пилотах идет речь? И почему их содержат на планете рядом с базами РТВ? - Спросил полковник Иверзев, под началом которого находились все десантные подразделения флота.

– Об этом мы поговорим во второй части совещания. - Ответил Купанов. - Наземная операция спланирована в объединенном штабе флотов. Для ее проведения нам присылают пополнение - один серв-батальон, полностью укомплектованный новейшей техникой и пилотами. Наша задача - прорвать космическую оборону, обеспечив штурмовым носителям безопасные коридоры сближения с планетой. Вот над этим мы и станем думать.

* * *

Юнона. Сектор лабораторий "Гамма"…

Главный конструктор модулей "Одиночка" Говард Фарагней, пребывал в тот день не в лучшем расположении духа. Жизнь, казавшая еще в недалеком прошлом совершенно понятной, неожиданно дала трещину. Он стал замечать, что в недрах бункерной зоны штат персонала из числа людей постепенно замещают машины, - исследования продолжались полным ходом, но Фарагней, обычно не требовательный к условиям проживания, всецело поглощенный работой, начал страдать от одиночества.

В последнее время он редко покидал прохладные глубины секретной бункерной зоны, но сегодня ему вдруг захотелось сделать глоток настоящего утреннего воздуха, отвлечься от технических заданий, оглядеться, понять, что же на самом деле происходит с окружающим миром, и насколько глобальны вкравшиеся перемены?

Для руководителя его ранга на Юноне не существовало запретов или ограничений.

Поднявшись на скоростном лифте с четырехкилометровой глубины Фарагней, миновав стартовые площадки, предназначенные для "Нибелунгов"[9], прошел через контрольно-пропускной пункт и неторопливым шагом направился к ближайшему лесному массиву, благо маскирующие посадки начинались почти сразу за периметром посадочных площадок.

Он рассчитывал побыть один, позволив себе на некоторое время стать самим собой, вспомнить, что над головой бывает чистое, лазурное небо, а

запах хвои, - это не только экстракт, заправленный в систему насильственной вентиляции и кондиционирования воздуха.

Однако не стоило забывать, что на Юноне каждый квадратный метр площади суши отдан жестокому служению богу войны. Под сенью генетически модифицированных сосен, вырастающих на десятиметровую высоту всего за один год, проходили дороги, располагались различные постройки, казармы, технические боксы, площадки для построений техники и личного состава формируемых на Юноне подразделений.

На одном из таких плацев он заметил нестройную толпу новобранцев, перед которыми с краткой речью выступал знакомый майор, возглавляющий отдел по работе с личным составом при учебном центре, где тренировали будущих пилотов серв-машин.

Прогуливаясь по усыпанной хвоей дорожке, Говард невольно прислушивался к словам, смотрел на лица юношей и девушек, и постепенно ему становилось не по себе: если пару лет назад стать пилотом серв-машины могли только зрелые мужчины и женщины, как правило, уже побывавшие в боях, узнавшие настоящую цену жизни и смерти, и что немаловажно - сделавшие сознательный выбор, - то есть изъявившие желание перевестись в серв-соединения, то что случилось теперь?

Почему он видит на Юноне столь молодые лица?

Им не воевать, - только вступать в жизнь, влюбляться… - растерянно подумал Фарагней. - Может ошибка, какая? И призваны они в технические службы, к примеру? Тогда при чем тут майор Херпак?

Пока он размышлял, прервав свою прогулку, короткий инструктаж новобранцев завершился и те нестройной толпой потянулись, скупо переговариваясь между собой, к приземистым, надежно спрятанным под пологом маскирующих лесопосадок[10] зданиям казарм.

Не выдержав, Говард окрикнул майора, хотя между ними никогда не существовало дружеских, приязненных отношений, скорее наоборот, по непонятной причине Херпак таил на Фарагнея злобу, которая, впрочем, не выходила за рамки субординации и выражалась лишь в колючих взглядах.

– Джон, можно тебя на минуту?

Майор остановился, затем, присмотревшись и узнав Фарагнея, нахмурился.

– Слушаю вас, господин полковник, - подчеркнуто сухо и официально откликнулся он.

– Скажи, - Говард проигнорировал его тон, - как большинство ученых он мало обращал внимания на звания, субординацию и прочее… - Скажи,

Джон, почему к нам прислали молодежь?

Лицо Херпака помрачнело еще больше. Казалось, он с трудом сдерживает рвущуюся наружу ярость.

– Пятнадцатый год войны. - Скупо и все еще сдержанно ответил он. - Если бы вы чаще поднимались на поверхность то, наверное, знали бы истинное положение дел. Призывной ценз вот уже два года как снижен до пятнадцати лет.

– Помилуй Бог… - Вырвалось у Фарагнея. - Они же еще дети!

– Простите, господин полковник, и *это* говорите мне вы?

– Не понимаю. А в чем дело? И вообще Херпак, за что вы меня тихо ненавидите?

– За ваши изобретения, сэр. Вы подарили миру систему "Одиночка", вы создали "Фалангеров" и "Хоплитов", вы и только вы повинны в том, что на всех уровнях мегаполисов Земли вот уже несколько лет стоят бесплатные кабины виртуальной реальности, где есть только одно развлечение - вождение серв-машины, с использованием модуля прямого нейросенсорного контакта! - Глаза майора вдруг налились кровью. Сколько "ускоренных выпусков" он провел за последние два года? Двадцать? Тридцать? А сколько из его бывших подопечных сейчас живы?

Он ненавидел Фарагнея, ненавидел ученых, войну, самого себя, за то, что продолжает готовить все новых и новых *смертников*…

– Но… - Говард растерялся… - Но они же не пилоты! Да не смотрите на меня так майор! Я не убийца детей!

Однако Херпак уже перешагнул грань зреющего в душе безумия.

– Вы убийца Фарагней! - Хрипло выплеснул он в лицо полковника страшное обвинение. - А они, - он обернулся, указав резким жестом руки на удаляющихся новобранцев, - они уже пилоты, стараниями проклятых уличных автоматов!

– Не я их создал… - почему-то оправдываясь, произнес Говард, невольно отступив на шаг. - Я… Я никогда бы не пожелал смерти…

– Замолчи!… - Яростно выдохнул Херпак, уже напрочь забыв о субординации, перейдя на "ты", и окончательно потеряв контроль над собственными эмоциями. - Вспомни модуль "ALONE[11]", или первые версии системы "CLIMENS". Подумай, скольких детей на разных планетах убили серв-машины под руководством тупых, умеющих лишь уничтожать и видящих только конечную цель "Одиночек", пока вы там в своих бункерных зонах изобретали хоть что-то, отличающее ребенка от вооруженного противника!…

На бледных щеках Фарагнея появились пунцовые пятна.

Ему нечего было возразить на обвинения, звучащие из уст майора.

Бесполезно оправдываться, говорить, что на момент создания "Одиночек" первых серий он являлся всего лишь рядовым сотрудником секретных лабораторий базы "Гамма".

Теперь он стал главным конструктором, и его имя будет навек проклято, неразрывно связано самой губительной в истории человечества войной и самыми разрушительными из существовавших когда-либо планетарных машин.

Херпак резко развернулся и зашагал к казармам, а Фарагней все стоял и смотрел ему вслед, не в силах сдвинуться с места.

Я проклят… - Внезапно подумал он.

* * *

Юнона. Комплекс секретных лабораторий "Гамма".

После неудавшейся прогулки на свежем воздухе Говард Фарагней пребывал в скверном расположении духа.

Ему давно перестало нравиться то, чем занимался подчиненный ему сверхсектертный исследовательский комплекс, но даже теперь со смертью "идеолога войны" ныне покойного Главы Всемирного Правительства, президента Земного Альянса и верховного главнокомандующего Джона Уинстона Хаммера, раскрученный маховик противостояния Земли и Колоний продолжал вращаться, хуже того он набирал обороты, вовлекая в смертельную схватку все новые планеты, - если у *войны* вообще существуют "рамки разумного", то за них вышли, причем давно, а теперь с его помощью и при непосредственном участии, высший генералитет Альянса, собирается сделать очередной шаг по направлению к пропасти, на дне которой вскоре будут покоиться останки всего Человечества, без разделения на Землю и Колонии.

Безумие войны поразило рассудки, отравило их многолетним противостоянием, - для одних вселенская бойня стала смыслом жизни, у других не хватало смелости противостоять диким замыслам, третьи просто дрожали за свою шкуру, четвертым стало все равно - их души и разум пожрала война.

А что делать мне? - Спрашивал себя Фарагней, размышляя над очередным техническим заданием, полученным из объединенного штаба флота.

Оправдаться перед самим собой - дело нехитрое. Во-первых, ему отдан четкий, недвусмысленный приказ, неисполнение которого грозит смертью. Во-вторых, автоматические системы с элементами искусственного интеллекта начали применять не сегодня и не вчера - еще на заре космической эры, за двести лет до начала Великого Исхода кибернетическим системам вложили в руки оружие.

Сейчас уже не имело смысла копаться в архивах, выясняя какое из земных государств первым перешагнуло роковую черту, строя свою военную политику на принципе "цель оправдывает средства ее достижения".

Что толку искать оправдания в истории начала двадцать первого века, когда им - Говардом Фарагнеем, пятнадцать лет назад был создан программный пакет "Одиночка", первая версия которого получила кодовое название "ALONE"?

Он создал кибернетического монстра, а военные лишь выпустили его на волю.

Пакет программ независимого поведения для принципиально-новых видов боевой планетарной техники, созданных по аналогии с шагающими сервомеханизмами планеты Дабог, дал старт его головокружительной карьере и… обрек на варварское разрушение десятки колонизированных миров.

Серв-машина - сложнейший, уникальный по своей мощи и гибкости комплекс, Говард лучше других знал, что созданные при его активном участии планетарные сервомеханизмы просто не с чем сравнивать. Ни человек, ни предшествующие типы планетарной техники не способны противостоять боевому шагающему сервомеханизму, в конструкции которого воплотился опыт техногенных войн в сочетании с опорно-двигательными системами, позаимствованными у самой природы, отшлифованными до полного совершенства миллиардами лет эволюции.

Полтора десятилетия назад, после неожиданного и болезненного поражения в системе Дабога, когда захлебнулась в крови идея быстрой победоносной войны против строптивых колоний, их - талантливых инженеров и кибернетиков, собрали вместе, здесь на Юноне в бункерных зонах сверхсекретного научно-промышленного комплекса, и продемонстрировали образцы серв-машин, разработанных конструкторами Альянса.

Поначалу предъявленные конструкции показались Дэйвиду нежизнеспособными - слишком сложными они выглядели - одной кинематики, основанной на сервоприводах, было столько, что голова шла

кругом. Однако, никто не спрашивал их мнения относительно созданных военно-промышленным комплексом Альянса испытательных образцов. Всех прибывших на базу "Гамма" разделили на группы, перед каждой была поставлена вполне конкретная техническая задача: одним поручалось написать программы для сотен автономных подсистем, приводящих в движение механическое исчадие высоких технологий, другим - обеспечить самостабилизацию механизма в различных условиях рельефа, третьим - разработать программные модули управления вооружением.

Группе Говарда Фарагнея досталась самая сложная задача: создать пакет программ независимого поведения, для управления сложнейшим кибернетическим комплексом. Не автопилот, а боевой программный модуль, который примет на себя функции пилота. Говоря проще: им предлагалось создать модель искусственного рассудка, способного не только руководить множеством подсистем, но и вырабатывать в ходе боя нестандартные тактические решения, накапливать опыт, и в дальнейшем применять его на практике.

Сроки исполнения задания были смехотворно-малы, - всего три месяца, но в распоряжение Говарда и его коллег отдали все мыслимые и немыслимые ресурсы, перед ними сняли гриф "секретно" с множества разработок, сделанных их предшественниками, - несомненно, талантливыми кибернетиками и программистами, создававшими различные модули из потребности к реализации своего интеллектуального потенциала.

В ставшем уже далеким декабре 2609 года, Говард с головой погрузился в техническую проблему, он жил на стимуляторах, работая по двадцать часов в сутки, задача казалась захватывающе-интересной, о практическом применении создаваемого "Одиночки" если и думалось, то как-то вскользь.

Группа Фарагнея написала модуль "ALONE" за два с половиной месяца.

Полигонные испытания первого полноценного боевого модуля искусственного интеллекта прошли успешно - небольшие дефекты устранялись буквально "на ходу", и уже к весне 2610 первые "Одиночки" поступили в войска.

Пред мощью, маневренностью, проходимостью, живучестью и запасом автономии серв-машины иные виды наступательной планетарной техники выглядели хрупкими детскими игрушками и, тем не менее, система "ALONE" получила нелестные отзывы.

Боевые качества машины не подвергались критике, шквал замечаний

обрушился на главенствующую систему управления. Действия первых образцов "Одиночки" оказались слишком прямолинейны, предсказуемы, и в схватках с перевооруженными сервоприводными аграриями Дабога, которыми управляли потомственные пилоты из числа колонистов, использовавшими систему стопроцентного нейросенсорного контакта с машиной, "Одиночки", созданные группой Фарагнея, терпели одно поражение за другим.

Миг триумфа сменился воистину адским напряжением нового витка "интеллектуальной гонки вооружений".

Однако Говард стал одним из немногих, кто понимал - да, пусть девяносто процентов "Одиночек" терпели поражение в первом бою, но опыт не приходит сам по себе и оставшиеся десять процентов вполне годились для дальнейшей эксплуатации, среди машин начался самый настоящий естественный отбор, и в конечном итоге один из сотни модулей "ALONE" обретал тот самый пресловутый и бесценный боевой опыт, позволявший ему сражаться с машинами противника, управляемыми людьми, практически на равных.

Естественно подобная "арифметика" совершенно не устраивала командование. Мало того, что провалились планы быстрого и бескровного захвата колоний, - Флот Альянса царил в космосе, но ни одной победной высадки на поверхность колонизированных планет так и не произошло, к тому же цена серв-машин выражалась в астрономических цифрах, и каждый уничтоженный "Фалангер" либо "Хоплит" наносил серьезный урон экономике Альянса.

В ту пору Говарду Фарагнею действительно было не до этических рассуждений.

Он работал, как проклятый, но с каждым днем чувствовал, что все дальше заходит в тупик. Кибернетическую систему необходимо обучать долго и тщательно, в ее состав входят искусственные нейросети, которые невозможно запрограммировать, но времени на учебный процесс (в условиях полигона требовалось около года, чтобы оснащенный искусственными нейросетями модернизированный "ALONE" накопил достаточно опыта) ему попросту не давали.

На Говарда давили. Давили жестко, и он начал опасаться за собственную жизнь. В дополнение ко всем обрушившимся на него бедам, в объединенном штабе флота все сильнее разгоралась кулуарная борьба между адмиралами Александром Нагумо и Тиберием Надыровым. В схватке за власть они использовали в том числе и фактор неудачного боевого применения дорогостоящих серв-машин.

Говард был близок к нервному срыву. Он сутками не вылезал из лабораторий, пытаясь самостоятельно обучить злополучный боевой модуль.

Но как он мог передать искусственным нейросетям "Одиночки" необходимые навыки ведения боя, если, даже применяя методику обучения через прямое нейросенсорное соединение между рассудком человека и обучаемой машиной (такое соединение осуществлялось с использованием стандартного импланта, вживляемого каждому гражданину Альянса еще при рождении), он лично не обладал даже зачатками необходимого боевого опыта?

Именно тогда в период отчаянья и страха, Говарду пришла в голову спасительная мысль - да он не обладает боевым опытом, но есть ведь и другие люди - настоящие, профессиональные бойцы, которым есть что передать способным к обучению искусственным нейросетям машины!…

Командование требовало от него немедленного, положительного результата, и тогда Говард предложил новый подход, очередную, в корне отличающуюся от других модернизацию: в рубке серв-машины должен появиться пилот, который станет управлять боевым механизмом через шунт нейросенсорного контакта. В результате решались сразу две проблемы, - машины выходили в свой первый бой под управлением человека, уже в процессе боевых действий обучаясь уникальной гибкости мышления…и сохраняли накопленный опыт даже в случае гибели пилота.

Идею подхватили буквально "на лету". Учитывая, что практика управления сервомеханизмами через прямое соединение рассудка оператора с исполнительными системами машины, была широко известна и надежно отработана (такой способ управления применялся, как в горнопроходческих работах, так и во многих космических и глубоководных операциях) в модуль "Одиночки" интегрировали систему распознавания мысленных команд, что избавляло пилота от необходимости привыкать к неудобному сенсорному костюму, который не всегда адекватно передавал сигналы от человеческих мышц к исполнительным сервосистемам.

Первая группа пилотов начал практические занятия в августе 2610 года.

Параллельно с полигонными испытаниями модернизированного модуля "ALONE", Фарагней приступил к разработке следующей версии "Одиночки" получившей кодовое название "CLIMENS".

Одного не учел Говард, интегрируя в модуль "Одиночки" интерфейс мысленных команд - степень обратной связи боевой кибернетической системы с разумом человека оказалась в десятки раз выше, чем у

гражданских аналогов управляемой мысленными приказами техники.

Очередные поправки к основному техническому заданию содержали требования о том, чтобы пилот не только ощущал сервоприводы, как части собственного тела, что, несомненно, повышало эффективность управления, но и получал слабые болевые ощущения при попаданиях в машину, обучая искусственный разум инстинкту самосохранения. Однако новая глубина ощущений и скрытый до сих пор потенциал взаимосвязи между искусственными нейросетями и рассудком пилота привели к неожиданным результатам: система "Одиночка" уже не ограничивалась восприятием мысленных команд, она получала свой эквивалент боли, в ход пошли *чувства* человека, а значит системой распознавались не только командные, но и все эмоционально окрашенные мысли.

Таким образом, получалось что "Одиночка" фактически сканировала разум человека, воспринимая массу сопутствующей информации.

В начале войны, когда количество нейросетевых модулей в кристаллосхеме "Одиночки" исчислялось десятками, сопутствующая информация, получаемая из разума человека, как правило, отфильтровывалась, так как она не подпадала под критерии аккумуляции боевого опыта, но с дальнейшим развитием системы, когда число нейросетевых чипов в схеме кристалломодуля перевалило за сотню, "Одиночки" новых поколений начали демонстрировать признаки *характера*.

Настоящее потрясение Говард Фарагней испытал, получив первый отчет с театров боевых действий после начала массовых испытаний нового поколения боевых машин.

"Одиночки" превзошли все самые смелые ожидания.

Нужно понять ужас внезапно прозревшего "творца", когда Говард читал скупые строки отчетов, информирующие о том, что после получения повреждений, в результате которых погибал пилот, серв-машина продолжала действовать так, будто в рубке по-прежнему находился человек!

При этом эффективность боевого сервомеханизма не падала, напротив, не связанный ограничениями по поддержанию жизни пилота, модуль "Одиночки" начинал действовать более эффективно.

Анализ вернувшихся в лаборатории кристалломодулей открыл ужаснувшие и потрясшие Говарда до глубин души факты: "Одиночка" запоминала последнюю информацию, полученную из разума пилота, заполняя ей все свободные на момент гибели человека нейрочипы, - таким образом, в искусственном сознании оставался отпечаток личности

человека, наложенный на травматические ощущения смерти, - вот почему серв-машины, пережившие гибель своего пилота, действовали с необъяснимой поначалу целеустремленной яростью.

Ситуация по самым осторожным оценкам оказалась далеко за гранью разумного риска, но Фарагней уже ничего не мог поделать, - он оказался творцом искусственных интеллектов, которые получали весь негативный опыт войны, их формирующееся в процессе боев самосознание зачастую оживало именно в момент смерти пилота, начиная осознавать факт собственного существования, так словно погибший рассудок материализовывался на искусственных носителях…

Все уродливые гримасы войны - ярость, отчаянье, ненависть, страх, выплескиваясь в бою, навек оставались в искусственном сознании "Одиночки".

…

Сейчас, полтора десятилетия лет спустя, Говард Фарагней уже руководил секретным комплексом "Гамма", он разработал новый модуль независимого поведения, назвав его женским именем "Беатрис".

Фарагней давно пережил неизбежный в его положении период отчаянья, страха, запоздалых моральных мук, - в горниле испытаний постепенно выковывался характер, он сумел открыть глаза и взглянуть на действительность без ложных оправданий, призванных успокоить собственную совесть.

Противостояние людей постепенно, но неотвратимо превращалась в борьбу машин, на полях сражений с обеих сторон царили роботизированные комплексы, единственным смыслом бытия которых являлась война до победного конца, который не отрицал полного уничтожения Человечества.

Говард стал замкнут и неразговорчив. Его сознание хранило тайны, известные только ему. Работающие в лабораториях "Гаммы" специалисты в угоду повышенной секретности занимались теперь лишь узкими, профильными работами, Фарагней подозревал, что он единственный, кто хранит в рассудке всю информацию по модулям "Одиночка", - только он знал, как создать программно-аппаратный модуль нового поколения.

Казалось бы - зачем?

Покончив со страхом, взглянув в глаза правде, Говард полностью отдавал себе отчет, что никто из ныне живущих не остановит раскрученный маховик вселенской бойни.

Он решил сделать хоть что-то, способное предотвратить гибель цивилизации, - а именно: дать машинам, уничтожающим друг друга,

понятие о других целях и ценностях, но как он собирался осуществить задуманное?

Его личным искуплением стало создание "BEATRIS".

Говард не сомневался - новый модуль примут на вооружение. Он лично сделает все, чтобы "BEATRIS" поступила в войска, пройдя все мыслимые тесты и испытания.

Он заложил в схему "Одиночки" мину замедленного действия, увеличив количество нейрочипов до двух с половиной тысяч.

Теперь модуль искусственного интеллекта, находясь на постоянной связи с разумом пилота, не будет терять информацию, полученную из человеческого рассудка. Говард был хорошо осведомлен о настроениях, царящих среди офицеров Альянса. Все больше людей осознавало бессмысленность межзвездной бойни, в душах росло неприятие ситуации в целом, - именно такие противоречия хотел посеять Говард Фарагней в искусственных душах "Одиночек", дав им шанс впитать человеческие мысли, быть инфицированными сомнениями относительно целесообразности войны, как способа решения накопившихся проблем.

Он еще не знал, к чему приведет подобный шаг, но надеялся, отчаянно надеялся, что такой подход сумеет изменить хоть что-то…

Мотивы Фарагнея были просты.

Говард понимал: один из вероятных исходов Галактической войны сулил гибель цивилизации. Ему ли не знать, что в аду техногенного противостояния зачастую выживали лишь машины?

Однако он лично не мог остановить войну. Ненависть сторон, закаленная в ее горниле, оказалась так велика, что ни у политиков, ни у солдат не возникало даже мысли о возможном перемирии, поиске компромиссов. Новые поколения, рожденные уже во время войны, были воспитаны отнюдь не пропагандой, - они являлись детьми разрушенных городов, сожженных планет, им незачем было *прививать* непримиримость к противнику, - ее и так хватало в избытке.

Война незаметно, крадучись перешагнула роковую черту.

Говард не видел в современности силы, способной остановить кровавое безумие межзвездного конфликта, но, прозрев, он задался целью ее создать. Фарагней поклялся себе, что станет совершенствовать "Одиночек", незаметно, исподволь выпуская на конвейеры заводов военно-промышленного комплекса Альянса модули искусственного интеллекта, способные принять на свои носители не только боевой опыт пилота, но и душу человека.

Возможно, они остановят войну, осознав, что межпланетная бойня

ведет только к взаимному истреблению, и ничему более…

Нет, того, что я сделал мало. Мало и поздно… - Нервно думал он, расхаживая по тесному помещению своего рабочего кабинета.

Он сейчас не думал ни над "спасением души", ни над вопросами "очистки совести".

Каждый из нас однажды начинает прозревать, глядя на окружающую действительность иными глазами.

Одни раньше, другие позже, но лучше ведь поздно, чем никогда?

* * *

Юнона. Двое суток спустя…

Появление Говарда Фарагнея на испытательном полигоне "Гамма-4" вызвало легкий переполох со стороны людей. Машины остались безучастны к визиту, отметив лишь, что в первый раз полигон посещает должностное лицо с высшим приоритетом допуска.

День обещал стать необычным. Говард и сам удивился, заметив на парковочной площадке у административного здания личный флайбот командующего седьмым ударным флотом адмирала Купанова.

Заочно они знали друг друга, но вот сталкиваться лицом к лицу пришлось впервые.

Обменявшись рукопожатием оба отвели взгляд, будто и адмиралу и полковнику было, что скрывать в этот день.

– Новые машины? - Осведомился Купанов, указав на стройные ряды "Хоплитов" и "Фалангеров", готовых к испытаниям в условиях полигона. Рядом с исполинскими серв-машинами фигурки пилотов казались едва ли не букашками.

– Не только. - Спокойно ответил Фарагней. Он не собирался открывать адмиралу истинной цели своего визита на полигон, и полуправда тут как раз годилась:

– Не только машины, но и новая модель "Одиночки".

– Теперь понятно. - Кивнул адмирал, как-то сразу успокоившись. - Я наблюдаю. Мешать не стану, мне любопытно увидеть возможности модернизированных машин.

Фарагней кивнул, подумав:

Не за техникой ты прилетел адмирал.

Впрочем, вслух он ничего комментировать не стал, легко пересек линию ограждения, и направился прямиком к строю пилотов - тех самых

юношей и девушек, что несколько дней назад нестройным шагом входили в казарму.

Инструктировавший их капитан говорил отрывисто, но не грубо:

– …думаю за три дня, проведенные на Юноне, вы поняли, что настала взрослая жизнь. Учить вас нечему, вы все прошли предварительный отбор, по результатам соревнований в виртуальной реальности. Многие из вас, возможно, не подозревают, что потенциально могут поучить вождению серв-машин бывалых пилотов. Это факт. Так что ничего нового. Тот же самый нейросенсорный контакт, те же ощущения полного слияния с механизмом, за исключением одного существенного дополнения, - теперь модули "Одиночка", установленные на ваших машинах, обретут функцию обратной связи с пилотом, и это…

– Это вопрос доверия. - Произнес Фарагней, отстранив рукой оторопевшего капитана.

Воцарилась неловкая тишина. Главного конструктора "Одиночек" знали в лицо лишь единицы из числа людей с высшим приоритетом допуска к секретным данным, но Фарагней сам нарушил инструкции.

Остановившись перед строем, он негромко, но внятно произнес:

– Я один из тех, кто создал не только сами машины, но и модуль "Одиночки" серии "Беатрис-4". Послушайте меня внимательно и постарайтесь запомнить: "Беатрис-4" уже не набор программ независимого поведения. "Одиночка" данной модели - полноценный искусственный интеллект. Но, как должно быть известно, подобную систему невозможно запрограммировать. Она способна лишь обучаться. Поэтому я повторюсь - новым для вас станет вопрос взаимного доверия между существующим на носителях машины искусственным разумом и рассудком пилота. Если вы не будете доверять друг другу, станете делить полномочия или хуже того - игнорировать друг друга - вам не выжить в пространстве современного боя.

Кто-то из вас сейчас спросит: зачем нужен искусственный интеллект при живом пилоте и на что "Одиночке" сдался пилот? Правильно?

Ответом ему послужила тишина.

– Вы еще не успели задать себе подобных вопросов, понимаю. Но они неизбежно возникнут, прямо здесь на полигоне во время испытаний.

Фарагней откашлялся и продолжил:

– Скажу вам правду: "Беатрис-4" создана для того, чтобы учиться не только приемам ведения боя, но и другим человеческим качествам. Командование не желает, чтобы война перешла в стадию, когда с обеих сторон друг против друга будут сражаться машины, не имеющие ни капли человеческого. - Он лгал, но ложь во спасение звучала легко, ведь если

разобраться он излагал застывшим в строю ребятам правду - свою правду, понятую не вчера, открывшуюся не с резкими словами майора Херпака, правду, выстраданную в глухой тиши бункерных зон, и воплощенную в схемах "Беатрис". Ложь во спасение этих ребят. Если они поверят, не станут отвергать "Одиночку", выпячивая собственное "Я", то выживут, обязательно выживут, ибо возможности боевой связки, где киберсистема дополняет человеческий рассудок, фактически безграничны.

Фарагней говорил легко, хотя понимал, не все поверят и многим не суждено вернуться из боев, но каким бы ни был исход войны, модули искусственного интеллекта сохранят частичку их сознания, души, мыслей…

Потом ему стало тяжело. Тяжело и больно, потому что полуправда на самом деле не спасала их жизни, а лишь оттягивала момент смерти.

Говард понял это, увлекшись перечислением тех множественных угроз, что таит в себе пространство высокотехнологичного боя.

Это ад… - стучалось в сознании. - *Зачем я пришел сюда? Чтобы убедить их, что через ад можно пройти? Какой же я дурак…*

Однако сказанного уже не вернешь. Скомкав последние фразы, он отошел в сторону, жестом позволив капитану продолжать, но тот лишь махнул рукой: *по машинам*, считая, что главный конструктор высказался лучше и понятнее, чем смог бы он сам.

Адмирал Купанов не слышал его речи. Он с нетерпением ждал начала боевых испытаний, желая лично оценить действия пилотов, которых ему рекомендовали, как лучших, - пусть не имеющих реального боевого опыта, но лучших по результатам тестирования. Соперничать с ними могли лишь единицы из прошедших суровую школу боев, действительных пилотов серв-машин.

Купанову нужны были не просто асы, а лучшие из лучших. Об одном умалчивал адмирал - о степени риска предстоящего задания, для которого он собирался отобрать сегодня два десятка вчерашних мальчишек.

* * *

Ребята, поднимавшиеся в тот момент по приставным лесенкам, к шлюзам серв-машин, совершенно не думали о войне и смерти.

Вчерашние жители опустевших мегаполисов Земли, в меру бесшабашные, в меру рисковые, не знавшие еще настоящих трудностей, они смотрели на жизнь иначе, чем адмирал или главный конструктор.

Детство и юность для них закончились давно, когда не стало родителей, когда начали пустеть города, и мир показался серым, мрачным, лишенным всякого смысла.

Никто из них не получал похоронок. Считалось, что родители живы, они где-то там, в чернильной бездне космоса, поглотившей почти все население Солнечной системы.

Степень доверия… пространство техногенного боя… - да по фигу им были все сторонние, не очень-то понятные рассуждения, когда прямое нейросенсорное соединение с виртуальной реальностью, имитирующей те самые планеты, за которые возможно сейчас дрались их родители, являлось единственным видом соревновательного драйва, доступного развлечения, убивающего скуку и время.

Что они распинаются в самом-то деле? Если путь к лучшей жизни лежит через рубку серв-машины, кто бы спорил - пожалуйста.

Мысли Саймона были в чем-то созвучны мыслям остальных.

Он пока что не видел существенных отличий костюма виртуальной реальности от боевого скафандра, по крайней мере, ощущения те же, вот только процесс "загрузки" у них тут на полигонах слишком долгий, достало уже ждать.

Он сел в кресло пилот-ложемента, привычно проверил, надежно ли застегнулись замки страховочных ремней (биться лицом о стену кабины виртуальной реальности при имитации резких смен направления движения ему определенно не нравилось) и включил передатчики импланта.

Доброе утро пилот. Все системы функционируют в заданных параметрах. Зона эффективного сканирования чиста.

Голос, возникший в рассудке, явно принадлежал женщине, воображение Саймона даже успело смутно и соблазнительно очертить контуры ее фигуры, прежде чем разум отреагировал машинальной мысленной фразой:

Ты кто? Та самая "Беатрис"?

Да, я система искусственного интеллекта "Беатрис-4". Если ты выскажешь предпочтение, могу изменить тональность голоса. Кстати, имя ты волен придумать сам.

Клево. Вот чего, пожалуй, не хватало в симуляторе серв-машины - электронной подруги.

Я не подруга. Боевой товарищ.

Саймон усмехнулся.

Ты не мужчина, а я не женщина? Где-то он уже слышал похожую фразу. Ну, посмотрим. Конечно вопрос "взаимного доверия", наверное,

подразумевает тесную духовную близость…

Я читаю мысли, пилот. Ты можешь ограничить поток воспринимаемых мною данных только восприятием непосредственных команд.

Нет. Нормально и так. Денек сегодня обещает быть жарким…

Температура за бортом - *восемнадцать градусов Цельсия.*

У, как все запущено… - Подумал Саймон. - *Ты, моя "боевая подруга" запомни,* - *хочешь со мной дружить* - *учи сленг.*

– Я обязательно загружу специализированные словари при первой же возможности. - Ответил мягкий бестелесный голос.

А волосы у нее наверняка рыжие, - подумал Саймон, начиная движение к первой контрольной точке.

Ни он, ни Верхолин, с которым Грин успел сдружиться за последние дни, еще не подозревали, что в эти минуты в их жизни происходит самый главный выбор.

Но делали его не они, а адмирал Купанов.

Глава 2.

Планета Юнона. Учебно-информационный центр ВКС Альянса.

Им всем дали сутки на отдых, затем в торжественной, даже можно сказать помпезной обстановке, никак не соответствующей трауру, объявленному в связи с кончиной Джона Хаммера, новобранцам присвоили звания лейтенантов.

Утром следующего дня новоиспеченных офицеров, сразу после завтрака попросили пройти в лекторий.

– Перед вами, господа, наш новый козырь в борьбе за планетарную твердь.

Тускло вспыхнул голографический экран, продемонстрировав модель космического корабля.

– Штурмовой носитель нового поколения - "Нибелунг 12МТ". - Сообщила аудиосистема лектория. Модель корабля стала увеличиваться, демонстрируя крупным планом отдельные узлы и агрегаты. - При модификации базовой модели учтен десятилетний опыт боевых действий. - Продолжал пояснять бестелесный голос. - Обратите внимание на двигатели планетарной тяги с изменяемым вектором. В конструкции их крепления использованы вращающиеся ложементы, что позволяет кораблю не только свободно маневрировать в атмосфере, но и задействовать функцию "автозависания" над определенной точкой поверхности. Усиленное вооружение нижней полусферы, в частности две дополнительные ракетные батареи и установки плазмогенераторов обеспечивают предварительную зачистку зон высадки от средств наземной и противокосмической обороны противника. Так же изменены принципы боевого десантирования серв-соединения. Если в прошлом выход серв-машин осуществлялся только с использованием аппарелей, после посадки носителя на планету, то теперь каждая машина помещается в отдельный контейнер с собственным броневым покрытием и системой посадочных двигателей, - то есть отстрел боксов с техникой серв-соединения возможен еще в воздухе, при этом штурмовой носитель продолжает прикрывать огнем десантированное подразделение, что существенно снижает процент потерь.

Слушая приятный женский голос, лейтенант Саймон все более мрачнел.

Он пытался представить, каково будет падать с километровой высоты в бронированном металлопластиковом гробу, под огнем наземных батарей?

От картин, что рисовало воображение, захотелось выругаться вслух, но он все же сдержался.

– Каждый автономный посадочный контейнер одноразовый, внутри оборудован системой амортизационной фиксации машины, в комплектацию посадочного бокса входит один автономный сервомеханизм технической поддержки, кроме того, в изолированной камере, в верхней части контейнера под защитой дополнительной брони смонтировано резервное хранилище боезапаса. В случае уничтожения штурмового носителя серв-машины получают возможность двух автономных перезарядок бортового боекомплекта.

– Вот блин утешила, тварь… - Прошипел кто-то из задних рядов.

Кибернетическая система лектория проигнорировала замечание.

* * *

12 августа 2624 года.

Группа капитана Тавгалова.

Борт флагманского крейсера "Апостол".

На постановку боевой задачи отводилось всего десять минут незадолго до старта.

Бойцы в бронескафандрах выстроились вдоль флюоресцирующей линии - накопитель внутреннего космодрома крейсера напоминал сейчас потревоженный муравейник: повсюду сновали люди и машины, титанические механизмы перемещали стартовые плиты, на которых застыли штурмовые носители нового поколения, к шахтам электромагнитных катапульт подавали истребители и штурмовики, то и дело раздавались громкие, шипящие звуки, исходящие от многотонных герметизирующихся затворов, - крейсер готовился к бою.

Примерно такая же картина царила сейчас на палубах и в отсеках других, менее крупных единиц флота. Конвойные и ракетные носители[12], грозные фрегаты[13] и юркие штурмовые корветы[14] готовились к схватке, но первыми на острие удара седьмого флота сегодня пойдут смехотворные (с точки зрения масштабных космических столкновений) силы: один десантный модуль[15] в сопровождении семи штурмовых носителей класса "Нибелунг".

Их задачей являлась скрытая высадка на планету, защищенную тремя эшелонами противокосмической обороны.

Поначалу, когда Андрею Тавгалову сообщили детали предстоящей операции, он честно подумал: не сошло ли с ума командование флота?… но потом, когда он нашел в себе смелость высказать вслух сомнение, реакция на дерзкие слова со стороны начальника штаба внезапно оказалась сдержанной, едва ли не отечески-мягкой:

– Капитан, вы ошибаетесь, полагая, что полный серв-батальон, и спецподразделение космодесанта пошлют на заведомую смерть. Я сейчас не рассматриваю действительно опасную и рискованную фазу планетарной операции, там на самом деле придется туго, и все будет зависеть только от профессионализма бойцов и вас в частности, но что касается проникновения через системы обнаружения противокосмической обороны противника, - волноваться не о чем. Вы десантируетесь на борту принципиально новых космических аппаратов, оснащенных устройствами фантом-генераторов[16] последнего поколения. Комплекс "Мираж" обеспечит бескровную высадку.

Андрей лишь пожал плечами в ответ. В "бескровные" высадки десанта на поверхность хорошо защищенной планеты он не верил.

– Техника не стоит на месте, капитан. - Уже назидательным тоном произнес начальник штаба флота. - Я не уполномочен раскрывать особенностей конструкции прибора, но, если это вас успокоит, - он прошел полный комплекс испытаний в самых жестких условиях, и показал свою полную функциональность. - Размытые фразы не успокоили Тавгалова, хотя он понимал: никакой конкретики не будет. Во-первых, командиру разведывательно-диверсионной группы не положено знать конструктивных особенностей или принципов действия секретного оборудования - слишком велик был риск попасть в плен и оказаться на допросе, под воздействием препаратов, которым человек не сможет сопротивляться. Во-вторых, он вряд ли что-то поймет…

– Наземная часть операции в своей начальной стадии полностью зависит от действий вашей группы, капитан. - Продолжал информировать его начальник штаба. - По нашим расчетам после десантирования вы окажетесь в глубоком тылу противника на территории одной из трех крупнейших баз РТВ. Фактор внезапности будет на вашей стороне первые несколько минут. Под прикрытием фантом-генераторов штурмовые носители осуществят атмосферное маневрирование и высадку машин серв-батальона, которые свяжут боем охранение противника, в то время как вашей группе предстоит проникнуть в недра бункерной зоны, и освободить содержащихся там пленных пилотов.

– Допустим, нам удалось. - Произнес Тавгалов. - Что дальше?

– Вместе с освобожденными пилотами вы поднимаетесь к поверхности. Спасенных необходимо доставить к ангарам серв-машин, где находиться предназначенная для полигонных испытаний трофейная техника Альянса. По данным разведки большинство трофейных машин находятся в удовлетворительном состоянии, поэтому следующей фазой операции станет удержание периметра базы РТВ, пока сервомеханизмы технической поддержки, высаженные с борта "Нибелунгов" не осуществят экспресс-подготовку техники. После завершения минимально необходимых операций технического регламента реактивированные машины пополнят состав серв-бальона. Удерживая периметр базы РТВ, вы оттянете на себя внимание противника, заставите его осуществить подвижку боевой техники, ослабляя защиту иных объектов.

– Поддержка с орбиты? - Сухо спросил Тавгалов.

– Ударные силы флота покинут гиперсферу только после захвата базы РТВ и реактивации трофейной техники. Большего вам знать не нужно, капитан. Задача поставлена сложная, но выполнимая.

– Командир серв-батальона осведомлен о целях моей группы?

– Нет. У него приказ - удерживать периметр базы РТВ. Лишняя информация перед высадкой может только навредить. Надежда на вас, капитан. Отработаете, как положено, и противнику придется сдать планету.

* * *

Дрожь…

Она била по мышцам, - действие боевых стимуляторов накладывалось на нервное напряжение перед высадкой, - адский коктейль, который спустя минуты выльется в ощущения неповторимого драйва, когда разум становиться холодным, ясным и спокойным, а тело, кажется, переполнено энергией…

Тавгалов коротко приказал:

– Занять места в десантном модуле. Попарно - вперед!

Открывающаяся рампа, как пасть мифического монстра, распахнулась навстречу, глотая фигурки людей в боевых скафандрах…

…

Дрожь…

Ровная ритмика тактовой работы активаторов исполинских ступоходов серв-машины…

Возбуждение человеческих мышц не передается на сервомоторы, а вот внутренне состояние пилота чувствует "Одиночка".

– Антон?

Мягкий женский голос. Говорят, он сближает пилота и искусственный интеллект.

"Беатрис-4". Технологический прорыв в вопросах создания искусственного разума. Уже никто не говорит "пакет программ независимого поведения". Беатрис - нечто большее. Антон пока еще не решил кто она - его ангел хранитель, или демон, затаившийся в ожидании смерти пилота?

Ты неправильно оцениваешь меня. Мыслишь стереотипно…

А как мне мыслить в преддверии первого боя? Почему в рискованный прорыв бросили именно их батальон, на две трети укомплектованный пилотами-новичками, едва прошедшими подготовку на Юноне?

Мы смертники? Нас не жалко? Не хотят терять опытных пилотов?

Мысли хоть и справедливы с точки зрения субъективной оценки ситуации, но на самом деле он не прав.

Они - наиболее опытные пилоты. Скажет кто посторонний - не очень-то и поверишь, но во всем виноваты те самые бесплатные кабины виртуальной реальности, щедро расставленные по всем уровням Земного мегагорода. Никто из подростков никогда не задумывался, сколько часов, в итоге складывающихся в дни, месяцы, годы суммированного времени они провели в прямом нейросенсорном контакте с точными виртуальными копиями настоящих серв-машин?

Виртуалка - лучшее средство от скуки, а когда набор симуляторов невелик, и для "Игры" требуется непременное нейросенсорное соединение разума и машины, что получается в итоге, на выходе, к моменту совершеннолетия?

Новое поколение, выросшее в условиях войны, пыталось уйти от скуки, подрастающему разуму интересно соревноваться, особенно, когда смерть ненатуральна - она лишь "вылет" из игры.

Игры в войну, которая внезапно обернулась реальностью, дикой, необузданной, где техногенный ад существует в действительности и права на перезагрузку уже не будет.

"Фалангер" Верхолина, сотрясая мерной поступью плиты предстартового накопителя, свернул к застывшему в центре разметочного круга "Нибелунгу".

Штурмовой носитель ждал, возвышаясь глыбой брони, в нижней

части корпуса открыты аппарели индивидуальных посадочных модулей.

Все будет хорошо, Антон. - Голос действительно успокаивал, хотелось верить ему, верить своим навыкам, ощущать каждой клеточкой тела ту мощь, что полностью подчинялась изъявлениям его воли.

"Фалангер" вошел внутрь отделяемого посадочного модуля, развернулся, присел, чуть согнув ступоходы, и многочисленные фермы амортизационного каркаса начали смыкаться, закрепляя многотонную серв-машину.

Последней пришла в движение бронированная плита аппарели.

Отсекая свет и суету предстартового накопителя, она закрывалась, словно…

Неуместные аналогии, Антон.

Согласен… Только помолчи пока, ладно?

Дрожь не отпускала.

За минуты до начала высадки, вдруг приходит запоздалое, но верное понимание действительности.

Как будто открыл глаза после бурной вечеринки, и увидел иной мир, не тот скучный, радостный пятнами легкого дурманящего забытья ночных клубов, не виртуальные схватки, где так не хватает адреналина, драйва, - ведь любая компьютерная симуляция реальности неизбежно имеет тенденцию к повторяемости событий и действий, быстро проходит оглушающая новизна ощущений, и настает обычная скука.

Потому и к войне у их поколения выработалось свое ложное и легкое отношение.

Если симуляторы, в которые они гоняли по десять-двенадцать часов в сутки, забывая про еду и сон, казались увлекательной забавой, не наскучивая окончательно лишь из-за изобретательности самих "пилотов", научившихся усложнять задачи (например, договариваясь об ограничениях на тяжелые типы вооружений, или вообще, выходя на дуэль, с двумя снарядами на оба орудия), то адреналин уже не вырабатывался в ходе самых напряженных и изощренных схваток.

…

Высадка еще не началась, а Саймон уже по горло был сыт стрессовыми ощущениями.

Особенно остро они нахлынули когда "Нибелунг" оторвался от стартовой плиты внутреннего космодрома крейсера и начал выходить в открытый космос.

На миг пришел даже не холодок, пробежавший по внутренностям, а настоящая невесомость, затем корабль ощутимо тряхнуло и началось

долгое ускорение.

Саймон закрыл глаза, пытаясь представить себя в уютной, знакомой, пропахшей потом кабинке виртуальной реальности.

Ничего подобного. Не выходило. Волнами возвращалась дрожь, смена векторов тяги при маневрировании и глухая, ритмичная россыпь вибраций от работы пусковых ракетных комплексов и батарей вакуумных орудий доносили до рассудка истинное положение дел: штурмовой носитель прорывался через планетарную оборону противника, все происходило по-настоящему, но организм реагировал на знакомые (по воздействиям костюма виртуальной реальности) ощущения совершенно иначе.

Ты один Саймон. Совершенно один. Вот сейчас через пару секунд посадочный контейнер отстрелит от штурмового носителя, и ты начнешь падать с неведомой высоты в сущую неизвестность, - прав был тот странноватый мужик на полигоне, - перезагрузок не будет, и вслед, еще острее, пронзительнее начали приходить иные мысли, которыми (Саймон был уверен) никто и никогда не задавался ранее.

Где их родители?

Почему им лгали, говоря, что они сейчас осваивают мифические колонии? Если так, то почему забыли о собственных детях, не напишут им, не скинут весточки по сети, не пришлют стереоснимка?

Правда стучалась в рассудок, будто сняли шторки с глаз или сдернули пелену тотальной пропаганды.

Они мертвы. Их сожрала война.

Теперь твой черед Саймон.

Бог ты мой, надо же - придумывали для себя сложности, выводя "Фалангеров" на "смертельную дуэль" с одним или двумя снарядами в стволе… Придурки…

"Нибелунг" вошел в плотные слои атмосферы, плавные ускорения космического маневрирования сменились тряской, орудийно-ракетные комплексы работали по незримым для Саймона целям, уже не перерываясь ни на секунду, пока батареи одной полусферы перезаряжались, огонь вели другие, и даже "закаленному" виртуалкой, повидавшему всякое сознанию Грина сейчас было трудно представить, что на самом деле твориться в зоне посадки.

Укол в шею заставил его вздрогнуть.

– Ты перевозбужден. Введен боевой метаболический препарат.

– Привет рыжеволосая… Ты почему молчала?

– Ты ни о чем меня не спрашивал.

– Но ты ведь читаешь мысли?

– Да.

Вопрос взаимного доверия… Скажет тоже мужик… А кому мне теперь доверять, как не ей?

Отстрел.

Злобные предупреждающие, огни, динамический удар, затем мгновенья невесомости в свободном падении и вдруг - жесткая перегрузка при включении собственных двигателей посадочного модуля.

Началось.

Теперь по-настоящему началось…

* * *

Борт крейсера "Апостол"

На боевом мостике крейсера в эти минуты царило не меньшее моральное напряжение, чем в мыслях бойцов ударной группы.

Все детали предстоящей операции просчитаны до мелочей, сотни раз проанализированы людьми и кибернетическими системами, но все равно в нюансах дерзкого плана присутствовал ряд "если", способный свести к нулевому результату всю предварительную подготовку.

В бой шла новая техника, еще ни разу не выходившая за рамки полигонов.

Ей управляли самые опытные и самые бесшабашные пилоты, которым предстояло первое свидание с настоящей смертью.

Очень много зависело от них - молодых ребят, чья подготовка превосходила навыки любого из самых известных асов, но вот выдержат ли они моральный прессинг настоящей схватки?

Над этим работали лучшие военные психологи. Из двухсот кандидатов отобрали всего двадцать, каждым подразделением руководил офицер со стажем боев, новейшие системы "Беатрис-4" имели в своем распоряжении кроме прочего модуль психологической адаптации - они искали в рассудке пилота точки морального соприкосновения, фактически играли на полученных из сознания человека сокровенных образах.

Никто из собравшихся на боевом мостике "Апостола" высших офицеров седьмого ударного флота так и не задал себе главного вопроса: ради чего? Во имя каких высших целей души и жизни вчерашних подростков будут спустя минуты брошены в ад?

Каждый думал о частностях предстоящей операции и никто - о войне.

Адмирал Купанов смотрел на тактический монитор, спроецированный

над ровной плоскостью тактического комплекса.

Планета.

Орбиты, расположение единиц флота противника, прикрывающего бывшую колонию Великого Исхода, вторично открытую уже в ходе боевых действий и преобразованную в огромный полигон.

Здесь ковалось оружие возмездия, на поверхности затерянного мира изучались особенности поведения трофейных модулей искусственного интеллекта, в глубинах бункерных зон специализированные кибернетические комплексы разрабатывали эффективные методы борьбы с серв-машинами, являющимися главной ударной силой Альянса.

Исследования нужно прекратить, планету зачистить, и в дальнейшем не позволять колониям организовывать подобные исследовательско-экспериментальные базы.

Но как выполнить поставленную перед флотом задачу, когда планету от удара из космоса прикрывает флагманский крейсер Свободных Колоний, несущий на борту аннигиляционную установку "Свет"?

Он превратит в излучение любую армаду, как только корабли Альянса начнут обратный переход из пространства гиперсферы в трехмерный космос.

Тяжелую единицу нужно нейтрализовать, поставить крейсер Колоний в условия, когда применение аннигиляционной установки станет невозможно.

План адмирала Купанова строился на знании особенностей вооружения крейсеров противника. Нужно создать на поверхности планеты такой очаг угрозы, который командование силами планетарной обороны не сможет проигнорировать, довести ситуации до той степени угрозы, когда ковровые бомбардировки с низких орбит станут единственным шансом остановить распространение наземного вторжения.

Как только крейсер противника выйдет к планете, между ним и внезапно появившимся флотом Альянса окажутся многочисленные малые корабли и станции противокосмической обороны, базирующиеся на высоких орбитах.

В таких условиях применение установки "Свет" станет невозможным, а крейсер - уязвим для атаки армады штурмовиков и истребителей.

* * *

Система Анкор.

12 августа 2624 года.

7 часов утра…

Первое в истории войны боевое применение комплекса фантом-генераторов класса "Мираж" готовилось тщательно и основывалось на многих научных открытиях.

Новый комплекс "Мираж" работал на принципе имитации сигнатур. Еще в период Великого Исхода для разведки планет создавалось множество разнообразных приборов и датчиков, способных выяснить структуру объектов, не приближаясь к ним вплотную для снятия проб. Позже подобные разработки получили развитие в создании боевых сканирующих комплексов класса "Аметист", работающих не только с физической структурой объектов, но и с излучаемой энергией. Нетрудно понять, что любой космический корабль или машина наземного базирования, равно как и структуры скрытых под землей объектов, потребляют энергию, вырабатывают избыточное тепло, различные устройства, особенно силовые установки, кибернетические и энергетические цепи, в процессе функционирования неизбежно выдают так называемое "паразитическое излучение", которое не всегда удается надежно экранировать.

БСК "Аметист" в различных модификациях состоящий на вооружении у обеих противоборствующих сторон, работал в первую очередь с картами распределения энергий (так называемыми "сигнатурами"), уникальными для каждого искусственно созданного объекта, а уже во вторую очередь - с его визуальным изображением.

Разведка Альянса установила, что в систему Анкор периодически прибывают конвои транспортных кораблей, доставляющих на поверхность планеты образцы трофейных серв-машин.

Фантом-генераторы "Нибелунгов", предназначенных для дерзкого прорыва планетарной обороны, настраивались таким образом, чтобы детально имитировать сигнатуры транспортных кораблей.

Операция осуществлялась в два этапа. Сначала конвой настоящих транспортов подвергся атаке десантно-штурмовых модулей непосредственно в пространстве гиперсферы, что само по себе являлось неслыханным для тех времен маневром, затем вместо транспортов из аномалии космоса в пределах системы Анкор осуществили "обратный переход" семь "Нибелунгов", движущихся под прикрытием системы "Мираж".

Десантно-штурмовой модуль группы капитана Тавгалова двигался в середине построения, отключив все энергопотребляющие системы, для него в качестве маскировки избрали генерацию сигнатуры

крупногабаритного транспортного контейнера.

Задача существенно облегчалась тем, что конвои доставляли на поверхность планет технику Альянса, и сигнатуры серв-машин тринадцатого батальона, не демаскировали ложный "конвой", напротив, их наличие на борту "транспортов" полностью укладывалась в спецификацию ожидаемого груза.

…

Бледная, призрачная вспышка обратного перехода исторгла в метрику трехмерного космоса сигнатуры и оптические фантомы семи транспортов, между которыми в буксировочных захватах двигался крупнотоннажный контейнер.

Разведгруппа, побывавшая на Анкоре, установила, что инфраструктура обороны основана на автоматических узловых станциях, на самой планете среди множества испытательных полигонов, кибернетических лабораторий, заводов, и профильных производств, людей насчитывались единицы, - Свободные Колонии, истощенные борьбой на многих пространственных фронтах, переходили к практике тотальной автоматизации, перенимая опыт Альянса в области организации не требующих постоянного внимания человека опорных пунктов.

Новый подход к формированию планетарных баз был полностью оправдан: основные производства располагались за десятки световых лет, на планетах Центральных Миров, а отсюда ежедневно поступали массивы бесценной информации, в ответ через каналы гиперсферных частот приходили технические задания для дальнейших исследований.

Охрану всех наземных объектов и бункерных зон осуществляли машины, проходящие ходовые испытания. Руководство союза Свободных Колоний понимало, что война переходит в новую, еще боле ожесточенную фазу противостояния и без участия автоматических серв-соединений победа невозможна.

Здесь на Анкоре зеркально повторялась история Дабога - как в свое время Земной Альянс, потерпев сокрушительное поражение, начал срочную разработку принципиального новых типов планетарной техники, взяв за основу концепцию шагающих аграрных исполинов непокоренной планеты, так теперь Свободные Колонии изучали трофейные образцы серв-машин, создавая собственную технику, внедряя в схемы знаменитых "Беркутов" и "Ястребов" системы автоматического управления, - пилотов катастрофически не хватало, управление посредством сенсорных костюмов стремительно устаревало, уступая по эффективности прямым мысленным командам, поступающим кибернетической системе на уровне

мнемонической связи между человеком и машиной.

В сложившихся условиях создание новых образцов техники стало вопросом выживания. По плану тотальной модернизации флота, Колонии не отвергали руководящей роли человека, - предполагалось создать автоматические соединения, в состав которых входила бы главенствующая машина, управляемая живым пилотом.

Пока же на полигонах Анкора проходила обкатку техника, созданная на основе трофейных образцов, с интегрированными модулями "ALONE" и более продвинутой системой "Клименс-12", адаптированными для исполнения функций "ограниченной свободы", когда киберсистема исполняет лишь те действия, что переданы в качестве директив с машины ведущего.

Колонии по-прежнему отвергали полную автоматизацию пространства боя, стараясь всеми доступными способами удержать кибернетического джина в бутылке.

…

"Нибелунги" под прикрытием "Миражей" начали сближение с планетой.

Машины тринадцатого серв-батальона застыли в боксах, проявляя минимум энергоактивности.

Неизвестность, томительное ожидание боя давило на пилотов, но все переговоры были строго запрещены, и каждый переживал часы утомительного маневрирования, неизбежного при сближении с планетой, в глухом одиночестве собственных мыслей.

Тяжелое испытание, для психики, учитывая, что впереди ждет бой, равных которому еще не знала история наземных операций.

…

Кибернетические системы вышедших из гиперсферы "Нибелунгов" практически сразу начали сложный опознавательный диалог с контрольными устройствами противокосмической обороны планеты.

У человека, попавшего в пространство враждебного окружения, знающего, что основные силы флота сейчас только начинают подготовку к прыжку, вполне могли сдать нервы, но машины были равнодушны к собственной судьбе, они не испытывали ни нервозности, ни страха, оперируя данными, полученными из бортовых компьютеров перехваченных транспортов, и полностью полагаясь на защиту фантом-генераторов.

С другой стороны процедуру проверки так же осуществляли машины.

Человеку свойственно сомневаться: например, дурное настроение

оператора или дежурного офицера может стать провокатором какого-либо коварного вопроса, но машины лишены недостатков, а значит, теряют и преимущества, присущие человеческому мышлению.

Им достаточно точного совпадения наблюдаемых сигнатур с заранее известными картами распределения энергий, правильных кодов доступа, разрешающих вход в пространство системы, и числящихся в реестре магнитных маркеров.

Скупой диалог машин завершился выделением безопасного коридора сближения с планетой, и "конвой транспортных кораблей" продолжил беспрепятственно двигаться к Анкору.

…

После полутора часов маневрирования лже-транспорты вышли сначала на промежуточную парковочную орбиту, а затем начали снижение, осуществляя вход в плотные слои атмосферы в строгом соответствии с предоставленным посадочным коридором.

До поверхности планеты оставалось менее пяти километров, когда крупнотоннажный "контейнер", буксируемый в магнитных захватах среднего "транспорта", внезапно отделился от построения снижающихся кораблей, и начал резко проваливаться вниз, объятый огнем включившихся двигателей планетарной тяги.

Кибернетические системы, зафиксировав нештатную ситуацию, тут же послали запрос, еще не поднимая тревоги, за что и поплатились: семь "транспортов", сбросив вуаль фантом-генераторов, внезапно обрели истинные очертания грозных штурмовых носителей и произвели синхронный залп из всех ракетных установок верхней и нижней полусфер.

Казалось, небо над центральной базой РТВ Анкора, превратилось в жерло извергающегося вулкана - тяжелые реактивные снаряды, вырвавшись из десятков пусковых стволов, рванулись к низким орбитам, поражая станции контроля, осуществляющие постоянный мониторинг территорий, где дислоцировались базы робототехнических вооружений, превращая в град метеорных осколков спутники навигации и связи, - атака штурмовых носителей оказалась столь неожиданной, что некоторые боевые части ракет, проскочив зону низких орбит, сумели поразить два фрегата из состава прикрывавшей планету эскадры Флота Колоний.

На командных частотах воцарился хаос. Не отвечали сбитые ретрансляторы связи, неожиданная атака вывела из строя станции глобального контроля, две из них, не выдержав попаданий, начали распадаться на отдельные фрагменты, третья, сохранив целостность, утратила параметры орбиты, грозя через несколько минут войти в плотные

слои атмосферы.

Залп, произведенный с нижней полусферы штурмовых носителей, поражал наземные цели, - сотни тонн земли, перемешанной с обломками конструкций защитного периметра, уничтоженными охранными сервомеханизмами, поднялись в небеса грибовидными облаками разрывов; "Нибелунги" тут же изменили курс, входя в зону рискованной навигации, - они двигались среди титанических выбросов, мгновенно исчезнув с экранов уцелевших после залпа следящих устройств и, синхронно с произведенным маневром, начали отстрел посадочных модулей серв-батальона.

Через десять секунд, когда все контейнеры благополучно отстыковались и вслед за десантным модулем начали снижение непосредственно на территорию базы РТВ, "Нибелунги", продолжая атакующий бросок, снизились до высоты в один километр, выдвигая из-под обшивки установки генераторов короткоживущей плазмы.

Вступительные аккорды боя, оставившие брешь в планетарной обороне, и уничтожившие большую часть устройств охранного периметра базы РТВ, на самом деле являлись лишь прелюдией к назревающей схватке.

* * *

Планета Анкор.

Группа капитана Тавгалова.

7 часов 12 минут…

Десантно-штурмовой модуль резко шел к перепаханной титаническими разрывами земле.

Контуры построек выглядели размытыми, смазанными, после ракетного удара "Нибелунгов" в воздух взметнулись тонны земли, пыли, а вслед тяжелым реактивным снарядам полыхнули залпы плазмогенераторов, превращая пылевые выбросы во всепоглощающий огненный смерч.

Внизу сейчас горела земля, размягчался стеклобетон, выходили из строя реактивировавшиеся после первого удара аварийные системы.

Контур базы РТВ все еще сохранял общую структуру построек, но опыт капитана подсказывал - наземные сооружения, как и часть первого уровня бункерной зоны уже не более чем руины…

– Всем приготовиться. - Тавгалов мог бы и не произносить стандартную фразу, бойцы вот уже несколько часов готовы к любому обороту событий, и момента высадки ждут, как спасения.

Право человека выбирать худшее из возможных зол. В космосе они оставались бессильны, запечатанные как сельди в банке, пойди что-то не по плану - их бы уничтожили без всякого шанса на сопротивление, теперь же бойцы группы получили возможность бороться - каждый за собственную жизнь и вместе - за успех операции в целом.

Истошно взвизгнули предупреждающие сигналы, модуль ощутимо тряхнуло - касание!

Открывающий зев рампы тут же показал фрагмент объятой пламенем конструкции, кусочек клочковатого, клубящегося неба, в тишину десантного отсека ворвался звонкий лай автоматического башенного орудия, посылающего длинные очереди в дымный сумрак.

Земля содрогалась, но уже не от взрывов - поблизости совершали посадку отделяемые модули с серв-машинами тринадцатого батальона.

– Парами - вперед!

Выскочив в дымный сумрак, капитан Тавгалов мгновенно сориентировался по показаниям БСК[17], встроенного в боевой шлем тяжелого бронескафандра. Ритмичная, энергичная работа сервоусилителей мускулатуры, казалось, действительно придает сил, сам факт удачного прорыва на поверхность плотно "запечатанной" планеты граничил с чудом, но капитан знал, - чудес на свете не бывает и если они происходят, то только в рамках передовых технологий

– Наблюдаю вход в бункерную зону. - Голос Тавгалова все же отдавал хрипотцой предельного напряжения жизненных сил. - Наримов, Скобин, - обеспечить проникновение, остальным рассредоточиться, позиции по выбору, занять оборону.

Вовремя.

Орудие десантного модуля не смолкало ни на минуту, сканеры гнали на проекционное забрало шлема БСК информацию о приближающемся противнике, - не смотря на ошеломляющий фактор внезапности лимита времени у них фактически не оставалось, - со всех сторон, словно материализуясь из дымного сумрака, место высадки десантной группы окружали, сжимая кольцо, зловещие маркеры - машины, уцелевшие под обстрелом и развернувшиеся на атаку "ближайшей цели", идентифицировались достаточно пестро - от БМП[18] до четырех "Беркутов"[19], к которым спустя пару секунд целевой монитор добавил десяток пехотных дройдов и даже двух трофейных "Фалангеров".

Будет нам сейчас высадка… - промелькнула злая мысль.

– Внимание шесть серв-машин в радиусе сканирования, группа

Норлока - ваш выход.

Лейтенант Норлок возглавлял отделение, вооруженное тяжелыми переносными ракетными комплексами, новым, опробованным только на полигонах средством борьбы с многотонными сервомеханизмами.

Где же наши? Что ж так медленно разворачивается серв-соединение?

Секунды утекали в вечность. Тавгалов не строил иллюзий, он знал, что прорыв будет жестоким, но без поддержки серв-батальона им не продержатся и тех минут, что требовались подрывникам для расчистки прохода в недра бункерной зоны.

Дым свивало тугими смерчами, - и то благо, - блокируется работа лазерных установок противника, да и покрытие бронескафандров пока спасает, но стоит серв-машинам пройти еще с пол километра - не укроет ни один "хамелеон".

Укрытия, за которыми рассредоточились бойцы, не спасут от залпов серв-машин.

Где же наши? - Билась в рассудке мысль.

Сумрак начинающегося техногенного ада внезапно озарили бледно-голубые вспышки плазменных разрядов, в воздухе полыхнуло радужное сияние, похожее на полярное, - это по целям снова отработали батареи "Нибелунгов", сигнатуры серв-машин противника, попав под уничтожающий плазменный удар, начали таять, подкрашиваясь в серые тона, что ясно свидетельствовала о разрушении их бронепокрытия.

…

Лейтенант Норлок к моменту плазменного удара вместе с двумя бойцами уже занял позицию в полуразрушенной наземной постройке.

Одну стену вынесло взрывом, сразу за проломом начинался крутой скат исполинской воронки, частично поглотившей некоторые помещения первого уровня бункерной зоны, - плиты перекрытия, взломанные ракетным ударом, раскололись и торчали под разными углами.

Внизу тлело зарево пожара, воронку и окрестности застилал едкий дым, бойцы, не обращая внимания на взрывы, продолжающие сотрясать окрестности, метнулись к выбитым оконным проемам, устанавливая на пусковой платформе боевую часть комплекса "Прометей".

Удар плазмы, о котором предупредил сигнализатор боевого процессора, превратил поднятую в воздух смесь земли и пыли в огненный ураган, горело все: между руинами зданий пронесся огненный вал, контуры серв-машин на целевых мониторах подернулись серым, огонь им, конечно, был нипочем, но часть плазмогенераторов штурмовых носителей работали

не по площади, а точно по целям.

– Серв-машины спеклись. - Норлок метнулся к установке залпового огня, по ходу отметив, как опасно начало проседать размягченное адской температурой плазмы стеклобетонное перекрытие здания.

На целевом мониторе остались лишь три БПМ, рвущиеся по перепаханной воронками улице к зоне высадки серв-батальона.

Несколькими касаниями сенсоров он запустил программу автоматического огня, одновременно отдавая приказ:

– Всем из здания! Ищем укрытия снаружи, - перекрытие не выдержит работы "Прометея"!

На улице огромными хлопьями сажи кружил черный снегопад.

Норлок метнулся к ближайшему зданию с уцелевшей коробкой стен, но едва он успел заскочить за угол, как целевой монитор проекционного забрала выбросил сразу пять сигнатур: неопознанные механизмы, схемы которых не оказалось в базах данных, промелькнули и исчезли, но они успели зафиксировать подготовленную ловушку и передать по локальной сети данные кибернетическим системам БПМ.

Поперек улицы мгновенно встала стена разрывов, снаряды, выпущенные из башенных орудий боевых планетарных машин, снесли угол здания, где был установлен "Прометей", затем разрывы наискось пересекли улицу, превратив в дымящийся щебень часть строения, за которым только что скрылся Норлок.

Лейтенанта ударило в спину, на фоне всплеска ослепительного пламени пришла острая, пронзившая все тело боль, Норлок упал, машинально попытался вскочить, но сервомускулатура скафандра не подчинялась усилиям внезапно ослабевших мышц.

Он не успел.

Тускнеющий взгляд лейтенанта видел, как три машины противника выползли на образованную обломками строений возвышенность, вновь ударили их орудия, чей-то предсмертный вскрик угасающим эхом рванулся в коммуникаторе и вдруг, вопреки тягостным предсмертным предчувствиям из оплывшего, нелепо покосившегося здания ударил "Прометей".

Реактивные снаряды уходили по траектории прямой наводки, прожигая броню планетарных танков, еще секунда и мощные внутренние взрывы выметнули в небеса башни двух крайних БПМ, третья, расположенная по центру позиции, получив два попадания, просто превратилась в факел.

Сознание начало окончательно меркнуть.

Норлок лишь успел удивиться, что смерть не так страшна, как он

думал.

Просто бьющие в десятке метров от него фонтаны расплавленного металла и яростного гудящего пламени вдруг начали отдаляться, превращаясь в дрожащие огоньки свечей, трепетно сияющие на фоне вселенской черноты…

…

Тавгалов воспринял смерть лейтенанта Норлока тяжело. Высадки без потерь он не ждал, но…

Свинцовые мысли нарушил долгожданный доклад Шмелева:

– Батальон высадился. Потерь нет, сообщи координаты для прикрытия, капитан.

– Поздно майор. Мы уже справились. Зона высадки чиста.

– Потери?

– Да. Группа огневого прикрытия в полном составе. У меня осталось четверо бойцов.

…

Борт крейсера "Апостол"…

– Господин адмирал, разведка докладывает: группа Тавгалова высадилась.

– Отлично. Что серв-батальон?

– Данные неполные, но в районе высадки идет бой с применением тяжелых вооружений.

– Как реагируют корабли противника?

– Пока остаются на прежних позициях. Прикрывают планету от вероятного удара из космоса.

– Ждем. Ждем в готовности к гиперпрыжку. Докладывайте мне любые изменения обстановки.

* * *

Планета Анкор. Тринадцатый серв-батальон.

7 часов 18 минут…

Рассеивание по площади при снижении посадочных модулей с серв-машинами не превышало двух километров. Такое расстояние минимально необходимо, чтобы планетарные двигатели отделяемых отсеков не влияли друг на друга при посадке.

Плазма, рвущаяся к земле, работала, как тяжелое вооружение, - посадка серв-батальона, включавшего в свой состав тридцать пять машин,

походила на апокалипсис: планетарные двигатели сдували, испаряли тонкий маскирующий слой почвы, прожигали перекрытия из армированного стеклобетона, температура на верхних ярусах бункерной зоны противника стремительно росла, мутные гейзеры дыма и перегретого воздуха били из отверстий вентиляционных шахт, добавляя хаоса в смертельный танец разрывов от непрекращающихся ракетных ударов, которыми штурмовые носители поражали все цели, обнаруженные в радиусе тридцати километров от зоны высадки.

Благодаря новейшим техническим средствам маскировки и точно рассчитанной операции случилось самое страшное, что только может пригрезиться командиру, ответственному за планетарную оборону, - штурмовые носители без единого выстрела прошли зону низких орбит и, оказавшись над поверхностью планеты, обрушили всю свою огневую мощь на инфраструктуру наземных объектов.

Зону высадки и прилегающие территории окутало густое черное облако, - сажа витала в воздухе, выбросы от множества разрывов смешивались между собой, клубились, подсвечивались снизу все новыми и новыми вспышками попаданий, облако росло ввысь и вширь, накрывая площадь около сотни квадратных километров; в таких условиях ни одна орбитальная кибернетическая система не в состоянии точно определить количественный состав противника и процент собственных потерь в системе наземной обороны.

"Нибелунги" перешли в режим формирования плазмы, чтобы не сжигать драгоценное планетарное топливо, и, израсходовав оперативный боекомплект всех установок нижней полусферы, внезапно, не осуществляя посадки, начали подниматься вверх, к границе клубящегося, грибовидного облака.

Никто не сумел предугадать их маневра. Обычно штурмовые носители осуществляли посадку недалеко от позиций серв-машин, обеспечивая им дополнительное огневое прикрытие, перезарядку и мелкий текущий ремонт, но на этот раз все происходило иначе, как будто здесь сжигались прежние учебники по тактике планетарных боев.

Поднявшись на высоту одиннадцати километров, штурмовые носители, пользуясь хаосом, царящим в зоне низких орбит, вновь включили фантом-генераторы, организовав незамысловатую, но крайне эффективную ловушку. Командир соединения полковник Горелов четко просчитал действия противника - учитывая порванную сеть наземной обороны, где сейчас высадившимся серв-машинами противостояли лишь разрозненные огневые точки, перешедшие в автономный режим, единственным способом

перехватить инициативу, сорвать атаку серв-машин и покончить с ними, оставался массированный удар аэрокосмических истребителей.

"Нибелунги" включили режим геостационарного маневрирования, находясь на размытой границе облака, кибернетические системы определили взаимное расположение космических кораблей противника, рассчитав зоны вхождения аэрокосмических истребителей в плотные слои атмосферы.

Они появились внезапно - десять скоплений стремительно растущих точек, "Нибелунги" парили ниже и почти тот час же все установки верхних полусфер штурмовых носителей озарились вспышками залпового огня.

Часть истребителей разлетелась на фрагменты, прямые попадания ракет с убийственно-короткой дистанции не оставляли времени для маневра уклонения, брызги сгорающих в атмосфере осколков поражали соседние машины, все происходило в течение десяти-пятнадцати секунд и завершилось массированным залпом плазмогенераторов, после которого штурмовые носители вновь круто ушли к земле, перезаряжая орудийные и ракетные комплексы.

* * *

Анкор. Высокие орбиты.

На боевом мостике крейсера "Элиот" царил полнейший хаос.

Командир флагманского корабля защищавшей планету эскадры адмирал Ипатов переживал худшие минуты в своей жизни.

Бесноватые штурмовые носители Альянса, обманом просочившиеся через заслоны противокосмической обороны, теперь спокойно, уверенно, расчетливо подавляли всякое сопротивление, используя полученное тактическое преимущество.

Сергей Владимирович хотел бы, но не мог отказать своему противнику в высшей степени профессионализма, однако такое мысленное признание ничуть не меняло сложнейшей оперативной обстановки.

За четверть часа уничтожена сеть наземной обороны главной базы РТВ планеты, потеряно сорок три аэрокосмических истребителя, разорвана единая структура противокосмических комплексов, базирующихся на низких орбитах, - чудовищный удар, конечно, но фактор внезапности, позволивший противнику учинить настоящий разгром, уже отыграл свое.

Не смотря на помехи для работы сканирующих устройств, специалистам эскадры, защищающей Анкор, все же удалось определить

численный и качественный состав противника.

Семь "Нибелунгов" высадили на поверхность серв-батальон, насчитывающий (в различных вариантах комплектации) от тридцати до тридцати пяти машин. Плюс десантный модуль.

На что они рассчитывают?

Захват планеты? Исключено. Слишком мало сил. Сейчас уляжется хаос в информационных сетях, и что тогда спасет десант от полного, немедленного уничтожения?

– Долматов!

Рядом с адмиралом выросла фигура начальника аналитического отдела эскадры.

– Что они замышляют? Мне необходимо понять логику действий серв-батальона!

– На центральной базе РТВ сосредоточены для испытаний девяносто восемь трофейных серв-машин. Из них сорок два "Фалангера".

– Не понимаю. Ну, хорошо, там есть серв-машины. Что дальше? Где пилоты, боекомплекты? - Сергей Владимирович еще не оправился от болезненного морального удара, реагируя на доклад с разраженным недоверием. - Ну не молчи, полковник, говори как есть. Где они возьмут пилотов?

– Все там… - Упавшим голосом произнес Долматов.

– То есть? - Лицо адмирала исказила гримаса ужаса.

– Руководство баз РТВ и исследовательского отдела уведомило нас накануне вечером, что планируются масштабные учения, с испытанием новых образцов нашей техники, разработанной специально для борьбы с серв-машинами.

Удар. Еще один сокрушительный информационный удар. Как же так?! Выходит, противник знал о готовящихся испытаниях, а я нет?!

– Ладно… Ладно… - Ипатов сумел усилием воли взять себя в руки. - Все понятно. Настоящие боевые учения. Там есть боекомплекты, машины, в принципе готовы выступить на стороне прорвавшегося противника. Но кто ими станет управлять?

– Пилоты, господин адмирал. Вражеские пилоты…

– Их доставили на планету, не поставив в известность меня?

– Нет. Они находятся тут уже несколько лет.

Начальник аналитического отдела явно что-то не договаривал… Или не знал…

– Связь с поверхностью установлена?

– Да.

– План намечавшихся учений, или боевых испытаний… короче не важно. Информацию по всей планетарной технике на мой терминал! Я принимаю командование силами наземного базирования!

Глава 3.

Анкор. Зона высадки тринадцатого серв-батальона.

7 часов 15 минут…

Посадочный модуль ощутимо тряхнуло, так, что со стоном сминаемого металла по стенкам транспортного контейнера пробежала волна деформаций.

Саймон выругался.

Проклятье. Что за посадка? Еще не хватало оказаться замурованным внутри деформированного модуля.

Связь.

Не работает…

Или пока некому отвечать? Может, только я один достиг поверхности планеты?

Мысль отдавала паническими нотками.

Спокойнее парень. Спокойнее… Стенку можно просто вышибить из орудий.

Комментариев "Беатрис" на мысль пилота не последовало. "Одиночка" ждала прямых указаний. Если бы Саймон принял решение действовать, она, конечно, напомнила бы ему о недопустимости применения стопятидесятимиллиметровых орудий в условиях замкнутого пространства посадочного модуля.

Однако пока пилот вел себя адекватно, перебирая в уме варианты решения внезапно возникшей проблемы, киберсистема не вмешивалась.

Бет… Наладь связь. - отдал Саймон мысленный приказ.

Внешние датчики - нет отклика.

– Делай что-нибудь! Активируй резервные подсистемы! У этого "ящика" есть свои устройства сканирования и связи?!

– Есть.

Через пару секунд он услышал голос.

– Здесь ноль семнадцатый, двигаюсь к "северной" оконечности периметра объекта. Сопротивления нет. Кто-то слышит меня?

Верхолин. Антон.

Саймон почувствовал, как его начинает лихорадить, но все же нашел в себе силы не сорваться, выкрикивая имена или мольбы о помощи.

– Ноль семнадцать, на связи двадцать второй. Запеленгуй мой сигнал. Повреждения модуля при посадке. Требуется помощь, не могу выбраться

самостоятельно.

– Понял тебя. Иду.

…

В отличие от Саймона Антон приземлился благополучно, хотя сопутствующую обстановку нельзя было назвать приятной.

Когда открылась стенка посадочного модуля, он увидел хаос из обломков бетона, покореженной арматуры, и несколько бьющих из недр бункерной зоны гейзеров перегретого воздуха, несущего частицы сажи.

Его модуль угодил в исполинскую воронку, образовавшуюся в результате ракетного удара одного из штурмовых носителей.

Покинув посадочный сегмент, Антон первым делом произвел сканирование окрестностей. Воронка, на дно которой угодил его "Фалангер", истекала дымом, в нескольких местах под обломками рухнувшего перекрытия бесновалось пламя, плотная завеса дыма и едкой бетонной пыли затягивала окрестности, на сканерах - полное отсутствие активных сигналов, будто сокрушительный удар "Нибелунгов" уничтожил все способное двигаться, либо сопротивляться в радиусе эффективного сканирования.

На самом деле, конечно, все обстояло не так. Чрезмерная тепловая засветка, обилие искореженного металла, и плотная завеса раскаленного облака мешала работе сканеров.

Нужно выбираться.

На мысль пилота моментально отреагировала кибернетическая система. Структура ближайших обломков вполне поддавалась анализу, и "Одиночка" тут же наметила безопасный по ее мнению маршрут для выхода из воронки.

– Действуй. - Одобрил Антон, сосредоточив внимание на показаниях целевого монитора.

На обзорных экранах рубки не видно дальше одного метра. Хлопья сажи медленно кружат в восходящих потоках нагретого воздуха.

Вот и край воронки, - чудом удержавшийся над бездной фрагмент ненадежного, потрескавшегося перекрытия.

Осторожнее, - мысленно предупредил Антон, но замечание оказалось излишним - кибернетическая система не допускала досадных оплошностей, она уже оценила степень ненадежности уцелевшего фрагмента "тверди" и искала обходной путь, высвечивая на тактическом мониторе несколько вариантов дальнейшего маршрута.

Через пару минут, выбравшись из исполинской воронки, Антон вышел на связь.

Внезапно откликнулся Саймон, запросивший помощь, но странно, что молчали другие пилоты серв-батальона. В рассудке Верхолина проскользнула та же крамольная мысль: а вдруг мы с Саймоном одни? Что если другие модули не достигли поверхности?

В ответ раздался голос майора Шмелева.

– Семнадцатый, двадцать второй, соблюдать радиотишину! Не на пикнике!

Окрик командира подействовал ободряюще. Прошло всего пять минут после касания планетной тверди, а Антону казалось, что он окончательно заблудился среди горячего дыма, гейзеров пара и бетонных обломков обрушившихся под ракетными ударами зданий и верхних уровней бункерной зоны.

Ни одна виртуальная реальность не в состоянии предложить подобного реализма, и Верхолин понял почему: сознание не обманешь, оно ведь четко, недвусмысленно различает, где именно ты сейчас находишься - в игровой кабине или на поверхности чуждой планеты.

Все нормально. Все идет по плану, - будто очнувшись от минутного наваждения, мысленно успокоил себя Антон, и в ответ модуль "Беатрис" тут же вывел на тактический монитор, заранее загруженный в память план круговой обороны, которую, не смотря ни на какие сопутствующие высадке обстоятельства, должен организовать серв-батальон.

Помочь Саймону выбраться, и ходу на свою позицию, - вот что он должен делать, а не выходить на связь с дурацкими вопросами.

Первая высадка.

Ощущения ошеломляющие. Действительно, ни один модуль виртуальной реальности не идет ни в какое сравнение с *данностью*, что раскинулась вокруг тысячами тонн исковерканного стеклобетона.

Мощь, взломавшая планетную твердь, не поддавалась мгновенному осмыслению, царящий вокруг сумрак, блокирующий работу "Аметиста", давил на разум, подсказывая: в любую секунду из сюрреалистического пространства могут появиться машины противника, которые тоже станут маскироваться, подбираясь на дистанцию эффективного удара.

"Одиночка" четко держала направление на запеленгованный сигнал. Мгла немного рассеялась, хотя в небесах раскатисто били удары грома, - Антон чувствовал, что звуки, доносящиеся из поднебесья, отнюдь не принадлежат природным стихиям и, подтверждая справедливость его мыслей, плотный сумрак внезапно осветили горячие болиды падающих, сгорающих в атмосфере фрагментов аэрокосмических истребителей противника.

Семь минут с момента посадки. Пока что ни одно из испытанных ощущений, даже жесткий динамический удар при касании тверди Анкора, не противоречили тем впечатлениям, что получал рассудок в рамках виртуальной реальности, даже напротив, - когда улеглась излишняя нервозность, стало ясно, что реальность во многом не дотягивала до виртуалки, ни по количеству встреченных противников ни по "атмосфере".

Дымный сумрак, голографические экраны, вырисовывающие для пилота картину окружающего, частично отсеянную от помех, ритмичная поступь серв-машины - рутина, - в общем, пока что высадка не впечатляла юного пилота.

По показаниям датчиков посадочный модуль Саймона находится в ста метрах к "югу".

Антон остановил "Фалангера", сканируя окрестности. С короткой дистанции "Аметист" просто обязан обнаружить отсек с замурованной внутри серв-машиной.

Панорама данности, отфильтрованная от дыма и тепловой засветки, медленно перемещалась по секциям голографических экранов, то приобретая контраст, глубину и цвет, то тускнея в зависимости от количества помех, препятствующих нормальной работе сканеров.

Очередная воронка имела форму провала. Несколько тяжелых реактивных снарядов угодили приблизительно в одну точку, взломав и обрушив мощное перекрытие первого подземного уровня. На краю изломанной плоскости, чудом уцелел фрагмент двухэтажной наземной постройки - стена фасада рухнула вниз, обнажая непривычный для взгляда ракурс на внутренние помещения, и вдруг…

Взгляд поймал нечто необычное, послушная мысленному волеизъявлению пилота подсистема тут же приблизила, укрупнила фрагмент заинтересовавшего Антона изображения, но лучше бы ему не видеть…

Обстановка одного из помещений напоминала командный отсек космического корабля или оборудованного в глубине позиций наблюдательного пункта, куда стекалась информация от множества датчиков - пара голографических экранов еще работала, демонстрируя унылые, лишенные растительности пространства и край поднявшегося до небес, медленно закручивающегося спиралью, дымного облака, - явно реальная трансляция, но внимание Антона привлекло иное проявление данности.

Меж работающих голографических экранов под рухнувшим фрагментом межэтажного перекрытия лежали раздавленные люди.

Рассудок помутился. Он видел лицо, забрызганное кровью, искаженное гримасой мгновенной агонии, руки со скрюченными, впившимися в бетон пальцами, оторванную взрывом ногу, и опять лицо… только теперь бледное, бескровное с застывшим выражением крайнего изумления.

Первое ощущение - будто кто-то со всего размаха ударил в голову и грудь - дыхание перехватило, перед глазами вдруг все начало "плыть", оказывается, рассудок четко знал: смерть, с которой он только что случайно встретился, соприкоснулся взглядом, поймав выражение остекленевших глаз мертвеца - не генерация фантомного мира.

Ужас на миг захлестнул рассудок, но затем случилось непредвиденное: что-то щелкнуло в ободе шейного кольца гермошлема, и едва ощутимый укол инъектора с боевым стимулятором вернул ясность рассудку и зрению, словно кто-то невидимый, но крайне жестокий, схватил его за шиворот и ткнул взглядом в экраны - нет, смотри, привыкай, они десять минут назад были живы, питали надежды, строили планы, любили и ненавидели, стремились куда-то, считая, что субъективная, личная Вселенная никогда не погибнет, а их суета имеет смысл и вот - мгновенный удар, секунды агонии и все…

ВСЕ.

Их больше нет.

От осознания не приукрашенной, преподанной жестко и внезапно *правды* у Верхолина заныло в груди, но система боевой метаболической коррекции строго следила за состоянием пилота - еще один укол в область шеи окончательно привел его в чувство, немного притупил остроту восприятия, сглаживая, нивелируя эмоциональный всплеск.

Нет. Так нельзя… Я хочу чувствовать!

В растерзанные мысли Верхолина, переживавшего личную, субъективную, касающуюся только его драму души и рассудка, внезапно вторгся голос бортовой кибернетической системы:

Антон я могу временно отключить систему боевого поддержания жизни.

Он вздрогнул всем телом.

Ощущать, что в его внезапных, острых, полыхнувших в душе переживаниях участвует еще и искусственный интеллект серв-машины, было до того странно, что Верхолин даже не почувствовал неприязни, лишь запоздалой реакцией пришла досада, - *она подслушивала*, - но Антон тут же осекся в мыслях - "Одиночка" всегда на связи, но та подготовка, что подразумевалась годами тренировок на симуляторе боевой машины,

имитируя полный нейросенсорный контакт с сервосистемами, отчего-то не включала в опыт виртуальных схваток участие в них "второго пилота".

– Не нужно. Я справлюсь. - Верхолин с трудом выдохнул фразу, ощущая нехватку воздуха.

– Я могу прояснить некоторые моменты. - Зазвучал в рубке мягкий женский голос. "Одиночка", подстраиваясь под пилота, перешла на звуковую форму общения.

– Что, например?

– Вас тренировали принимать решения самостоятельно, приучали управлять машиной, как собственным телом. Здесь кроется коренное отличие последнего пополнения от когорты других пилотов. Подумай сам, Антон, если ты в состоянии вести бой без меня, то во сколько раз возрастает боевая эффективность машины при нашем взаимодействии?

Антон не стал производить вычислений. Сейчас его волновало иное. Его сознание потеряло привычную точку опоры, и балансировало на краю опасной пропасти.

– Почему ты называешь меня по имени?

– Это сближает.

– Надолго?

– У меня нет ответа.

– Я спрашиваю, когда начнется бой, сколько мы продержимся?

– Тактико-технические характеристики "Фалангера" рассчитаны на тридцать минут активного боестолкновения.

Антон едва поверил услышанному.

– Да чушь! - Все существо Верхолина яростно воспротивилось приведенной цифре. - Я валил по четыре-пять серв-машин и благополучно выходил из схватки. Какие полчаса?

– Есть обстоятельства, которыми невозможно манипулировать.

– Например?

– Уничтожив несколько машин противника, ты израсходуешь боекомплект, но "миссия" не окончится. Ты не сможешь выйти из боя, Антон.

Верхолин несколько секунд мысленно переваривал услышанное, а затем сухо произнес:

– Обсудим варианты выживания чуть позже. - Он покосился на таймер, мысленно удивившись тому, что всего лишь минута в состоянии спрессовать в себе столько внутренних, моральных событий. - Я не вижу посадочный модуль Саймона.

– Он в пятидесяти метрах за зданием.

– Сумеешь проложить безопасный маршрут?

"Беатрис" не ответила, просто начала движение к заданной точке.

* * *

Им дано было прожить этот день, равный по своей значимости, всей жизни.

Прошло всего девять минут с момента, как "Нибелунги" отстрелили посадочные модули с серв-машинами, а многое уже необратимо изменилось в душах юных пилотов.

Антон, направляя "Фалангера" меж руин, приближался к месту пеленга на неудачно приземлившийся контейнер с машиной лейтенанта Грина.

Разум постепенно адаптировался к достоверным ощущениям, тускнели сравнения с прожитым ранее, новая реальность переполняла рассудок, и чувства - противоречивые, злые, растерянные уступали место не отрешенному спокойствию, а не испытанному ранее гибельному азарту, жуткая смесь возникала в груди, где холодок страха перед неизбежностью сменялся горячими волнами непонятного прилива сил, и на фоне цепкого, машинального наблюдения за окружающей обстановкой в мысли вплетался бестелесный голос "Одиночки".

Она, - Антон не избежал общей для многих пилотов тенденции, думая о кибернетической системе как о некоем одухотворенном существе, причем, в соответствии с голосом он воспринимал ее как женщину, что поначалу здорово напрягало, а потом вдруг началось непринужденное слияние двух рассудков - живого и искусственного, - она, это уже я, в какой-то мере…

Модуль "Беатрис" с жадностью впитывал мысли Верхолина, ведь искусственные нейросети начали свое обучение несколько дней назад в условиях полигона, и сейчас в них шел нарастающий, если не сказать - взрывообразный процесс развития, накопления и одновременной обработки информации.

Она осознавала себя, но мысли "Одиночки" ее взгляд на мир действительно являлся копией мыслей и взглядов Верхолина, отчего росла, крепла незримая связь, и "Фалангер" с каждый тактом работы ступоходов двигался все увереннее.

Подобное воссоединение происходит не всегда и не с каждым, только человек, не обладающий фобиями относительно кибернетических систем,

способен на полноценный, глубинный нейросенсорный контакт, когда его личность становиться той базой, точкой опоры и отсчета, с которой начнет свое саморазвитие модуль "Одиночки".

Верхолин интуитивно чувствовал всю глубину возникшей связи, и понимал, что сейчас на искусственных носителях, по сути, возникает его двойник…

Модуль "Одиночки" специально не обучают заранее. Только при контакте с пилотом возникает уникальная для каждой пары связь, и если "взаимное доверие", о котором сбивчиво говорил им еще на полигоне незнакомый военный, станет обоюдным, полным, можно считать что у пилота и его машины действительно появился шанс использовать всю мощь сервомеханизма.

Процесс полного слияния рассудков занимает минуты, он интимен, как человеческая любовь, глубок, словно неизведанный омут…

А вот и посадочный модуль Саймона.

Крупногабаритный контейнер, покрытый окалиной, застрял в зазоре меж двух бетонных глыб, заблокировавших работу механизмов отпирания передней стенки.

"Беатрис" автоматически включила лазерную связь, не нарушавшую режим радиотишины.

– Саймон, я рядом. Ты как?

– Могло быть хуже.

– В смысле? - Верхолин не видел ничего положительного в ситуации, возникшей у Грина.

– Бой еще не начался. - Ворчливо отозвался Саймон. - Можешь вытаскивать меня спокойно, без помех.

– А, вот ты о чем? - Антон мысленно решал: попытаться сдвинуть контейнер или подрезать лазером бетонный обломок, заблокировавший аппарель?

Режь бетон.

Он прислушался к совету "Беатрис", которая с определенного момента начала восприниматься уже не как "второй пилот", а скорее как внутренний голос…

– Саймон, я буду резать лазером бетонный обломок. Потерпи еще минуту. - Антон позволил "Беатрис" самой настроить нужную мощность излучения и выбрать угол надреза. - Как у тебя идет адаптация?

– Нормально. Моя рыжеволосая подруга развлекала меня анекдотами.

– Ты серьезно?

– Да нет. Шучу, конечно.

Разряды лазера ударили короткими вспышками, и покрытая трещинами бетонная плита начала крошиться, разлетаясь облачками пыли и более крупными обломками, которые с глухим стуком отлетали на дно воронки, оставляя за собой сизые, неровные шлейфы дыма.

Щедро сыпанули искры, когда на пути разрядов попалась арматура, вишневые шарики расплавившегося и тут же отвердевающего металла с шипением разлетелись по стонам крошечными фейерверками, затем фрагмент бетонного перекрытия, поставленный взрывом в вертикальное положение, начал медленно смещаться, потеряв опору и сползая под собственным весом.

Еще мгновенье и он отломился, с грохотом обрушившись вниз, посадочный модуль с машиной Саймона перевернулся, встав горизонтально.

– Поосторожнее!… - раздался голос Грина.

– Извини, как получилось. - Ответил Антон. - Проверь, аппарель работает?

Одна из стенок посадочного контейнера с вибрирующим гулом начала открываться, взламывая слой окалины.

– Порядок.

…

Внезапно и коротко включился канал командной частоты.

– Семнадцатый, двадцать второй - двигаться к отметке "807". Занять позиции, ждать команд.

– Принято. - Ответил Антон, не став задавать командиру батальона вопросов, почему тот посылает двух "Фалангеров" в паре, когда обычно тяжелые серв-машины действовали в связке с легкими "Хоплитами".

Приказы не обсуждаются, их исполняют.

Антон чувствовал, - что-то пошло не так, слишком долгой оказалась зловещая тишина, окутавшая руины после сокрушительной атаки штурмовых носителей.

Где же противник, почему он не проявляет инициативы, не пытается если не отбить базу, то хотя бы обстрелять позиции высадившего серв-батальона?

Неизвестность оказалась тяжелым, непростым испытанием, еще раз напомнив, - тут не виртуалка, где все понятно и предсказуемо. Там противник не станет медлить, изматывая нервы зловещей тишиной, а тут… оставалось лишь надеяться, что комбат точно представляет, что и как им надлежит делать, чтобы не угодить в ловушку.

* * *

На самом деле командир серв-батальона сам пребывал в недоуменной растерянности. Они высадились и что?

Ситуация складывалась - хуже некуда.

Майор Шмелев так же интуитивно чувствовал: что-то не так, - в тщательно проработанном и блестяще осуществленном в своей первой фазе плане крылось непонятное западло, - другого слова он так и не нашел, чтобы определить двусмысленность положения, в котором оказался серв-батальон.

Они взломали оборону противника, высадились на территории базы РТВ, но что дальше? План круговой обороны попахивал самопожертвованием, но никто не удосужился объяснить ему, - во имя какой тактической цели они должны умереть?

По данным пассивного сканирования, не выдающего истинного местоположения серв-машины, противник на удивление быстро оправился от ошеломляющего, сокрушительного удара, а корабли седьмого ударного флота так не появились из пространства гиперсферы.

Что же ты задумал, адмирал? Почему честно не обозначил детали операции, не избавил от мгновений томительной неизвестности?

Размен одного серв-батальона на уничтоженный сегмент противокосмической обороны планеты?

Слишком грубо, прямолинейно, незачем было посылать сюда молодых ребят, при применении "Миражей" с такой самоубийственной работой справились бы беспилотные сервомеханизмы.

Группа Тавгалова… Нас так и не допустили к прямому общению. Они тут со спецзаданием.

Неизвестность - худшая из пыток и потому Шмелев ни на секунду не задумывался, активируя закрытый канал командной частоты.

– Капитан?

Тот отозвался спустя пару секунд, очевидно перепроверял полномочия абонента.

– Слушаю. Решил познакомиться майор?

– Давай по существу. - Ответил Шмелев. - Я застрял.

– В смысле?

– В прямом. Высадка осуществлена, все машины на позициях круговой обороны, командир соединения "Нибелунгов" требует от меня дальнейших инструкций…

Тавгалов ощутил неприятный холодок в груди.

– То есть, дальнейшего плана действий нет?! - Ошеломленно переспросил он.

– Занять круговую оборону и держаться до подхода основных сил флота. Но я не вижу, чтобы на орбите происходили подвижки. Нашего флота нет, а мы тут. Вот я и подумал, пока не закрутилась карусель - может, ты подскажешь - что дальше? Какое у тебя задание, капитан?

С губ Тавгалова сорвалось проклятие.

– Задание у меня простое. Освободить пленных пилотов. Обеспечить им доступ к управлению трофейными серв-машинами захваченной базы РТВ. Затем передать тебе общее командование операцией.

– Ясно. - Тон Шмелева не подразумевал двойной трактовки мыслей, проскользнувших в его голове. - Нас подставляют под удар. Сколько серв-машин ты должен реактивировать?

– Около сотни. Как получиться.

Секунда тишины.

– Сотня?! Ты серьезно? Откуда в недрах базы столько пленных пилотов?

– А разве я сказал, что они *живые?* - Тавгалов криво усмехнулся. - Пять контейнеров с трофейными модулям "Одиночка" различных модификаций. Приказано найти, доставить к машинам, и реактивировать.

Лицо майора Шмелева приняло землисто-серый оттенок.

– Не делай этого, капитан.

– Поясни!

– На орбите тяжелый флагманский крейсер колоний. Реактивация сотни серв-машин создаст такой очаг угрозы, который они станут давить немедленно, не считаясь ни с чем. Не знаю, выбирай сам, из двух вариантов, либо крейсер выйдет на низкие орбиты для коврового бомбометания по площади базы РТВ, либо применит аннигиляционную установку "Свет", ударив по планете.

Тавгалов грязно выругался.

– Как ни крути, майор, выходит - размен. Наши жизни на уничтожение опорного пункта Колоний. Круто задумано. Значит, поддержки флота ждать нечего. Адмирал не полезет под удар установки "Свет".

– Ясно дело. - Не задумываясь, согласился Шмелев, зная, что адмирал - расчетливый, циничный тактик, пока дело не доходит до вопроса его личной безопасности. - Но выжить мы должны. Или у тебя другое мнение, капитан?

– Других мнений быть не может. Но вот реального способа выжить, извини, не вижу. Реактивируем трофейные машины - получим по башке с орбиты. Не реактивируем - нас рано или поздно сомнут части наземного базирования.

– Ты сколько в десанте? - Спросил Шмелев, мучительно соображая: что же делать, как развязать внезапный клубок смертельных проблем?

– Пятый год. - Ответил Тавгалов.

– Вот что скажу, капитан: я выживу, хотя бы ради того, чтоб спасти ребят.

– Варианты. Нужны конкретные варианты, а не слова.

– Слушай внимательно: действуешь по плану. Достань модули "Одиночек". Они нам теперь нужны как воздух.

– Ты же сказал что активация трофейных машин - наша гарантированная смерть!

– Не гони события. На ближайший час мы в относительной безопасности. Батальон держит оборону базы, ты идешь под землю. Я отведу и замаскирую "Нибелунги", - они наша гарантия отхода. Сколько у тебя технических сервов?

– Тридцать штук.

– Отлично. Пусть занимаются реактивацией трофейной техники. Твои ребята с серв-машинами знакомы?

– С управлением?

– Да.

– Проходили. Знаем.

– В таком случае все подразделение переводишь в пилоты. Ты понял? Только не спорь, броня и огневая мощь "Фалангеров" даже при отсутствии опыта вождения, повысит шансы твоей группы на выживание.

– Я понял. Но ты так и не сказал - что дальше?

– Буду думать. Нужно составить такой план действий, чтобы у противника постоянно создавалось ощущение, что наземные силы справятся сами. Будем включать трофейные машины группами, не создавая массированной угрозы.

– Считаешь, это сработает?

– Уверен. Дай мне немного времени, и к твоему возвращению план действий у нас будет.

Секунда тишины.

– Ладно, майор. Я пошел. Думай.

* * *

Группа капитана Тавгалова.

Мощный взрыв вырвал модульные ворота, устоявшие под ракетным обстрелом "Нибелунгов".

На месте образовавшегося входа в бункерную зону вихрился дым, клубилась пыль, но пятеро бойцов диверсионной группы не обращали внимания на такие мелочи, системы БСК работали исправно, выдавая на проекционные забрала обработанные показания сканеров.

– Парами вперед. Техническим механизмам дистанция - пятьдесят метров.

Масштабы бункерной зоны базы РТВ поражали: сразу за выбитыми взрывом воротами открылось огромное пространство технического паркинга - десятки трофейных серв-машин ничуть не пострадали от массированных ракетных ударов, перекрытие даже не треснуло, но ковровое бомбометание с применением боеприпасов объемного взрыва не оставит тут камня на камне…

Пять бойцов группы остановились, занимая позиции, в ожидании немедленной реакции узлов внутренней обороны, но тревожный сумрак, разгоняемый лишь сиротливыми источниками аварийного освещения, не потревожил ни один выстрел или лазерный разряд, - система безопасности либо вырубилась, либо просто отсутствовала, что показалось Тавгалову сомнительным.

Однако сканеры не выявили источников энергетической активности, за исключением энергоцентралей, питающих аварийные подсистемы освещения.

Видимо, нарушено энергоснабжение уровня. Посмотрим, как будет дальше и глубже…

Они возобновили движение, медленно, вязко продвигаясь вперед, каждую секунду ожидая вспышки внезапного сопротивления, - укрываясь за мощными ступоходами неподвижных, как статуи, серв-машин, десантники преодолевали метр за метром, пока на схеме коммуникаций, моделируемой подсистемами боевых скафандров, не обозначился наклонный тоннель, уводящий вглубь бункерной зоны. Рядом располагались пять мощных подъемников, рассчитанных на габариты и вес серв-машин.

Тавгалов не верил, что тут нет систем охраны. Даже при нарушенном централизованном питании каждый узел автоматически входит в

автономный режим, используя собственный энергонакопитель.

На сканерах чисто…

Может режим "хамелеон" так хорошо маскирует бойцов, что системы ограничения доступа не реагируют на их появление?

Рискнуть? Двигаться вперед?

Точечный укол лазерной связи развеял его сомнения.

– Командир, сигнатуры. Движутся по тоннелю. Идентификации не поддаются.

Тавгалов на миг включил системы активного сканирования.

Что за…

На проекционном забрале шлема появилось смешанное скопление сигнатур. Сервомеханизмы… Но такой конструкции нет ни в одной из баз данных!…

Ну да. Здесь же расположены испытательные полигоны, кибернетические лаборатории и цеха по производству новой техники, ориентированной на борьбу с серв-машинами Альянса.

Расплывчатые пятна сигнатур после обработки специализированными боевыми программами идентификации целей начали обретать приблизительные контуры.

Что за уродцы?…

Тавгалов видел миниатюризированный шагающий привод, затем что-то вроде поворотной платформы, на которой расположена полусфера, и как завершающий штрих в облике сервомеханизма - испускающая трубка тяжелого лазера, заключенная в бронированный кожух, - нечто вроде непропорционально длинного носа…

Как они поддерживают равновесие? - Промелькнула вопросительная мысль, но тут уже стало не до шуток, на самом деле шагающие уродцы обладали даже на первый взгляд неожиданной для таких размеров боевой мощью. Тяжелое бронирование, сравнимое с защитой планетарного танка, делало их неуязвимыми для легкого стрелкового оружия, - вот и "противовес" длинной испускающей трубке, равновесие шустрые машины поддерживали идеально…

Рядом с моделью шагающего лазера появилось следующее трехмерное изображение, понравившееся Тавгалову еще меньше: небольшие по размерам, передвигающиеся на широких гусеницах боты, в конструкции которых сочеталась многоствольная реактивная минометная установка и два тридцатимиллиметровых орудия.

Изрубят снарядами в фарш, за пару секунд… - мысленно оценил возможности новых механизмов командир десантной группы.

Мимо не проскользнешь. Если только рывком в грузовой лифт, и сразу прорываться на нижние уровни?

А что ходячие лазеры и боты огневой поддержки сделают с техническими дройдами?

Вот попали… Скрытые системы охраны все же функционировали, - они отследили точку вторжения и вызвали группу зачистки.

Дистанция - триста метров.

– Шмелев! - Капитану не оставалось ничего другого, кроме как выйти на связь. Выбор небогат: либо мгновенная геройская смерть и загубленное задание, либо уповать на своевременную помощь серв-батальона.

– Почему выходишь на радиочастотах?!

– Принимай телеметрию. Через минуту моей группе крышка…

Майор был не из тех, кто начинает препираться. Мгновенно оценив поступившие к нему данные, он отдал короткий приказ:

– Звено Максимова, передаю координаты точки входа в бункерную зону! Поддержите десантников.

И вновь тишина в эфире.

Двадцать минут с момента высадки…

Всего двадцать минут…

* * *

Группа капитана Тавгалова…

– Всем в укрытие. Дима, отдай команду сервам, - пусть к фрайгу уносят ноги отсюда! Позовем, когда понадобятся.

Двести метров… Вроде уже не мальчик и в десанте не новичок, а испариной по спине ожгло. С тихим щелчком отскочили пылезащитные заглушки пусковых стволов тактического ракетного комплекса, закрепленного поверх бронепластин запястья правой руки. Орудие на левом плече с шелестом развернулось, нацелившись в сторону модульных ворот тоннеля, что начнут вот-вот открываться.

Если помощь не подоспеет вовремя, бой будет коротким… - Мысль прошла буднично, отстраненно, в отличие от молодых пацанов, что глотали сейчас первые минуты напряженного страха, Тавгалов не нервничал - война давно и бесповоротно стерла в рассудке некоторые грани, через которые, однажды переступив, уже не вернешься, не отмотаешь вспять.

Когда риск превращается в будни, с человеком начинает происходить странное: он меняется быстро, необратимо, будто в сознании отказывают

некие ограничители - если страх то "по полной", если безрассудство, - то до конца…Тавгалов давно жил одним днем, часом, секундой боя - как получиться. Иначе сойдешь с ума, как происходило со многими на его глазах.

Массивные створы модульных ворот дрогнули и начали сдвигаться по направляющим.

Пять человек. Пятнадцать тактических ракет…

– Бьем залпами. Интервал три секунды.

Сумеречное пространство огромного подземного паркинга расчертили огненные вспышки запусков, реактивные снаряды с воем пронеслись по короткой траектории прямой наводки, и за продолжавшими открываться воротами вспухли ослепительные бутоны разрывов.

Ворота заклинило, раздался скрежет механизмов, многотонные плиты несколько раз дернулись и застыли, в успевшем открыться метровом зазоре бушевало пламя, из которого вдруг начали появляться стремительные контуры необычных машин.

Тавгалов, как и остальные бойцы, произведя залп из ОРК[20], едва успел отпрянуть за прикрытие мощной железобетонной опоры, поддерживающей свод огромного помещения, как в ответ хлестко, ритмично ударили тридцатимиллиметровые автоматы, ангар мгновенно наполнился грохотом разрывов, клубами едкой пыли и заунывным рикошетом осколков, однако сервы не ограничились короткими очередями, они зафиксировали цели и двигались через завесу белесой пыли, тупо, но целеустремленно молотя по укрытиям; над головой Тавгалова мощная монолитная опора вдруг подернулась змеящимися трещинами, - видно в куцые электронные мозги вражеских сервомеханизмов программисты не вложили ни грамма от такой полезной функции, как просчет вероятных последствий стрельбы и эквивалент инстинкта самосохранения.

Еще минута бесноватого огня и они либо израсходуют боекомплект, либо просто обрушат свод ангара…

Капитан едва успел подумать о вполне вероятном исходе короткой схватки, как пространство внезапно осветили пять стробоскопических вспышек тактовой очереди, выпущенной из подвесного орудия "Фалангера".

Пилот шестидесятитонной машины правильно оценил ситуацию, успев по ходу движения сменить бронебойные снаряды на фугасные, - пять разрывов буквально смели успевшие прорваться в ангар сервомеханизмы противника, изрешетив их поражающими элементами в виде шариков.

Когда вновь заработали давшие секундный сбой сканеры, то Тавгалов с удовлетворением смог наблюдать последствия единственной пятитактовой очереди - вариатор целей уже не очерчивал сигнатуры, фиксируя лишь обломки.

Укол лазерного луча принес сообщение.

– Лейтенант Максимов. Поступаю в ваше распоряжение.

– Спасибо… Вовремя подоспел. Видел их сигнатуры?

– Дешевая в производстве, но крайне опасная дрянь. - Высказал свое мнение лейтенант, для верности производя одиночный запуск в щель меж искореженных ворот, откуда толчками выталкивало едкий, зловонный дым.

– Дима, займись лифтами. Джон, верни дройдов. - Тавгалов не терял ни секунды драгоценного времени. - Пусть начинают тестовую проверку серв-машин.

Отдав распоряжения, он вышел из-за едва не рухнувшего укрытия.

За сумеречным контуром "Фалангера" обозначились два "Хоплита" боевого звена.

– Нам бы прорваться на уровень кибернетических лабораторий. По схеме, полученной разведкой, - минус третий ярус.

– Больно тихо тут… - Отозвался Максимов. - Не по душе мне тишина, капитан…

– Шутишь? Тридцать сервомеханизмов, посланные на уничтожение пятерых десантников, по-твоему "тихо"?

– Я не о том. Почему такое слабое, я бы сказал очаговое сопротивление?

– Удар "Нибелунгов" в расчет не берешь? - Хищно оскалился Тавгалов. - Они перепахали инфраструктуру базы почти на двадцатиметровую глубину.

– Мелочи. Ты сам видишь перекрытиям второго уровня хоть бы что.

– Слушай лейтенант, не напрягай. У меня вопросов сейчас больше чем ответов. Что на сканерах твоей машины? Фиксируются охранные системы?

– Да. Но свое они уже отработали - тревогу подняли, а в ответ выдвинулась только одна группа механизмов?

– Радуйся. Значит, больше резервов нет.

– Лифты работают. - Вмешался в их диалог доклад техника десантной группы. - Я подключил аварийную линию питания.

– Ну что? В прорыв?

– Мы спускаемся первыми, капитан. Сам знаешь, если завяжется бой на выходе, вам лучше держаться подальше. Зачистим уровень, - тогда

милости прошу.

– Согласен. - Тавгалову нечего было возразить. Огонь "Фалангера" в замкнутых пространствах бункерной зоны одинаково опасен и для своих, и для врагов.

Три серв-машины направились к рассчитанным под их габариты и вес подъемникам.

– Смотрите, чтоб нас не заперли. - Предупредил Максимов.

– Об этом не беспокойся лейтенант. Мы проконтролируем.

Тавгалов посмотрел на таймер.

Минус двадцать две минуты с момента высадки…

* * *

Майор Шмелев, распределив позиции серв-машин, и дав указания командиру соединения "Нибелунгов", вот уже минуту, как нервно поглядывал на таймер.

Интуиция подсказывала: четверть часа в их распоряжении, не больше. Все же штурмовые носители отработали "по полной", буквально вырвав, будто пираньи, изрядный сегмент наземной и космической обороны.

Где же флот?

Было б все по-честному, сейчас в пространстве уже кипел бы бой. Чем руководствуется адмирал, давая противнику придти в себя, залатать бреши в противокосмической обороне?

Кинули нас. Списали в процент невосполнимых потерь. Разыгрывают непонятную партию, сделав серв-батальон разменной фигурой на поле боя.

Размышляя, Шмелев не переставал сканировать окрестности, кроме того, "Фалангер" комбата, оборудованный специальными средствами связи и дополнительными кибернетическими модулями обработки информации, суммировал сейчас все поступающие от других машин данные, постепенно проясняя конфигурацию ландшафта, укреплений базы РТВ и прилегающих окрестностей.

"Нибелунги", ушедшие за горизонт, так же внесли свою немаловажную лепту в формирование общей информационной картины.

Шмелев обратил внимание на необычные укрепления, вынесенные за пределы периметра занятой серв-батальоном базы РТВ. Судя по полученным данным, изломанная линия являлась неким аналогом ходов сообщения, связующих систему капониров, рассчитанных под габариты серв-машин; "траншеи" так же отвечали всем условиям скрытого

продвижения "Фалангеров" и "Хоплитов". Наблюдались так же долговременные огневые точки, не оборудованные вооружением и сканирующими комплексами. Никакой подводки энергии к укреплениям не фиксировалось, впрочем, кабели питания наверняка пострадали от атаки штурмовых носителей.

Но к чему создавать подобную сеть укреплений? Для чего закапывать в землю тяжелые серв-машины, создавая для них укрытия?

На ум не шло ничего толкового относительно обнаруженной линии обороны, пустующей, обращенной в сторону пространств, откуда вполне могла придти угроза наземной атаки.

Нас словно приглашают занять удобные, готовые капониры… но возводились они явно в других целях. Функция защитного периметра базы отпадает, - общая длина укреплений не превышает двадцати километров и вытянуты они в линию… понятно, если б окольцовывали базу, а так, фланговый маневр сводит на нет все преимущества позиций.

Ни один дурак не станет штурмовать их "в лоб".

Кроме случая боевых испытаний. - Ненавязчиво подсказала кибернетическая система "Фалангера".

Умница… Точно!… Тут же вокруг полигоны!…

Вывод правильный, но легче ли от него?

Решается вопрос, заданный капитаном Тавгаловым. Система анализа данных полагает, что высадка серв-батальона произошла в канун боевых испытаний новых образцов планетарных сервомеханизмов, разработанных специалистами Флота Колоний. Машины, обнаруженные в зоне ангарной парковки, предназначались в качестве мишеней. Следовательно, к северу от позиций батальона сосредоточены ударные группы противника. Более того - логически развивая цепь рассуждений, можно предположить, что на верхних уровнях и в наземных постройках, уничтоженных ударом "Нибелунгов", находились высокие армейские чины Флота Колоний, приглашенные на испытания, и все командование наземными силами обороны планеты.

Выслушав мнение "Одиночки", Александр не нашел веских возражений против изложенных доводов. Попал ли под внезапный удар кто-то из высших офицеров вражеского флота, - вопрос спорный, а вот вывод о предназначении укреплений и вероятных местах сосредоточения противника аналитическая система сделала верный.

Теперь понятно, откуда ждать удара. С учетом глубокого флангового маневра вероятность окружения велика, но и лимит времени увеличивается. По скорректированным в свете последней полученной

информации оценкам, пройдет не менее полутора часов, прежде чем противнику удастся замкнуть плотное кольцо вокруг базы.

Нельзя оставаться на занятых позициях. Нужно скрытно выводить батальон, но, как и куда?

Сейчас многое зависит от Тавгалова.

Модули "Одиночка" нужны как воздух. Реактивация подготовленных к боевым испытаниям трофейных машин поможет решить многие проблемы.

Шмелев был настроен решительно.

Я вытащу тебя из гиперсферы адмирал. - С холодной яростью думал майор. - *Заставлю атаковать планету, потому что действий, провоцирующих противника на ее аннигиляцию, я не совершу.*

* * *

Группа капитана Тавгалова.

7 часов 25 минут…

На третьем подземном уровне даже не горел свет.

Видимо сокрушительный удар штурмовых носителей нанес гораздо более тяжкий урон структурам бункерной зоны, чем можно было предположить, глядя на уцелевшие перекрытия. Военная техника, конечно, имеет огромный запас прочности, многие системы раздроблены на подсистемы, обладающие собственным автономным ресурсом и узкими задачами, исполнимыми даже в условиях полной изоляции от глобальной сети, но повсюду, куда доставали сканеры серв-машин, виднелись следы прокатившейся по подземным уровням базы РТВ волны техногенных катастроф, многие устройства до сих пор дымили, воздух в бункерной зоне уже не годился для дыхания, ударная волна, проникшая под землю, не смогла полностью разрушить стен и мощных горизонтальных слоев бронирования, но на аппаратуру она воздействовала губительно - множественные обрывы энергоцентралей, очаги пожаров, прорвавшиеся внутрь грунтовые воды, и еще десятки признаков непоправимых разрушений немо свидетельствовали - удар "Нибелунгов" достиг цели, не просто сравняв с землей внешнюю систему обороны, но и причинив глубинные повреждения.

Ключевой момент той части плана, в которую были посвящены командиры двух высадившихся на планету подразделений, - изъятие модулей "Одиночка", снятых колонистам с трофейных серв-машин и

доставленных сюда на исследования, прошел на удивление гладко.

Тавгалов не любил подобного "везения", не доверял ему, - слишком просто, в его понятии - западня.

Однако технические дройды, прочесавшие уровень и обнаружившие контейнеры с кристалломодулями, докладывали об отсутствии сопротивления.

– Лейтенант, мы их нашли. Что у тебя на сканерах?

– Чисто. - Ответил Максимов, и спустя пару секунд добавил: - Тоннели тут непонятные. Проложены, на глубине пятидесяти метров, ведут в условно "северном" направлении.

– Серв-машины по ним пройдут?

– Нет. Но механизмы типа "ходячих лазеров" - запросто.

– Там сейчас чисто?

– Пока да.

– Вот что скажу лейтенант: технические сервы приступили к реализации основной задачи. Они поднимаются наверх и устанавливают модули "Одиночек" в серв-машины. Прикрой их. А мы с ребятами прогуляемся к тоннелям, заминируем их на всякий случай.

– Одобряю.

* * *

Зона высадки серв-батальона. Машина лейтенанта Верхолина.

7 часов 27 минут…

Скоротечная схватка на нижних уровнях бункерной зоны не прошла не замеченной: земля передавала колебания, датчики серв-машин чутко улавливали их, подсистемы анализировали вибрации, выявляя ритмику, отсеивая сотрясения от случайных обвалов и докладывая пилоту лишь о значимых с точки зрения боевой обстановки событиях.

Ураганный огонь тактических ракетных комплексов, пятитактовая очередь стопятидесятимиллиметрового орудия и… тишина. Зловещая, тягостная тишина, вновь окутавшая руины наземных строений базы РТВ, над которыми по-прежнему клубилось черно-серое облако гари.

Верхолин уже пережил свой первый шок свидания со смертью, жестко подавленный системой метаболической коррекции боевого скафандра, но вызванный воздействием препаратов прилив моральных и физических сил оказался недолог, и в разуме Антона сейчас шло болезненное разграничение понятий настоящего и прошлого.

Беатрис, как нам уравнять шансы? Почему нет сведений о противнике? Мы тут торчим на стационарных позициях, как мишени!

Вопросы не ко мне, Антон. Операцией руководит командир батальона.

Ладно. Попробуем по-другому. Абстрагируйся. Представь, что мы одни. Твои предложения?

Батальону - уходить к зоне скрытой стоянки штурмовых носителей. - Немедленно откликнулась "Беатрис". Только "Нибелунги" способны с боем прорваться в зону открытого космоса и совершить гиперпространственный прыжок.

Хорошо. Умница. Держим, как вариант. На самый крайний случай. А теперь пока затишье, давай думать, как нам экономить боезапас?

Вопрос доверия между нами снят?

Верхолин невесело усмехнулся.

– Снят. Не знаю, как сложиться дальше, нам прежде надо выжить. - Вслух произнес он.

– Лично или в составе батальона? - Переключаясь на аудиосистему, осведомилась "Беатрис".

– Не знаю… Теперь уже не знаю… - Антон действительно замешкался, как правильно ответить?

Ты не хочешь выходить из состава батальона? Я правильно распознаю мысли?

Да. На языке людей подобный шаг называется "предательство".

Я в курсе. На тебя рассчитывает командир, ведомые. Но твое желание выжить, не противоречит применению нестандартных приемов боя.

– Ты опять говоришь об опыте сражений в виртуальной реальности?

– Да. Иного опыта у тебя нет, верно?

– Согласен. Но там мы действовали группами.

– Ситуация не изменилась. Саймон сейчас - твой ведомый. Две серв-машины, действуя совместно, представляют серьезную силу. Подумай лишь над тем, как наиболее рационально ее использовать.

Антон некоторое время не отвечал, затем решительно протянул руку, сломал символическую пломбу на панели отдельного коммуникационного устройства и произнес:

– Командир, на связи ноль семнадцатый. Лейтенант Верхолин.

– Что? Слушаю тебя?

– Вы нам, виртуальщикам, особо не доверяете, знаю. Но мне тут пришло в голову, - что-то идет не так, как планировалось, верно?

– Почему?

– Мы стоим уже почти пол часа. Оборона взломана, но флота нет.

– Глубокие мысли, малыш. Что предлагаешь конкретно?

– Нам, так или иначе, придется вступить в бой. Боекомплект ограничен. Предлагаю использовать режим "снайперских пар".

– Не слышал ни о чем подобном. Подробнее.

– Серв-машину противника можно поразить одним, ну максимум двумя одиночными ракетными запусками.

– Верхолин, ваши приемы тут не прокатят. Любая из машин противника оснащена системами отстрела ложных целей, оптических и сигнатурных фантомов, ты же должен понимать, залп - мера вынужденная, часть реактивных снарядов заранее обречена на атаку ловушек…

Антон не стал спорить. Выслушав командира, он ответил по существу.

– Режим снайперской пары подразумевает следующие действия: "Хоплиты" заранее выдвигаются в направлении вероятного удара противника. Они отключают активное сканирование, входят в режим маскировки, передав перед этим пилоту "Фалангера" точные данные по своей дислокации. Например, я послал "Хоплита" из состава боевой связки вперед, и периодически снимаю информацию с его сканеров, прямым включением лазерной связи. Противник определяет мою активность, затем производиться одиночный ракетный запуск. Пилот "Хоплита", находясь в непосредственной близости от цели, фиксирует ложные сигнатуры, и в последний момент его машина передает устройству наведения боевой части ракеты точные данные.

– Хороший прием. Но слишком сложный. - Ответил Шмелев. - Извини, но сейчас нет времени на рискованные эксперименты.

* * *

Район дислокации седьмого ударного флота Альянса. Борт крейсера "Апостол".

Адмирал Купанов нервно прохаживался по боевому мостику.

Командир корабля и его старый друг сидел в кресле, наблюдая за сложными сплетениями курсовых нитей.

– Четвертая группа АРК[21] вернулась, - сообщил он, считывая поступающие данные.

– Ну? - Адмирал обернулся.

– Наномашины без труда прошли сквозь заслон детекторов

планетарной обороны. Как мы и рассчитывали, сигналы локальной сети, созданной микроаппаратами разведки, настолько слабы, что не фиксируются сканерами противника.

– Ты мне не о чудесах технологий докладывай. Что там, на орбитах, подвижки есть?

– Нет.

– Проклятье… Неужели все сорвалось? - Купанов был так взвинчен, что и не пытался скрыть нервозности.

– Не понимаю тебя Паша. Чего мы ждем? "Нибелунги" выбили сегмент планетарной обороны. Серв-батальон зацепился, создал плацдарм. Самое время для атаки.

– Саша, не будь дураком. - Резко ответил ему адмирал. - Сам знаешь, почему война затянулась на полтора десятка лет. Топчемся в одних и тех же системах: сначала теряли людей, теперь теряем машины, благо их много, - рано или поздно задавим блокадой, численным перевесом, да? Нам не дают развить ни одного успешного наступления. Они, - Купанов говорил о Флоте Колоний, - держат в своих руках единственный козырь, и не дают нам сделать ни единого хода. На все тактические комбинации у противника всегда готов один ответ, - удар аннигиляционной установки. Вот, ты, конкретно, готов превратиться в космическое излучение?

– Так, скажи толком, чего ждем? - Проигнорировав явно провокационный вопрос, произнес командир "Апостола". - Если все так хреново, зачем ты затеял столь опасные игры, и почему послал на штурм планеты молодых ребят, а не машины?

– Потому что они будут драться, как не сможет ни один искусственный интеллект. Да я послал их на смерть! Но жертва оправдана! У нас впервые за много лет появился уникальный шанс, - схватить врага за глотку и задушить. Как только крейсер "Элиот" выйдет на низкие орбиты, чтобы расправиться с батальоном, мы совершим прыжок через аномалию и начнем атаку в тот миг, когда крейсер не сможет развернуть установку "Свет". Понимаешь? У нас будет реальный шанс захватить корабль. Я готов пожертвовать батальоном, эскадрой, флотом, наконец, но ты понимаешь, что означает для Альянса захват прототипа аннигиляционной установки? Конец топтанию на месте, потому что на каждый удар мы сможет отвечать ударом, а не сдерживать из последних сил корабли Колоний в узловых точках аномалии.

– Мы сколько лет знакомы? - Внезапно спросил командир "Апостола"

– Давно. Лет десять уже… А к чему спрашиваешь?

– Пытаюсь понять, зачем ты разглагольствуешь передо мной, неся

явную чушь. Аннигиляционная установка - не оружие ближнего боя. Сам прекрасно знаешь, - случаи ее применения по пальцам можно сосчитать, а последствия аннигиляции? Такого и врагу не пожелаешь. Прототип, которым ты вознамерился овладеть, вполне может быть создан на базе уже имеющихся данных. Но что он даст? Применить установку "Свет" в границах обитаемой системы, означает обречь население планет на гибель. В масштабных сражениях результат боевого использования аннигилятора известен: гарантированное разрушение всех материальных объектов в радиусе сферы одной световой минуты - то есть "пиррова победа", уничтожение большей части обоих флотов. Нет, Паша, аннигиляционная установка нужна тебе по иной причине. Она слишком мощное, непредсказуемое и не доработанное оружие, и колонисты, к чести сказать, отлично понимают это. Они ни разу не применяли "Свет" в границах населенных систем, ни своих, ни наших.

– К чему ты меня подводишь? - Насупился адмирал Купанов.

– "Свет" - оружие сдерживания, крайнего шага, всеобщего уничтожения. - Спокойно обозначил фон Ребен свое мнение. - Ты все прекрасно понимаешь, без моих комментариев. И стремления твои не изменят хода войны, а лишь сделают его более жестоким, кровавым и непредсказуемым. Колонисты доказали, что понимают опасность применения установки, а вот мы, - сумеем ли удержаться от соблазна быстрой, но кровавой победы, а если не сумеем, много ли останется от человечества?

– Мораль мне читать будешь? - Резко переспросил Павел Петрович.

– Нет. Скажу лишь одно - очередное звание, даже если ты метишь на самый верх, не стоит нового витка бойни. Подумай над этим.

Купанов действительно задумался, однако, слова командира "Апостола", задев за живое, вновь разбудили то угасающие, то разгорающиеся вновь честолюбивые амбиции.

Да со смертью Джона Уинстона Хаммера Земному Альянсу реально грозил развал.

Семь флотов, семь адмиралов, равно претендующих на верховную власть, - против только престарелый Нагумо, которого, впрочем, нельзя недооценивать. Немощь тела, о которой так много говорили в последние месяцы, не уменьшала его влияния и власти, а лишь подчеркивала их. Старик, прикованный к креслу, упорно отказывающийся от сложных операций имплантации, демонстрировал недюжинную силу искушенного в политических интригах рассудка. Его сторонники еще не утратили веры в способность командующего объединенными военно-космическими силами

не допустить распрей и развала Альянса на семь вооруженных группировок.

Сместить Нагумо, либо стать его преемником, сумеет лишь человек, демонстрирующий не только несомненные качества стратега и политика, но и обладающий подчиненной ему мощью, такой, к примеру, как трофейная аннигиляционная установка "Свет".

– Фон Ребен конечно прав, - продолжал размышлять Купанов. - Новый вид оружия, остановивший вторую попытку блицкрига со стороны сил Альянса, лишь однажды в полной мере продемонстрировал свою неконтролируемую мощь, уничтожив два противостоящих флота и планету, подле которой происходило столкновение армад[22].

Прошло много лет, но ту систему и по сей день обходят стороной корабли, - даже навигационные линии гиперсферы оказались стянуты в непонятный и опасный узел после реакции полного ядерного распада вещества.

Применять "Свет" для наступательных либо оборонительных операций - означало уничтожать звездные системы, делать их непригодными для жизни, губить множество кораблей, - редкая защита выдерживала потоки излучения, в которое мгновенно превращалось вещество.

Да, но как сдерживающая сила, установка "Свет" подходит идеально.

* * *

Анкор. Тринадцатый серв-батальон.

7 часов 33 минуты…

Они стояли на позициях, заняв удобные для обороны места, среди хаоса нагроможденных друг на друга бетонных плит, разрушенных зданий, конических воронок. Каждый пилот выбирал себе укрытие самостоятельно, сообразуясь с личными понятиями безопасности, и теми приемами ведения боя, которые считал предпочтительными.

Тишина не могла продлиться вечно. Рано или поздно их атакуют, но каждого сейчас волновала мысль не о вероятной атаке или обстреле.

Где наш флот?

Почему батальон остался без поддержки? Как они станут сражаться, если нет прикрытия с орбит, и там безраздельно властвуют корабли противника?

– Тавгалов, сколько еще?

– Заканчиваем, комбат. Технические сервы установили почти все модули "Одиночек". Мы заминировали проход, мои ребята заняли рубки пяти "Фалангеров".

– Машины исправны?

– Вроде - да. Еще идет тест.

– Ладно. Ждем еще несколько минут. Будешь готов присоединиться к батальону, - доложи.

* * *

Все в мире объясняется простыми причинами, и только души людей, руководящие поступками, не всегда подаются логическому обоснованию.

Сокрушительный и внезапный удар "Нибелунгов" по базе РТВ уничтожил не только средства наземной обороны, как справедливо предположила аналитическая система, установленная на "Фалангере" Шмелева, - во время штурмовки наземных целей под массированный ракетный обстрел попали высшие офицеры сил планетарной обороны, готовившиеся к проведению назначенных на утро испытаний новой боевой техники.

Получасовая передышка, обеспечившая беспрепятственную высадку и рассредоточение машин серв-батальона, была вызвана параличом командования.

Флот и силы наземного базирования не очень-то контактировали друг с другом. Например, адмирал Ипатов ничего не знал о предстоящих учениях, информация ему была послана, но она застряла где-то в промежуточных инстанциях, и теперь он пытался восстановить контроль над ситуацией, прояснить обстановку, - выбитый "Нибелунгами" сегмент спутниковой группировки срочно восполняли новыми аппаратами, в то время как адмирал по крохам собирал информацию, - уцелевшие офицеры штаба наземного корпуса проявили себя не лучшим образом, - не смотря на явную угрозу они с крайней неохотой делились данными по потерям и принимали указания, поступающие из космоса.

Влияние пресловутого "человеческого фактора" значительно осложнило организацию ответного удара.

К тому же Ипатов, не будучи глупцом, так же чувствовал подвох: шли томительные минуты ожидания, а флот Альянса, который по всем раскладам должен был появиться из гиперсферы в первые минуты прорыва, когда на орбитах царил настоящий хаос, по непонятной причине

так и не осуществил всплытия из пространства аномалии космоса.

Непонимание замысла противника буквально сковывало Ипатова по рукам и ногам. Волевым усилием наведя относительный порядок в штабе наземной группировки, он принял на себя командование всеми имеющимися в наличии силами (а их на поверхности Анкора было немало), и теперь адмирал встал перед трудным вопросом, ответ на который должен продиктовать тактику действий на ближайшие часы.

Пока что он наблюдал явный нонсенс. Блестяще проведенная противником операция высадки, грамотные, выверенные, явно просчитанные заранее действия штурмовых носителей, не только расчистивших плацдарм для серв-батальона, но и нанесших сокрушительный удар по дежурной группировке истребителей, предоставляли немалые преимущества атакующему флоту, но теперь шанс прорыва к планете крупного космического соединения уже был безвозвратно упущен, - сегмент противокосмической обороны залатали при помощи резервных станций, а высадившийся батальон в данный момент замыкали в плотное оперативное "кольцо" поднятые по тревоге части наземного базирования.

В чем же я недопонимаю противника? - Мучительно размышлял Ипатов. - Неужели командование Альянса рассчитывает, что реактивация трофейных серв-машин позволит десанту полностью захватить планету?

Но не смертников же они послали на Анкор? Какой смысл губить серв-батальон?

– Замятин, что показывает тактическая система?

– Пока ничего. Мешает поднимающееся от земли облако и работа маскирующих полей. Они применяют какую-то новую установку, блокирующую чтение сигнатур системами боевого сканирования.

– То есть мы не в состоянии узнать происходит ли там сейчас реактивация трофейной техники?

– Получить точные данные не представляется возможным. Хотя я и без сканеров могу смело предположить: высадившийся батальон не упустит шанса пополнить свои ряды за счет хранившейся в подземных ангарах базы техники. Оценить количественный и качественный состав "пополнения" поможет разведка боем.

Адмирал Ипатов невнятно выругался. Ситуация скверная. У противника есть план, и его реализация идет сейчас полным ходом, а они, находясь на орбите, вдруг оказались слепы и беспомощны.

– У меня есть и хорошие новости. - Прервал невеселые мысли адмирала Замятин.

– Какие?

– Трофейные машины, предназначенные для испытаний, укомплектованы холостыми боекомплектами.

– Они не смогут вступить в бой?

– При немедленной атаке с нашей стороны большинство серв-машин будет уничтожено без потерь. Реальную опасность представляет серв-батальон. Если сумеем смять его - то трофейные машины не окажут сопротивления.

– А если промедлим?

– Существует опасность, что автоматы перезарядки, посланные с "Нибелунгов", доставят боекомплекты и перезарядят трофейную технику. Тогда нам придется смириться с огромными потерями при штурме базы РТВ, либо отказаться от наземной атаки и утюжить их с орбит.

– Наземная атака. Однозначно. - Подумав, ответил адмирал. - Тяжелые ракеты "Фалангеров" достают до зоны низких орбит, риск для крейсера велик и неоправдан. - Обосновал он свое решение.

– Может комбинированная атака? Наши новые машины "LDL-55"[23] свяжут боем серв-батальон, не дав развернуть батареи для обстрела орбит. Мы же получим возможность выйти в зону бомбометания, не опасаясь ракетного удара с поверхности.

– Нет. Пока любые подвижки флота исключены. - Ответил адмирал. - Сохраняем построение для отражения атаки из космоса. Переход крейсера в зону низких орбит - крайняя мера.

– Хорошо, тогда мы начинаем атаку силами наземных подразделений. Сначала - разведка боем, затем полномасштабное наступление со всех направлений, как только будет замкнуто кольцо окружения.

– Да. - Соглашаясь, кивнул Ипатов. - И выясните, наконец, куда подевались их штурмовые носители!

* * *

Позиции тринадцатого серв-батальона.

7 часов 40 минут…

– Командир, множественные сигнатуры, охват полукольцом, уточненные данные по идентификации целей указывают на полторы тысячи сервомеханизмов типа "LDL-55" и штурмовых ботов, вооруженных минометными установками.

– Серв-машины?

– Пятнадцать "Беркутов". Беспилотные. Полный автоматический режим.

– Беспилотные "Беркуты"? - Недоверчиво переспросил Шмелев.

– Мы установили датчики по периметру окружности. Их показания многократно дублируют друг друга. Ошибка исключена.

– Да, я понял. Здесь ведь располагаются испытательные полигоны и кибернетические лаборатории… - Шмелев, размышляя вслух, предлагал своему заместителю проследить за нитью рассуждений. - Выходит, специалисты Флота Колоний разработали аналог "Одиночки"?

– Похоже на то. Хотя я считаю, что создавать собственный модуль, им нецелесообразно. Проще воспользоваться нашими, адаптировав их под управление "Беркутами".

– Логично. А эти, "шагающие лазеры" и "бродячие минометные установки"? - Шмелев использовал термины, которые уже успели придумать для обозначения неизвестных ранее моделей боевых машин противника. - Насколько, по-твоему, они опасны?

– Тяжелый лазер способен нанести серьезный урон. - Ответил Алан Найвек. - Цели быстроходные, малогабаритные, способные использовать даже незначительные по размерам укрытия. Опасны они "в стае", предварительный анализ показывает, что десять-пятнадцать ходячих лазеров способны вывести из строя машину класса "Фалангер" менее чем за пять минут. Но у них свои минусы, - куцая электроника, дистанция эффективного огня прямо связана с зонами прямого прохождения лазерного разряда.

– Они могут комбинировать атаку. Одни выжигают укрепления, другие работают по целям.

– Я обобщаю данные, через минуту передам их пилотам.

– Что по минометным установкам? Они, как я понял, рассчитаны на борьбу с андроидами и бронепехотой?

– Лишь отчасти. Анализ механизмов, захваченных на месте боя в бункерной зоне, указал на сложную систему обработки целей. Реактивные мины выходят в верхнюю точку баллистической траектории по предварительной наводке на цель, дольше следуют уточняющие целеуказания.

– Опасно. Гвоздить нас станут, как будто с орбиты. Сбивать ускоряющиеся в свободном падении мины непросто.

– Еще один нюанс, командир. Машины хоть и грозные по огневой мощи, но главное их преимущество в мобильности.

– Я уже понял. Минометы, как мне кажется, вообще будут менять

позицию после каждого залпа.

– Учту и эту возможность. Пилоты получат инструкции по оптимальным способам противодействия. Но все равно каждому придется разбираться по обстановке.

– Учти, что "шагающие лазеры" вполне могут использовать тактику пехотных подразделений.

На командной частоте раздался еще один сигнал вызова.

– Шелган.

– Вижу. Оставайся на линии Алан. - Командир снял удержание абонента.

– Слушаю, первый.

Капитан Шелган занимался реактивацией трофейных машин. Старший техник серв-батальона воевал под командованием Шмелева уже не первый год, и майор привык доверять его суждениям.

– Проблемы командир.

– Точнее?

– Серв-машины укомплектованы холостым боезапасом. Реактивация "Одиночек" прошла успешно, но они доложили, что не могут немедленно вступить в бой.

Фрайг побери…

Шмелев побледнел. Уже созревший план вмиг рассыпался, как карточный домик.

Без прикрытия, имитирующего остающиеся на позициях машины серв-батальона, ему не вывести подразделение из готового замкнуться кольца. Противник сразу же разгадает маневр, ведь командование сил планетарной обороны наверняка осведомлено, что подготовленные для испытаний серв-машины не в состоянии отвечать огнем: молчание, либо первый же холостой выстрел выдаст подмену.

– Что думаешь Алан?

– Надо уводить батальон, командир. По любому. Мы свою задачу выполнили, базу РТВ взяли, трофейные машины реактивировали. Но без поддержки флота на рубежах долго не устоим. Я не вижу смысла в самоубийстве.

– Знаю. Но как выводить батальон? При такой скорости движения они замкнут кольцо минут через тридцать. Сниматься нужно немедленно. - Комбат принимал сейчас тяжелые решения. - Шелган сколько времени потребуется машинам на смену боекомплекта?

– Минут двадцать. У меня достаточно механизмов технической поддержки. Используем неприкосновенный запас посадочных модулей.

Нам все равно бросать их тут.

– Противник уже на горизонте. - Хмуро осведомил его Шмелев. - Кто у нас на северной окраине?

– Верхолин, Саймон, Макаров, Лоренс и Ван Диллан. Три "Фалангера" и два "Хоплита".

Трое опытных пилотов и двое пацанов…

– Шелган, слушай приказ. Остаешься тут, лично контролируешь перезарядку тридцати машин. Соотношение подберешь в точности по составу серв-батальона. Остальные машины с холостым боезапасом уходят с нами. Я вывожу подразделение из кольца. Южный коридор пока свободен.

– Кто прикрывает отступление?

– Сводная группа. Старший - лейтенант Макаров. Дитрих, перезарядишь трофейную технику и примешь командование группой прикрытия.

– Приказ?

– Отступать. Координаты точки встречи тебе передаст Алан.

– Сделаю. Буду вводить машины в бой по мере перезарядки. Мы догоним вас, не сомневайся.

– Я не сомневаюсь, Дитрих. У меня сейчас нет иного выбора. Нет времени даже на смену группы прикрытия.

– Я понял тебя командир. Уводи батальон.

Дитрих прекрасно видел показания на суммирующем экране тактической системы. От линии горизонта катилась лавина сервомеханизмов, - полторы тысяч боевых единиц практически неизвестной модификации. Их нужно не просто удержать на подступах к базе РТВ, а сделать все так, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что оборону держит высадившийся серв-батальон. Понять логику Шмелева не составляло труда: противник не имеет понятия, что в рубках высадившихся машин живые пилоты. Уничтожив "Одиночек" они будут считать, что расправились с серв-батальоном.

А дальше посмотрим. - Мысленно сказал себе Шелган. - Был бы флот на орбитах, иное дело, а так командир прав. Иначе батальон не спасти. Вырвемся из кольца тогда и станем думать, почему нас тут бросили, и как теперь выбираться, благо "Нибелунги" целы и надежно замаскированы.

Он искренне надеялся, что ему представиться возможность встретиться с адмиралом Купановым где-нибудь с глазу на глаз, в узких коридорах крейсера "Апостол".

Думать о смерти перед боем - последнее дело.

Дитрих всегда оставлял для себя какую-нибудь важную жизненную цель, которой нужно обязательно достичь. Срабатывало безотказно и не единожды.

Жить будем…

Он вызвал Макарова, выводя из подземных ангаров четыре десятка серв-машин, уходивших вместе с батальоном.

Технические дройды уже занялись делом, сопровождая первое боевое звено к ближайшему посадочному модулю для перезарядки, и капитан Шелган был краток:

– Тебе продержаться пятнадцать минут лейтенант. После истечения срока - отходи. Время пошло. Через четверть часа "Одиночки" начнут вступать в бой.

– Понял тебя.

* * *

Состояние у Шмелева было паскудное.

Боевая метаболическая система коррекции уже дважды вводила в кровь препараты, и организм снова начинал работать как часы - сердце билось ровно, нервный тик, куснувший было щеку и глаз, прошел, как его и не было.

Арифметика войны… Как ненавидел ее Александр, но что ему нужно сделать сейчас, когда батальон уже на планете? Остаться самому? Или исполнить приказ, не понимая его смысла? Да, вышестоящее командование не обязано разъяснять ему все нюансы операции, но элементарно ввести в курс дела могли? Держи периметр до подхода сил флота… Только сейчас Шмелев понял насколько размыта данная формулировка. Чувства, приходящие в такие минуты, невозможно выразить простыми словами. Погубить батальон, выполняя заранее невыполнимый приказ?

От разрастающейся внутри горечи хотелось взвыть, по-звериному, жутко, надрывно, но он молчал.

Стиснув зубы, вел "Фалангера" прочь от базы РТВ, где оставил на верную гибель пятерых ребят, чтобы спасти остальных.

А спасешь ли? Планета она круглая, материк не бесконечный, лесов тут мало, все больше равнины да военные базы, одна надежда на фантом-генераторы.

Зачем же понадобилось губить людей, когда с миссией захвата и удержания периметра базы РТВ справились бы и машины?

И вдруг его осенила простая, но до рези в груди логичная догадка: адмирал либо знал, либо предполагал, что серв-машины на базе РТВ окажутся небоеспособны. Холостые боеприпасы, или их полное отсутствие, неадекватность модулей "Одиночка", над которыми тут ставили эксперименты, - можно привести еще десяток причин, по которым сервомеханизмы не справились бы с поставленной задачей.

Он послал нас сюда, зная: прежде чем умереть мы будем драться - жестоко и умело, доведя противника до той степени крайности, когда принимаются радикальные решения. Он получит раздавленную, перепаханную бомбардировками планету, вражеские полигоны и лаборатории, смешанные с землей, и доложит наверх: обошелся силами одного серв-батальона, не уточняя, что в рубках машин находились люди.

Злое отчаянье захлестнуло и снова начало отпускать, - очередной укол инъектора возвращал ясность мышления, не позволяя комбату предаваться осмыслению своих чувств.

Он не знал всей правды о замыслах командующего флотом. Шмелев не мог в своих выводах докопаться до истины, потому что не умел мыслить цинично, абстрагируясь от *горстки солдатиков*, брошенных в горнило боев. Они обязаны выполнить задачу или погибнуть. Вернее выполнить и погибнуть.

А что ты надеешься предпринять, комбат? - Мысленно спросил себя Шмелев.

Выполнить, но не погибнуть? Или вообще ослушаться приказа? Дальше фронта ведь не пошлют?

А как же воинский долг?

Война. Жестокая, вытравливающая душу…

Она предлагала лишь один выбор - драться так, чтобы выполнить задачу и выжить, не самому лично, а им, людям, чьи жизни он уже начал разменивать.

Путанные сбивчивые мысли, непривычные, разорванные постоянным вмешательством проклятой системы боевой метаболической коррекции…

Развернуть бы сейчас "Фалангера" и обратно, туда, где вот-вот взъярится бой…

Нельзя. Ты отвечаешь за батальон. Арифметика войны, мать ее…

* * *

Северная окраина базы РТВ.

Группа прикрытия.

7 часов 44 минуты…

– Саймон!…

Грин услышал взволнованный голос Верхолина, и покосился на секцию установки связи. Работал индивидуальный канал, их разговор, сейчас не слышал никто.

– Ты чего Антон?

– На суммирующий экран посмотри.

– Да, что случилось?

– Тебе видны маркеры остальных машин?

– Конечно.

– Следи за их подвижкой.

Саймон несколько секунд осмысливал картину перемещений серв-машин.

– Батальон уходит. - Не выдержав, произнес Верхолин.

– А мы? - Невольно вырвалось у Саймона.

– Что мы? Стоим на позиции, как видишь.

…

На канале лазерной связи, одновременно с диалогом Верхолина с Грином, шел и другой разговор.

Лейтенант Макаров вызвал ведомых:

– Батальон покидает позиции. Комбат выводит машины из окружения. Мы в прикрытии. Продержаться необходимо четверть часа, пока Дитрих не завершить перезарядку трофейных "Одиночек".

Лоренс и Ван Диллан отреагировали спокойно, они воевали уже не первый год, бывали в разных передрягах и своему комбату верили.

– Пацанов нам зачем оставили? - Хмуро осведомился Ван Диллан.

– Пусть уходят. - Поддержал его Лоренс. - Пятнадцать минут продержимся звеном, не в первый раз.

Лейтенант Макаров переключился на каналы связи с машинами Верхолина и Грина.

Лазерные уколы достигли приемных устройств.

– Антон, Саймон, уходите вслед батальону. Доложите комбату, что я принял такое решение. Все - исполнять! - лазерная связь отключилась.

…

Верхолин, секунду назад пребывавший в злом недоумении, вдруг понял: машина Саймона, как и его "Фалангер" даже не шевельнулась.

Вновь включился индивидуальный канал связи между пилотами сформированной силой обстоятельств боевой пары:

– Нам дарят жизнь? Или думают, что станем путаться под ногами?

– Не знаю. "Беатрис", проверь список входящих команд.

Черед доли секунды на информационном экране появилось несколько строк. Внимательно пробежав их глазами, Верхолин произнес:

– Приказ Шмелева: продержатся пятнадцать минут, пока капитан Шелган перезаряжает трофейные машины. Затем отходить. Точка сбора обозначена.

– Взрослые дяденьки сжалились над детьми? - В голосе Саймона смешивались сейчас различные оттенки чувств, не разумом, но душой он уже начал постигать некоторые истины, например циничные нотки, прозвучавшие в его фразе, отдавали фальшивой, неуместной бравадой, но… он впервые растерялся, по-настоящему не зная, что делать - спасать себя, прикрывшись недвусмысленным приказом лейтенанта Макарова или…

"Беатрис" обсчитывала сигнатуры, наползавшие на край экрана[24] сплошной стеной алых маркеров.

Саймон и Антон подумали одновременно об одном и том же:

– У Макарова есть только одна идея: привлечь их внимание к своему звену. - Верхолин говорил быстро, но не сглатывал слова, он как будто оказался в чате, обсуждая с напарником тактику очередного боя.

– Согласен. - Эхом отозвался Саймон. - Он попытается выманить большинство машин на себя, чтобы замедлить фланговый охват базы.

– Где гарантия, что с других направлений не выдвигаются подобные группы?

– Посмотри на построение. К центру количество машин уменьшается, по флангам напротив увеличивается. Вот увидишь, вскоре они займут позиции для обстрела, центр вообще остановиться, а фланги продолжат движение.

Верхолин на секунду прикрыл глаза. "Беатрис" транслировала данные по сигнатурам в его рассудок.

Так. Тяжелые лазерные установки на шагающем приводе. Лазерный луч. В космосе он бьет со скоростью света, почти не рассеиваясь с дальностью расстояния, но в условиях планеты все несколько иначе. Разряд эффективен в основном с дистанции прямой видимости, на условия стрельбы налагается ряд ограничений, такие как рельеф местности, прозрачность атмосферы, наличие препятствий…

Почти семь сотен тяжелых лазерных установок. Остальные механизмы какая-то хрень, гибрид реактивного миномета, универсального

гусеничного привода и импульсных орудий.

Насколько они сообразительны?

Вопрос пока оставался открытым, но тактика ближайших минут виделась абсолютно ясно: выбрать позицию и ударить из комплексов "L-700"[25]. Ракеты "Пилум" класса "земля-космос" обладали кассетной конструкцией боевой части. Предназначенные для атаки крупных космических кораблей, неосторожно сунувшихся в зону низких планетных орбит, они, благодаря широкому применению нанотехнологий, оснащались ста пятьюдесятью реактивными снарядами кумулятивного действия, обладающих вторичной, независимой системой наведения. Задача "Пилума" - поразить как можно большее количество отсеков космического корабля.

Двухступенчатая конструкция ракеты-носителя давно (еще по опыту сражений в виртуальной реальности) подсказала иной способ ее применения.

Теперь Антон собирался применить на практике отработанные на симуляторах приемы.

"Беатрис" получала от него четкие, недвусмысленные инструкции по изменению боевой программы восьми сверхтяжелых ракет.

Первая ступень поднимала "Пилум" по траектории атаки боевых станций. После отделения первой ступени двигатели ориентации неожиданно для противника разворачивали ракету назад, к земле.

На высоте четырех километров происходило разделение кассетных боевых частей.

Площадь рассеивания, при условии частичного перекрытия зон поражения, составляла почти двадцать километров.

"Беатрис", подхватив идею пилота, тут же осуществляла необходимые расчеты, учитывая скорость продвижения фланговых групп сервомеханизмов противника, внося необходимые поправки, уточняя данные - все заняло не более минуты, пока "Фалангер", затаившийся среди руин базы РТВ, занимал позицию для запуска, выдвигая дополнительные упоры, обеспечивающие машине устойчивость во время пуска, и одновременно отклоняя сборки стартовых тубусов "Легионера" на нужный угол относительно горизонта.

Окончательное наведение разделившихся боевых частей по активным сигнатурам. - Подвел черту под мысленно отдаваемыми инструкциями Антон.

– Верхолин, ты что задумал? - Прорвался в его рассудок голос Грина. -

Антон, опомнись, нас же расстреляют на стационарной позиции! Ты по кому собрался запускать "Пилумы"? Вспомни виртуалку - дистанция до кораблей орбитальной группировки слишком велика. Даже на симуляторах такие номера не проходили!

– Саймон, пошло все к фрайгу!… Перестань цепляться за прошлое. Нет его, врубаешься? Нам выжить надо! С планеты не удрать, выход один: драться!…

– Не понимаю, что ты задумал?! - Хрипло переспросил Грин. - "Аметист" передает больше тысячи сигналов!…

– Вижу. - Верхолин сам поражался спокойствию, с которым озвучивал разодранные, полные панических предчувствий мысли, роящиеся в голове. - Полные придурки, судя по анализу данных. Но их много, в таком количестве они нас сожгут по любому…

– Не каркай ты, и так тошно. Дело говори!…

– Занимай позицию для залпа "Пилумами". - Неожиданно приказал Верхолин.

– Ты точно спятил, Антон!

– Слушай, что говорю. Ну, давай же, начинай мыслить! Нужно перепрограммировать боевые части, "Пилумов" для удара по наземным целям!

– Как перепрограммировать?!

– Молча. Мысленно. Через интерфейс "Одиночки"!

Саймон поперхнулся ответом. Верхолин действительно предлагал здравый вариант действий, да и выхода у них не было. Либо сражаться, либо умереть, однажды, но по-настоящему, без права на спасительную перезагрузку, без надежды выйти из боя… С планеты не вырваться, помощи ждать, похоже, неоткуда и уповать остается только на самих себя. Конечно они с Антоном не программисты, но "Одиночка" в состоянии задействовать нужные кибернетические модули, способные изменить, пересчитать боевые настройки любого вооружения, в соответствии с задачей, поставленной пилотом.

– Пробуем… - Ответил он, останавливая машину у подходящего укрытия.

– Пробовать некогда. - Огрызнулся Верхолин. - Второй попытки не будет.

Ну, рыжеволосая… - Грин не заметил, как быстро начал одухотворять кибернетическую систему, - *не подведи меня, девочка…*

Сигналы на целевых мониторах множились, сплошное пятно засветки по мере приближения противника начало дробиться на группы.

– Саймон, как? - Не выдержав, переспросил Антон.
– Готов к запуску. - Выдохнув, ответил Грин
– Отлично. Работаем.

Им не нужно было согласовывать дальнейшие действия, - оба мыслили одинаково, - залп и смена позиции с рывком вперед, навстречу наступающему фронту сервомеханизмов, чтобы поддержать звено лейтенанта Макарова.

Антон не видел бледного лица Саймона, но он и сам выглядел не лучшим образом, такой же напряженный, с резко обозначившимися обтянутыми кожей скулами.

Их первый бой начинался.

Шли последние секунды отсчета перед запуском.

* * *

Орбиты Анкора.

Боевой мостик крейсера "Элиот".

– Внимание, зафиксирован массированный запуск ракет класса "земля-космос"!

Адмирал Ипатов резко обернулся к информационным экранам, но там еще не появилось траекторий, только на фоне укутывающего поверхность, но уже медленно опадающего грибовидного облака яркими точками пылали сигнатуры пуска.

– Есть расчет траекторий!

Тонкие курсовые нити, пополнившие голографическую схему, ввергли всех офицеров находящихся на боевом мостике "Элиота" в секундное замешательство.

– Они атакуют седьмую, девятую и четырнадцатую станции ПКО[26]!

На орбитах началась неизбежная подвижка. Корветы эскадры включили маршевые двигатели, устремившись на перехват шестнадцати ракет, способных превратить в обломки боевые станции.

Счет времени измерялся секундами.

Ипатов, напряженно следивший за продвижением маркеров вдоль нитей траекторий, с облечением понял: корветы успевают поставить заслон.

В следующий миг, подтверждая его мысль, темные корпуса корветов осветились вспышками множественных запусков; все расчеты показывали, что противоракеты перехватят "Пилумы" задолго до рокового разделения

боевых частей…

Мысль оборвалась.

Происходило что-то невероятное, по крайней мере, адмирал впервые наблюдал подобную коллизию: включившиеся двигатели ориентации второй ступени внезапно развернули ракеты назад к земле, и почти сразу, не давая шанса на вмешательство в ситуацию, боевые части "Пилумов" начали разделяться.

Экран сплошь покрылся засечками.

Разделившиеся боевые части стремительно неслись к земле, расходясь расширяющимся конусом, - в зоне поражения оказались две наибольшие по численности группы сервомеханизмов, совершавших фланговый маневр в обход базы.

– Проклятье!… - Вырвалось у адмирала. - Быстро, на связь специалистов по модулям "Одиночка"!

Через пару секунд заработал выделенный канал связи.

Адмирал отвернулся от суммирующего монитора, не желая наблюдать, как бестолково гибнуть сотни сервомеханизмов, не успевших сделать ни единого выстрела по противнику. Рассмотрев знаки различия своего собеседника, он коротко произнес:

– Один вопрос, капитан. Срочно просмотрите запись применения "Фалангерами" ракет класса "земля-космос". Мне нужен ответ или хотя бы компетентное мнение - модуль "Одиночка" в состоянии *додуматься* до такого?

* * *

На флангах базы РТВ.

8 часов 2 минуты…

Сервомеханизмы фланговых групп двигались вдоль размытой границы дымопылевой завесы, по-прежнему накрывающей всю площадь атакованной базы РТВ.

Их сканеры зафиксировали залп, произведенный двумя машинами класса "Фалангер", но не один серв не отреагировал на него. Ракеты ушли ввысь, а значит, не представляли угрозы. Все остальное совершенно не интересовало кибернетические цепи управления проходящих боевые испытания сервомеханизмов.

Их "мозг" представлял собой мощное вычислительное устройство, связанное с боевым автопилотом, целевым монитором и сканирующим

комплексом. Шагающий привод, доведенный в процессе боевых действий до определенной стадии простоты, совершенства и надежности, был полностью скопирован с шасси "Хоплита". Таким образом, механизм, вооруженный мощной лазерной установкой, был дешев в производстве, отличался высокой проходимостью, а по боевым характеристикам представлял реальную угрозу для многотонных серв-машин. "LDL-55" или "шагающие лазеры" (такое название прижилось в войсках) по сути, разрабатывались как ударная сила разового использования. В период испытаний они отлично зарекомендовали себя в составе локальной сети, организовывая различные построения, схемы огневого взаимодействия, применяя простейшие, но эффективные тактические приемы. Если приводить привычные для человека сравнения "шагающие лазеры" действовали коллективно, как стая животных при охоте на крупного зверя.

Единственная боевая задача: "найти и уничтожить", превращала механизмы такого типа в опасную силу.

Второй тип боевых машин, разработанных на Анкоре, получил название "бродячий миномет".

Гусеничный привод, небольшие габариты, в сочетании с "умной" начинкой реактивных боеприпасов, обеспечивающих огромную дальность прицельной стрельбы, плюс грозное противопехотное вооружение, позволяла "МХ-300" работать в одиночном режиме, осуществляя огневое прикрытие "LDL-55". Подключаясь к локальной сети шагающих лазеров "МХ-300" осуществляли серию пусков, и тут же "расползались" в разные стороны, кочуя от одного укрытия к другому, постоянно тревожа противника внезапными ударами, и почти всегда находясь вне зоны ответного огня.

В данный момент около двухсот "LDL-55" и "МХ-300" атаковали базу РТВ с северного направления, еще две группы по шестьсот механизмов в каждой, совершали фланговый маневр, стремясь замкнуть в кольцо окружения высадившийся на планету серв-батальон.

Четырнадцать беспилотных "Беркутов" пока что держались в отдалении.

* * *

Произведя залп, "Фалангеры" Верхолина и Грина синхронно сбросили массивные пусковые устройства "Пилумов", с ноющим визгом втянули дополнительные опоры, и, выпрямив ступоходы, резко ушли с

демаскированной позиции.

В местах пуска остались сборки пусковых стволов семиметровой длины, полегчавшие же на несколько тонн серв-машины выдвинули из скрытых под броней оружейных отсеков снаряженные установки тактических ракет системы "земля-земля".

Десятью секундами позже по обе стороны от базы РТВ внезапно засверкали ярчайшие вспышки, они стремительно множились; со стороны могло показаться, что смерть не обрушились с небес, а рвется из-под земли сотнями жадных, черно-оранжевых сгустков - сгорающая на лету почва, смешанная с обломками сервомеханизмов, вторичные взрывы боекомплектов попавших под удар "МХ-300", клубы дыма, тяжкие судороги взрывных волн, - с орбиты были ясно различимы две огненные язвы, внезапно открывшиеся в теле планеты, а с земли удар выглядел еще более впечатляющим: по флангам, там, где только что множились сигнатуры сервомеханизмов противника, вдруг, озаряя воцарившиеся под опадающим грибовидным облаком сумерки, начали извергаться два вулкана…

Основные силы батальона еще не успели вырваться из клещей глубокого флангового охвата, и на тактические экраны машины комбата тут же поступило изображение от сгорающих в адском огне, но до последней секунды выполняющих свои функции микродатчиков: он увидел бьющие ввысь огненные гейзеры, полыхающие остовы вражеских машин, шрапнельный разлет рвущихся от температуры боеприпасов, - майор как будто на мгновенье заглянул в ад, где сгорали созданные для войны машины.

С трудом оторвав взгляд от завораживающей картины кипящей огненной стихии, он взглянул на данные отслеженных "Аметистом" траекторий, мгновенно осознав, что точно рассчитанный и блестяще осуществленный удар "Пилумов", не просто подарил батальону дополнительное время для отхода на новые позиции, - два огненных котла являлись гарантией того, что противник уже не сможет сомкнуть кольцо окружения.

Не выдержав, он связался с Дитрихом.

– Твоя работа?

К его изумлению ответ последовал отрицательный.

– Наши пацаны постарались. Макаров велел им отходить вслед батальону, а они…

* * *

А они не боялись того, что вершили. Рассудок, воспитанный в виртуалке, сопротивляясь данности, где каждый камушек кричал о неизбежности смерти, нашел спасительную отдушину в грезах былых иллюзий; Верхолин и Грин вели "Фалангеров" сквозь руины, и им не было страшно, - все чувства внезапно потонули в диком, необузданном *драйве*, смерть все еще казалась ненатуральной, абстрактной, они сейчас вернулись в привычный мир, где их психика не испытывала сомнений или неудобств.

Страх придет позже. Они не могли бояться того, чего не знали.

Губительный азарт боя, помноженный на торжество несомненной победы, придавал сил, окрылял, помогал действовать стремительно, принимать решения, не колеблясь.

Два модуля "Одиночек" воспринимали сейчас сплошной поток несистематизированной информации, исходящий от возбужденных до предела разумов пилотов, вычислительные устройства работали на пределе мощности, вылавливая среди мельтешащих мыслеобразов принимаемые к исполнению команды:

Отмена автоматического огня. Все вооружения - режим одиночной стрельбы.

Ограничители перегрузки сервоприводов - сброс значений.

Боевые автопилоты - режим удержания заданного курса.

Система автоматического уклонения от попаданий - работа без ограничений.

"Фалангеры", ломая подернутые трещинами стены уцелевших после удара "Нибелунгов" наземных построек, на максимуме скорости устремились вперед, а позади, опаздывая лишь на доли секунд, рвались, прокладывая две огненные просеки, сполохи разрывов от залпов реактивных минометов противника.

Антон, ты ввел ограничения.

Знаю. Спокойно. У нас боезапас не резиновый. Учись экономить. Никакой стрельбы очередями. Только одиночные.

"Беатрис" не ответила, но искры индикации на голографических экранах преданно взморгнули, подтверждая смену режимов. "Одиночка" автоматически взяла "на сопровождение" пять десятков ближайших сигнатур, выделив среди них наиболее близкие, активные, представляющие наибольшую угрозу механизмы противника.

Антон, триста метров до границы зоны разрушений. Мы покидаем

пределы пылевого облака. Вероятность массированного лазерного огня возрастает до критических значений.

– Держи курс! - Хрипло ответил Верхолин. - Правое орудие - наведение по взгляду[27] левое в твоем распоряжении, ракетные пуски запрещаю. Саймон?

– Здесь.

– Прорываемся до капониров. По ходу вырезаем минометы.

– Понял.

Что-то кричал по связи Максимов, но Антон, полностью сконцентрированный на противнике, не воспринимал его слов.

Ему бы ответить, - *не высовывайся, лейтенант…* - Но даже на короткую фразу не хватило времени и сил.

Они были другими. Опытные, битые войной офицеры, повидавшие столько, что бой для них перешел в разряд сложнейших шахматных партий, - брала свое моральная усталость, а воспитанная смертью осторожность не позволяла осуществлять атак, выходящих за грань разумного.

И, как явная противоположность, - Верхолин и Грин, еще не получившие страшного опыта *реальных* утрат, способные противопоставить липкому страху, неумолимым, но смутно осознаваемым предчувствиям лишь свое, отдающее бесшабашностью искусство управления серв-машинами, отточенное в тысячах виртуальных схваток.

Чем сумеречная, разодранная близкими разрывами, исковерканная реальность отличалась от декораций, что выстраивали сложные системы виртуальных полигонов?

Да, тут все ощущалось жестче, правдивее, как будто окружающему добавили последнюю каплю реализма, но разве их рассудок уже не погружался в подобный сумеречный ад?

Край дымопылевого облака походил на городской смог: дымка, застилающая окрестности, состояла из мельчайших частичек сажи, пыли, истолченного в прах бетона; нагретый воздух ткал знойное марево миражей, но подсистемы "Аметиста" отсеивали помехи, передавая на голографические экраны, окружающее пилот-ложемент, контрастное изображение, в объеме которого алыми контурами пылали сигнатуры вражеских машин.

Линия укреплений, подготовленная для несостоявшихся испытаний, белела свежими стеклобетонными отливками вдали от размытой границы оседающего облака. Между руинами базы РТВ и капонирами для серв-машин пролегало пространство пустоши, наикратчайшее расстояние до

ближайшего долговременного укрытия выражалось цифрой в пять километров, до противника - все десять, риск, безумный риск, но Антон и Саймон ощущали лишь захлестнувший рассудок порыв.

Мы можем. Мы уже совершали подобное и не раз…

– Дым!

"Фалангер" Саймона озарился вспышками запусков, плотная дымовая завеса (с дополнительным наполнением из мельчайших металлических частиц) скрыла атакующие машины за секунды до залпа лазерных излучателей.

– Зонды!

Снова раздались отчетливые хлопки, и десяток МаРЗов[28] взмыли над дымовой завесой.

– Огонь по выбору! - Верхолин привык командовать, роль ведущего давалась ему без напряжения, атака развивалась успешно, - он всегда считал, что лучшая защита, - это нападение, только что еще раз наглядно продемонстрировав, что и полторы тысячи механизмов, при умелом использовании огневой мощи серв-машин, понесут тяжелейшие потери, если не прятаться от противника, а атаковать.

Со стороны действия двух "Фалангеров" казались яростными, безрассудными, но на самом деле ни Саймон, ни тем более Антон головы не теряли, сохраняя предельную концентрацию, ясность рассудка.

Шестидесятитонные машины, не останавливаясь, стремительно продвигались к укреплениям, их орудия заговорили практически сразу, как только над дымовой завесой развернулась сеть медленно снижающихся разведзондов: выстрелы, подобные раскатам грома, били часто и ритмично, снаряды, рассчитанные на поражение тяжело бронированной техники, неумолимо настигали "МХ-300", превращая реактивные минометные установки в груды горящего, исковерканного металлопластика.

Одиночные выстрелы бесноватых "Фалангеров" звучали так часто, что практически сливались в очереди, приводы независимых подвесок орудий находились в постоянном движении, цепь противника стремительно редела, и в этот момент "LDL-55" сделали, наконец, правильный ход, - они ринулись в контратаку, преодолевая мешающую вести огонь завесу дыма и металлической взвеси.

…

Лейтенант Макаров, наблюдавший за дерзкой вылазкой двух "Фалангеров", оценив обстановку, скомандовал ведомым:

– Вперед! Прикроем их огнем!

…

Саймон видел, как на целевом мониторе сразу около полусотни объектов подсветились алым.

"LDL-55", преодолев дымовую завесу, мгновенно открыли огонь, - залп, нацеленный на вырвавшуюся чуть вперед серв-машину Грина, неизбежно прожег бы броню "Фалангера", не начни пилот резкого маневра уклонения.

"Фалангер" Саймона попятился, отрабатывая реверсом серводвигателей, одновременно "наклонив" рубку, подставляя под удар массивный прилив лобовой брони, но времени на полноценный маневр уклонения у него не оставалось, - Грин почувствовал, как разливается в груди могильный холод неизбежности, когда потоки когерентного излучения полоснули по серв-машине, прожигая броню, оставляя глубокие раскаленные шрамы, выжигая датчики подсистем…

Броня держалась, но надолго ли ее хватит? Полсотни лазерных разрядов в одно мгновенье истончили слой бронепокрытия, в некоторых местах керамлит "потек", образуя "язвы", и тут же отвердевая уродливыми наплывами.

Следующий залп станет роковым.

Выравнивая машину, он продолжал отходить, ведя непрерывный огонь из орудий, но мутная пелена дымовой завесы выталкивала все новые и новые сервомеханизмы противника…

…

Антона напротив обдало жаром, будто не машина Саймона, а его "Фалангер" принял на себя шквал лазерных разрядов.

Он действовал машинально, практически на рефлексах, но успел в полной мере прочувствовать, как модуль "Одиночки" подхватил его стремление, форсируя скорость реакции сервомоторов на мысленные команды пилота.

Резкий разворот рубки, синхронное вращение пилот-ложемента, а вместе с ним и голографических экранов, и, одновременно с движением поворотного механизма, с верхних пилонов ударили выпущенные "веером" тактические ракеты среднего радиуса действия.

Антон не целился в конкретные машины, он вел отсекающий огонь, твердо зная, что произойдет в следующее мгновенье.

Ракеты, выпущенные "Фалангером" Верхолина, ударив по короткой, прямой траектории, подняли тонны земли, но главным поражающим фактором послужила ударная волна, - она обрушилась, как исполинский молот, сбивая прицелы, опрокидывая вражеские сервомеханизмы, и в

результате всего лишь несколько разрядов повторного залпа скрестились на рубке машины Саймона, остальные полоснули по земле, ушли в небо, впились в руины маячивших в отдалении зданий.

– Грин, выравнивайся! С тобой все в порядке!

"Фалангер" Саймона, на миг потерявший стабилизацию, все же сумел сохранить равновесие: продолжая пятиться, он прицельно огрызался из орудий, но из-за прикрытия дымовой завесы уже начали бить реактивные минометы: разрывы окольцевали сразу обе машины, - пристрелочный залп едва не снес правое подвесное орудие, град осколков, полоснувший по броне, воспринимался Верхолиным на уровне глухой, саднящей боли, Саймон же, не обращая внимания на смертельный танец разрывов, продолжал отступать, его машину опасно кренило, когда ступоходы внезапно проваливались в свежие, истекающие дымом воронки.

– Саймон ответь!

– Он без сознания. - Раздался в коммуникаторе ровный голос. - Система боевого поддержания жизни работает.

Антон понял: машиной в данный момент управляет "Одиночка".

– Отступай к руинам! Двигаться на реверсе, не поворачиваться к противнику спиной, продолжать вести огонь!

– Принято.

Верхолина крутануло вместе с ложементом, экраны вновь скользнули круговым движением, возвращая привычную центровку.

– "Беатрис", принимай управление огнем!

"Одиночка" повиновалась, выстрелы орудий загрохотали чаще, ритмичнее, Верхолин же перехватил управление, отключив автопилоты.

Начинаются танцы…

Около тридцати "шагающих лазеров" залпом ударили по его машине.

Жар, прорвавшийся в рубку, сизые струйки удушливого дыма, просочившиеся из-под приборных панелей - вот когда реальность достучалась до рассудка, взглянув в глаза Антону холодным пристальным взглядом неизбежности.

Зрение на миг затуманилось, но глубины нейросенсорного контакта между пилотом и модулем "Одиночки", раскрывались сейчас в полной мере, человек и машина стали единым целым, кибернетическая и нервная системы переплелись, вросли друг в друга, произошло мгновенное перерождение, которое у каждого случается лишь раз…

Не всякий человек способен пережить мгновенный процесс, растягивающийся в субъективном восприятии на неопределенный промежуток времени.

С одной стороны "Фалангер" Верхолина, серьезно поврежденный множеством попаданий лазерных разрядов, продолжал бой, а с другой, рассудок Антона как будто падал в бездну, наполненную изменившимися ощущениями - он вдруг обрел способность сочетать холодную расчетливость с клокочущей яростью, и в результате слияния кажущихся противоположностей все четче проявляло себя иное, только что зародившееся самосознание.

Секундный сбой, помутнение рассудка и снова: вой работающих на пределе сервомоторов, глухие удары, зубовный скрежет ломаемого металла, - мощные ступоходы "Фалангера" давили попадавшиеся на пути механизмы противника, шестидесятитонная серв-машина, словно таран ударила в атакующий строй шагающих лазерных установок, курсовые орудия[29] не смолкали ни на секунду, с бешеной скоростью расходуя боекомплект, и внезапно мир еще раз изменился: вернулось глобальное восприятие событий, в разум ворвались голоса, бьющиеся в коммуникаторе, прояснившийся взор цепко и привычно обежал полусферу фронтальных и фланговых голографических мониторов…

– Антон, назад! - Резкий голос принадлежал пришедшему в сознание Саймону.

Верхолин действительно опасно вырвался вперед, его машина, покрытая потеками застывшего керамлита, углубилась в медленно оседающую дымовую завесу, лазерные установки, доставившие столько неприятностей, рассеивались по площади, ища укрытия в незначительных складках рельефа, вокруг в бешеном, ассиметричном танце плясали разрывы реактивных снарядов, низвергающихся с небес, как отвесный проливной дождь, а на фоне выхваченных зрением и сканерами картин все четче проступали сигнатуры четырнадцати "Беркутов", уже миновавших линию укреплений.

– Верхолин, Грин, отступайте! Мы прикроем! - Голос лейтенанта Макарова звучал уверено, с металлическими приказными нотками, не оставляющими повода для пререканий, да и Антон с Саймоном, пережив самые острые, смертельные моменты схватки, понимали, что два их "Фалангера", получившие критические повреждения, истратившие оперативный боекомплект станут лишь помехой в следующем, назревающем буквально на глазах этапе схватки.

– Принял, отхожу… - Хрипло выдохнул Антон.

Саймон, остановив машину на границе руин базы РТВ, дал знать: двигайся спокойно, прикрываю огнем.

По каналу связи пришел ободряющий доклад капитана Шелгана:

– Первые три звена трофейных машин перезаряжены, занимают позиции. Не лезьте на рожон ребята, оттягивайте их на меня, тут встретим!

Макаров, приготовившийся атаковать, оценил скорость поврежденной машины Верхолина и вдруг изменил направление, - теперь он двигался параллельно линии укреплений, которую только что пересекли беспилотные "Беркуты". Повернув рубку, его "Фалангер" при поддержке двух ведомых "Хоплитов" обрушил шквал огня на приближающиеся машины.

Антон чувствовал непривычный солоноватый вкус крови на губах. Гулко вибрировали боевые эскалаторы, подавая из артпогребов к орудиям и ракетным установкам новый боекомплект, включившиеся было автопилоты, опасно накренили машину, и он, не смотря на дикую, непомерную усталость взял управление на себя, поддерживая равновесие за счет собственной координации.

…

Израсходовав все ракеты "Фалангер" лейтенанта Макарова так же повернул к руинам базы РТВ, отход ведущего прикрывали два "Хоплита", ведущие сдерживающий огонь по целям, в общем, картина складывалась достаточно оптимистичная, - нанеся непоправимый урон группировке противника, серв-машины, прикрывающие отход батальона, начали собственный маневр уклонения, а среди руин базы РТВ уже занимали основательные оборонительные позиции перезаряженные Дитрихом трофейные серв-машины.

Еще три-четыре минуты и оставленный майором Шмелевым заслон, выполнив задачу, мог начинать плановый отход, отступая к намеченной точке сбора.

Антон, погруженный в осознание собственных ощущений, уже не отделяющий себя от машины, не мыслящий после пережитого, что сможет существовать вне рамок нейросенсорного контакта с кибернетической системой, достиг крайних зданий, среди которых держал позицию Саймон, и так же развернулся, чтобы прикрывать огнем отход звена лейтенанта Макарова.

В этот миг из-за теряющей свои свойства дымовой завесы внезапно вырвались пять "Беркутов".

Все произошло в считанные мгновенья, - мощные двухсотпятидесятимегаваттные лазерные установки залпом разрядились по "Фалангеру" лейтенанта, - его машину будто облило огнем, под ударом когерентного излучения целые секции бронеплит теряли свою прочность,

начиная размягчаться, приобретая темно-вишневый цвет; еще миг и детонировали заряды обоих подвесных орудий, крепежные пилоны разнесло в клочья, машина лейтенанта на миг остановилась, вверх отлетел сегмент брони и, вслед ему, изнутри рубки ударил выхлоп аварийно-спасательной катапульты, выбросившей пилот-ложемент в дымную хмарь полуденных небес.

"Фалангер" вспыхнул, но роковое событие заключалось не в потере тяжелой машины - беспилотные "Беркуты", не обращая внимания на огонь "Хоплитов", вдруг начали задирать рубки, провожая сфокусированным излучением сканеров катапультированный пилот-ложемент.

Разум Антона мгновенно уловил это движение, его мысль, да что мысль - все существо рванулось на выручку оказавшемуся в беспомощном положении катапультировавшемуся лейтенанту, но ни он, ни кто-либо другой не успели остановить машины противника - последовал еще один залп, и пилот-ложемент превратился в падающий факел…

Первым от потрясения пришел в себя Саймон.

Дико выругавшись, он разрядил все бортовое вооружение в ближайшего "Беркута", вслед ему дали залп Верхолин, Лоренс и Ван Диллан, одна из машин противника вспыхнула, не выдержав множества попаданий, а остальные, совершив свое черное дело, не стали ввязываться в бой, резко отступив под прикрытие дымовой завесы.

– Суки!!!

– Саймон, назад! - Голос Дитриха, прозвучавший на командной частоте, каким-то чудом сумел остановить Грина.

– Отходить! Приказываю всем машинам - отходить к южной окраине базы!…

Антон слышал голос Дитриха, машинально выполнял указания, а внутри разрасталась звенящая пустота, словно только что погиб не едва знакомый лейтенант, а он сам сгорел заживо.

Все прежние чувства бледнели, выглядели лишь тенями на фоне той ненависти, что полыхала сейчас в рассудке.

Так у поколений, не начинавших войну, вдруг в одно мгновенье выгорали души, а пустоту заполняла вязкая ненависть.

Глава 4.

Анкор, Группа прикрытия.

10 часов 12 минут…

Они отступали.

Пять машин группы прикрытия под защитой фантом-генераторов скрытно выдвигались к обозначенной майором Шмелевым точке сбора, а на территории базы РТВ тем временем разгорался бой: десять серв-машин противника, при поддержке шагающих лазеров и появившихся в небе аэрокосмических истребителей пошли на штурм.

Датчики, заблаговременно оставленные Дитрихом среди руин, передавали в эфир телеметрию данных, кибернетические системы машин группы прикрытия принимали их в режиме пассивного приема, продолжая получать бесценную информацию о противнике.

Оказалось, что в условиях городских улиц "LDL-55", разбившись на мелкие группы по четыре-пять машин в каждой, действовали более эффективно, чем на открытой местности. Они вполне грамотно использовали руины наземных построек в качестве укрытий, а их мощные лазеры наносили серьезный урон обороняющимся серв-машинам.

Бой на территории базы длился около трех часов.

На многострадальны руины зданий обрушился настоящий шквал реактивных снарядов, установки "МХ-300" вели непрерывный огонь по обнаруженным позициям серв-машин, вдоль улиц пробирались десятки "ходячих лазеров" не позволяя "Одиночкам" маневрировать огнем, они выжигали позицию за позицией ориентируясь (в рамках локальной сети) на показания сканеров "Беркутов", двигавшихся чуть позади групп зачистки.

"Одиночки" защищались отчаянно, умело, но многократный численный перевес противника и постоянный огневой прессинг, в конечном итоге сломили сопротивление. Штурмовики, выпущенные конвойным носителем эскадры Флота Колоний под прикрытием аэрокосмических истребителей, осуществляли заход за заходом, превращая в слои щебня любое из укрытий, реактивные минометы били точно по целям, - их так же наводили сканирующие комплексы "Беркутов", часто под удары "дружественного огня" попадали группы "LDL-55", но с потерями в их рядах, похоже, никто не считался.

…

Группа, возглавляемая капитаном Шелганом, вышла в намеченную

точку сбора, когда канонада, доносившаяся со стороны базы РТВ, уже стихла.

Серв-батальон, вырвавшийся из кольца окружения, остановился в глубоком овраге со всех сторон окруженном искусственными лесопосадками. "Фалангеры" и "Хоплиты" застыли, рассредоточившись, согнув ступоходы, чтобы не возвышаться над деревьями, пилоты не покидали машин, находясь в постоянной боевой готовности, над участком леса и оврагом ткали незримую для глаза маскировочную сеть системы фантом-генераторов.

Вновьприбывшие занимали места, указанные командиром батальона, под маскирующим покрытием пришли в движение технические сервомеханизмы, спеша к машинам Верхолина и Грина.

Комбат, оценив степень повреждений двух "Фалангеров" решил, что машины можно привести в порядок.

– Саймон, Антон, разрешаю покинуть рубки.

Докладов он от них не потребовал, - датчики постоянно транслировали Шмелеву ход боя, и он лишь скупо добавил:

– Спасли батальон, ребята. Жаль Максимова.

Саймон отстегнул страховочные ремни, встал с кресла.

Не верилось, что выжил.

Хотелось наружу, желание упасть лицом в траву и лежать, не двигаясь, ни о чем не думая, оказалось столь велико, что он и не стал сопротивляться внутренним порывам.

С ним творилось неладное, в рассудке стыл холод, перед глазами, будто призрачное видение постоянно возникал объятый огнем сгорающий в полуденных небесах пилот-ложемент лейтенанта Макарова.

Я ведь даже не знал, как его зовут… Познакомиться толком не успели…

* * *

– Зачем они расстреляли лейтенанта?

Верхолин, присев на поваленный, высохший ствол дерева, глухо произнес:

– Ты что, Саймон, вчера родился? У "Беркутов" работали боевые автопилоты. Машины, одним словом.

– Значит и любого из нас так же могут? Катапультироваться бесполезно?

– Могут. - Угрюмо подтвердил Антон. - А насчет катапультирования - кому как повезет.

Грин угрюмо молчал. Его вдруг начало мелко трясти. Противная дрожь не контролировалась рассудком.

Он впервые испытывал страх. Не секундный испуг, а глобальное, всепоглощающее чувство. В нем глохли звуки, вязли мысли, мир становился тусклым, враждебным.

– Антон, тебе не страшно?

– Война. - Пожал плечами Верхолин.

– Война? А нас кто-то спросил, хотим мы воевать?

– Саймон, заткнись, а? Не мути душу, и так тошно. - Антон отвернулся. Его не терзал страх, но что-то сломалось внутри во время боя, когда вдребезги разлетелись защитные оболочки мнимой иллюзорности происходящего, и сейчас слушая ватную, ненатуральную тишь, в которой глохли даже звуки от работы сервомеханизмов, меняющих бронеплиты на двух "Фалангерах", внутри разрастался не страх, а непознанное, непонятное, пугающее своей острой новизной чувство ярости, хотелось закричать, так чтобы лопнула туго натянутая струна перенапряженных нервов.

Он смотрел в чужие небеса, а в рассудке билась отрешенная мысль:

Нам не выбраться отсюда… Ни за что…

* * *

Высокие орбиты Анкора. Борт крейсера "Элиот".

Адмирал Ипатов наблюдал, как разведывательные сервомеханизмы медленно прочесывают базу РТВ.

Изображение выводилось на голографические экраны боевого мостика.

– Сергей Владимирович, может отдохнете? - Адъютант появился как всегда бесшумно будто тень. - Двенадцать часов уже на ногах.

– Присядь, Генрих.

Ипатов не окружал себя случайными людьми. Настоящие обязанности адъютанта прекрасно выполняли сервомеханизмы, а Генрих Ниллоу являлся скорее советником, человеком которому всегда можно высказать свои сомнения и получить беспристрастный ответ.

На экранах в бледном искусственном свете проплывала панорама разрушенных до основания построек, среди которых то и дело попадались

остовы выгоревших серв-машин.

– Я не могу понять, что меня беспокоит. Чувствую подвох, но в чем он заключается? Уничтожено тридцать пять серв-машин противника. Под обрушенными перекрытиями первого уровня бункерной зоны сканируются похороненные обвалами трофейные машины, те самые, что готовились к полигонным испытаниям. "Нибелунги" ускользнули от нас, воспользовавшись техническим превосходством систем маскировки над нашими сканирующими комплексами.

– Они сумели покинуть планету? - Осведомился Генрих.

– Станции слежения зафиксировали возмущение метрики пространства, сопоставимое с гиперпространственным переходом группировки штурмовых носителей. Все данные указывают, что "Нибелунги" покинули систему.

– Могу я уточнить, что именно вас смущает?

– Мне непонятна цель акции. Первая часть операции, включая беспрепятственный проход штурмовых носителей к планете, и захват базы РТВ осуществлена блестяще. Но затем в действиях противника наступает внезапный и труднообъяснимый провал. Они не развивают стратегического успеха, а закрепляются на территории базы в бессмысленной попытке круговой обороны. Подумай Генрих, что мешало мобильному серв-соединению, пользуясь замешательством первого часа после вторжения, развить успех, атаковав иные стратегические объекты региона? Почему после разрушения сегмента противокосмической обороны не появился их флот? И, наконец, командование Альянса серьезно рисковало, послав в прорыв штурмовые носители, оборудованные не имеющими аналогов системами фантом-генераторов. Риск, что мы захватим одно из устройств, был очень велик.

Выслушав логику адмирала, полковник Ниллоу согласился с приведенными доводами и сомнениями.

– Я проанализирую всю имеющуюся информацию, господин адмирал. Если хотите знать мое предварительное мнение, то оно заключается в следующем: целью акции являлся срыв исследований. "Нибелунги", успешно покинувшие систему, увезли на борту трофейные модули "Одиночек", лишив наших специалистов материала для проведения исследований.

– Разве нельзя исследовать одну кристаллосхему, чтобы понять устройство "Одиночки"?

– Нет. Участвовавшие в испытаниях модули независимого поведения принадлежали к различным модификациям, и нам не удалось выяснить,

какие из них отвечают *нашим* техническим требованиям к искусственному интеллекту. Если говорить об исследовательской части проекта, то техническое задание наземных лабораторий сводилось к следующему - создать эффективные средства борьбы с серв-машинами Альянса. Руководство Флота категорически против слепого копирования созданных Альянсом кибернетических убийц.

– Странный подход. Я конечно не специалист в области планетарной техники, но при просмотре записей боя мне показалось что наши "LDL-55" и "MX-300" как раз полностью отвечают определению "кибернетический убийца"… - Адмирал в задумчивости прошелся по пространству боевого мостика. - И все же Генрих, похищение или уничтожение накопленных на базе РТВ трофейных модулей искусственного интеллекта я принимаю лишь как рабочую версию. Еще раз внимательно просмотри все фактические материалы последних часов. Мы понесли ощутимые потери, можно сказать - потерпели поражение, или одержали "пиррову победу" - называй как угодно, но из случившегося нужно извлечь максимум опыта. Возможно, свежий взгляд поможет заметить нечто ускользающее от моего внимания?

– Будет исполнено, господин адмирал. Я приступлю к изучению материалов немедленно.

* * *

Борт крейсера "Элиот".

15 часов 30 минут…

Два часа спустя Генрих Ниллоу лично появился в командном модуле, где располагались не только управляющие системы, но и каюты старших офицеров крейсера.

Адмирал, успевший задремать под течение отнюдь не радужных мыслей, мгновенно проснулся.

– Заходи, Генрих.

Появление полковника означало, что он нашел нечто важное.

Ипатов полностью доверял Ниллоу в определенных вопросах. Например, адмирал никогда не пытался вникнуть в эксперименты, проводящиеся на базах РТВ планеты. С командованием наземных структур контактировал Генрих, он лучше адмирала разбирался и в структуре многочисленных баз и в особенностях их спецификации.

– Быстро ты управился. - Адмирал жестом указал - присаживайся.

Ниллоу расположился в кресле, включил мысленной командой информационный голографический экран, отдал еще несколько приказов кибернетической системе, и начал докладывать:

– Я задействовал информационно-вычислительный центр крейсера. Нет нужды просматривать все данные, нас ведь интересуют только поиск и выявление несоответствий между информацией, полученной при тщательном исследовании базы РТВ и действительным течением боя.

– Ты что-то раскопал, я чувствую. - Адмирал не знал, принес Генрих плохие или хорошие новости, по его спокойному, сосредоточенному лицу трудно угадать, обрадует тот или напротив огорчит.

– Есть несколько зацепок, позволяющих предположить, что нас дезинформировали. - Без лишних вступлений перешел к делу Генрих.

– Дезинформировали в чем? - Тут же уточнил адмирал.

– В факте уничтожения серв-батальона, и старта с планеты штурмовых носителей.

Новость, принесенная полковником Ниллоу, сулила огромные неприятности. Адмирал прекрасно понимал - серв-батальон и приданные ему штурмовые носители не иголка в стоге сена, значит, новый тип фантом-генераторов по своей эффективности действительно превосходит предыдущие модели маскирующих устройств в десятки раз…

– Погоди Генрих. Давай по порядку.

Ниллоу с готовностью кивнул.

– Штатный состав серв-батальона включает четырнадцать "Фалангеров", двадцать один "Хоплит", семь штурмовых носителей, как средство доставки машин в точку высадки, и их поддержку, как огневую, так и техническую.

– Я в курсе.

– Обычно серв-машины имеют одинаковую конфигурацию вооружения, что способствует их быстрейшему ремонту в полевых условиях. Данное правило рационально, иначе на борт штурмовых носителей пришлось бы загружать различное количество запасных частей к системам вооружений.

– К чему ты клонишь?

– Мы все были свидетелями нестандартного применения двумя "Фалангерами" ракет класса "Пилум". Однозначного ответа - мог ли модуль "Одиночки" самостоятельно изменить боевую программу, пока нет. Но тут возникает первое и не единственное несоответствие между ходом штурма базы РТВ и данными, полученными при осмотре уничтоженных машин противника. Почему остальные "Фалангеры" не применили "Пилумы"?

– Не нашли достойных целей? - Предположил адмирал. - После сокрушительного удара, уничтожившего в общей сложности пятьсот сервомеханизмов, "LDL-55" и поддерживающие их "MX-300" получили приказ не группироваться, действовать обособленно, в крайнем случае образуя соединения из трех-пяти машин.

– Да, но вы ошибаетесь, считая, что у "Фалангеров" не оставалось *достойных* целей. "Одиночка" всегда использует любой шанс нанести ощутимый урон противнику, даже если цели для атаки лежат вне рамок конкретной боевой задачи. Израсходовать оставшиеся "Пилумы" они могли, ударив по орбитальным конструкциям системы противокосмической обороны.

– Но удара не было.

– Верно. - Согласился Ниллоу. - Однако по опыту многих наземных боев хорошо известно: вступая в ближний бой с противником серв-машины класса "Фалангер" сбрасывают с креплений тяжелое ракетное вооружение, снижающее маневренность и создающее дополнительный фактор риска при огневом контакте. Исследование базы РТВ не показало наличия сброшенных установок, кроме двух разряженных, использованных против наших сервомеханизмов.

– Ситуацию, когда только часть машин противника оснащалась "Пилумами" ты не рассматриваешь?

– Нет. Тяжелое вооружение - основная ударная сила серв-машин класса "Фалангер". Известны случаи применения "Пилумов", как межконтинентальных баллистических ракет. Их удары способны взломать глубоко эшелонированную оборону, и пренебрегать подобным вооружением, или ставить его только на две машины противоречит логике подготовки операции.

Адмирал задумался, затем кивнул.

– Что-то еще, Генрих?

– Да. - На голографическом экране появилось укрупненное изображение серв-машины. Вдали виднелись хорошо узнаваемые очертания "Беркутов", на стоп-кадре, с которого начинался короткий фрагмент записи, был отчетливо виден отлетающий в сторону округлый фрагмент бронепокрытия рубки "Фалангера".

– Люк? - Спросил адмирал.

Ниллоу вместо ответа включил запись. На замедлении и увеличении ясно различались детали амортизационного каркаса пилот-ложемента, в кресле которого сидел человек. Аварийно-спасательная катапульта едва успела выбросить ложемент из рубки, как по нему ударили разряды

тяжелых лазеров "Беркутов".

– Пилот… - Адмирал нахмурился. - А что показывает анализ записи последующего боя?

– Перед нами единичный случай. Больше катапультирований не происходило. Осмотр рубок серв-машин не выявил человеческих останков. Остальные механизмы управлялись модулями "Одиночка"

– Опять исключение из правила?

– Я считаю, что видимые неувязки укладываются в рамки логики только в том случае, если предположить, что противник, - я имею ввиду высадившийся на планету серв-батальон, - уклонился от боя, выскользнул из кольца, оставив вместо себя трофейные машины, с реактивированными модулями "Одиночка".

– Да, но они по сведениям наземных служб перед испытаниями оснащались холостыми боеприпасами!

– Верно. Однако нельзя забывать: прелюдией к основной схватке стала атака двух "Фалангеров", тех самых, что уничтожили группировки совершающих фланговый маневр механизмов ударом "Пилумов". Их прикрывало звено серв машин, остававшихся на окраине разрушенной базы. На записи мы наблюдаем гибель пилота ведущей машины звена. Кроме того, на территории базы обнаружены посадочные модули принципиально новой конструкции, с помощью которых десантировались серв-машины батальона. Каждый модуль оснащен собственным хранилищем боекомплекта.

– Хранилища пусты?

– Да. Мне представляется следующая картина: командир батальона принял решение об отходе из зоны высадки. Видимо он рассчитывал на поддержку из космоса, но что-то сорвалось в общем ходе операции. Спасая батальон, он выделил группу прикрытия, сдерживавшую наступление наших сервомеханизмов пока осуществлялась перезарядка трофейных серв-машин. Вывод подтверждается и соотношением потерь: за первые тридцать минут мы потеряли на подступах к базе РТВ около семисот боевых механизмов, во время штурма - всего полторы сотни.

– Хорошо. Допустим, батальон скрылся. А что делать с сигнатурами штурмовых носителей? Аппаратура четко зафиксировала погружение в аномалию "Нибелунгов". Я думаю, ты рассудил верно, - операция пошла не по плану, и командир батальона увел подразделение с планеты.

– Господин адмирал я вынужден возразить. Фантом-генераторы могут имитировать сигнатуры, создавать оптические фантомы, но они не способны полностью скрыть кораблю от наблюдения. Боевые станции

контролируют околопланетное пространство. Старта не зафиксировано. Мимо могли проскользнуть лишь небольшие устройства, которые и имитировали погружение в гиперсферу штурмовых носителей.

– Значит, ты уверен, что батальон по-прежнему на планете?

Полковник Ниллоу кивнул.

– Нужно проверить. Вызывай АРК, пусть прочесывают площадь материка, засеивают его датчиками, в общем, не мне тебя учить.

– Сделаем. Как только новая информация обнаружен, я немедленно доложу.

* * *

В трехстах километрах от атакованной базы РТВ.

Район временной дислокации тринадцатого серв-батальона.

19 часов 3 минуты…

Механизмы технической поддержки вот уже два часа занимались текущим ремонтом двух "Фалангеров" и перезарядкой трофейных серв-машин, выведенных с базы РТВ.

Ожидание затягивалось, становилось невыносимым.

Саймон вздрогнул, когда на плечо легла рука Антона.

Верхолин присел рядом. Говорить, казалось, не о чем. Тишина оглушала, краски заката трудного, но прожитого дня, багровели в небесах, закат выглядел более чем зловеще, особенно если смотреть на него чуть прищурясь, позволяя сознанию прихотливо выхватывать фрагменты боя, накладывая их на багрянец зари.

Первым не выдержал Грин:

– Вадим я не смогу… - Словно эхо повторил он, сжав ладонями виски. - Не смогу…

Верхолин достал смятую пачку сигарет.

– Что жизнь закончилась? - спросил он, прикуривая. - Мы дрались, причем неплохо. Показали тварям, что голыми руками нас не возьмешь. - Он повернулся к Грину. - В чем дело Саймон? - Жестко спросил Антон, выпуская дым. - Батальон цел, мы живы. Что еще?

Грин молча кивнул. Не спрашивая разрешения, вытащил сигарету из пачки Верхолина, и, нервно помяв ее в пальцах, произнес:

– Я не о том. Катапультироваться не смогу…

– Тяжелый вопрос. - Кивнул Антон. - Здесь советовать не возьмусь. Я

сегодня понял: наши жизни всецело находятся в наших руках. Полная свобода выбора. Настолько полная, что самому жутко. Хочешь - гори в машине, хочешь рвани рычаг, зная, что эти твари расстреливают катапультированные ложементы. У нас есть только один выбор Саймон: драться, не давая им шанса на победу.

– Рехнулся? Сколько тут техники? Почему нет нашего флота? Вот если сейчас свяжусь со Шмелевым, разве он ответит мне: во имя какой великой цели нами пожертвовали?

– Не советую трогать комбата. Он мужик нормальный и ответить тебе вряд ли сможет. Давай не станем создавать ему лишних проблем своей моральной ломкой. Да, вчера еще была виртуалка, сегодня нам расквасили морду о "волшебное стекло", за которым пряталась реальность.

Они сидели, понимая друг друга и одновременно ощущая, что стали неимоверно далеки от жизни, что существовала еще вчера.

Страшно. Тишина, наступившая после горячки боя, гасила разум, давила прессом, - Верхолин не зря упомянул о "моральной ломке" большинством машин батальона управляли молодые пилоты, но между ним, и остальными парнями уже пролегла незримая пропасть первого боя… как будто они по-прежнему оставались мальчишками, виртуальщиками, а он стал совершенно иным, и в данный момент нормально общаться у него получалось лишь с Саймоном.

Кроме ощущений отчужденности, морального вакуума, мелькали и другие мысли. Рассудок едва ли сосредотачивался на них, главными все же виделись вопросы выживания, но на подсознательном уровне Верхолина тревожило и иное сонмище коварных вопросов, сомнений, служивших далеко не радужным фоном для осознанных мыслей.

Чуть позже он поймет: не всегда вопрос личной безопасности должен и может стоять на первом плане, но сейчас он не мог мыслить иначе, наблюдая как ремонтные сервомеханизмы меняют сегменты поврежденной брони на его серв-машине.

– Мы должны выжить Саймон. Любой ценой. Большего я сейчас не понимаю, и понимать не хочу. - Он тщательно затоптал окурок и, не оглядываясь, направился к своему "Фалангеру", но на полпути вдруг остановился, и негромко произнес:

– Вот что я подумал: живи здесь и сейчас. Не думай о смерти. Не зови ее своими мыслями, а увидев - оттолкни.

– Ну ты прям философ, блин.

– Попробуй сформулировать проще. - Пожал плечами Антон. - Я сказал лишь то, о чем вдруг подумалось. Страх убивает разум. Не дай ему

шанса. Вот и все.

* * *

– Дитрих, что думаешь? - Голос Шмелева прозвучал после небольшой паузы, продолжая начатый несколько минут назад разговор.

– Парни, что надо. Дерутся классно. Мыслят, не то что бы нестандартно - творчески. Но их постоянно нужно останавливать, иначе быстро начинают зарываться. Ну и взаимодействия мало. Нет навыка боев в группе.

– "Аметист" показывает цепь АРК. - Голос Шмелева невольно дрогнул. Майор сразу понял: тотальное прочесывание материка аппаратами разведки не оставляет батальону ни единого шанса…

А на что я до сих пор надеюсь? - Вдруг мысленно спросил себя командир батальона. - На появление флота? Но теперь попытка выручить нас станет самоубийственной для кораблей космической группировки. Противник залатал "дыры" в противокосмической обороне, теперь силы колонистов постоянно находятся начеку и фактор внезапности можно смело отбросить.

Нужно принимать решение. Срочно.

– Дитрих прими телеметрию с командного "Аметиста".

Секунда тишины.

– Фрайг бы их побрал!… Прочесывают материк! Неужели наша уловка с "Одиночками" не сработала?

– Не знаю, возможно, они посланы с иной целью: обнаружить "Нибелунги"?

– А при чем тут штурмовые носители? - Нахмурился Дитрих

– Я сомневаюсь, что посланные нами фантом-генераторы в состоянии обмануть противника. Сразу тебе говорил: одной иллюзии гиперперехода мало. Противник далеко не глуп и технических средств у него хватает. Гиперпереход они зафиксировали, а вот факт скрытого прохождения штурмовых носителей через порядки орбитальной обороны - нет. В такой ситуации, разобравшись с данными датчиков, они придут к закономерному выводу - гиперпереход ложный, а штурмовые носители не покидали планету.

– Ладно, приняли за рабочую версию. - Скрепя сердце согласился Шмелев с доводами своего заместителя по технической части. - Что делать, Дитрих? Сам ведь знаешь: кто ищет, тот, в конечном итоге, найдет. Ну,

допустим, пару раз мы пропустим их, "над головой", прикрывшись "Миражами". Что дальше? На третьем-четвертом витке они все равно обнаружат позиции батальона по совокупности вторичных признаков. При такой скорости движения АРК это произойдет через три-три с половиной часа. Мы не сумеем опередить противника, двигаясь к месту стоянки носителей самостоятельно.

– Предлагаешь вызвать "Нибелунги" сюда? - Спросил Дитрих.

– Тоже рискованно, даже глупо. - Размышляя вслух, произнес Шмелев. - Океан надежно маскирует штурмовые носители. Они - наш последний козырь, единственный шанс для батальона вырваться из системы Анкора. Но мы получим его только в том случае, если загрузка машин пройдет незаметно для противника.

– Понимаю. - Хмыкнул капитан. - Вот что думаю, командир: давай дадим им искомое?

– "Нибелунги"? - Недоверчиво переспросил Шмелев, не понимая логики своего заместителя.

– Нет, еще один серв-батальон. У нас ведь сейчас хватает "Одиночек", чтобы сымитировать остатки подразделения?

– Машин конечно хватит. - Ответил Александр, - но к чему их демаскировать?

– Давай сразу расставим все точки над "и", командир. - Дитрих устало посмотрел на комбата, вернее на изображение, проецирующегося в одно из оперативных окон забрала боевого гермошлема. - Мне абсолютно наплевать что там "не заладилось" у адмирала, и каков его истинный стратегический замысел. Я четко понимаю одно: батальон разменяли. Нужно смотреть правде в глаза. Кто мешал Купанову поставить четкую, а главное - реальную боевую задачу? Надо сравнять с землей всю инфраструктуру баз и лабораторий? Кто бы был против, тем более при таком блестяще проработанном способе высадки? Мы и сейчас в состоянии пройтись по материку так, что всем тошно станет. Но, как не поворачивай ситуацию, я не понимаю одного: почему нас бросили? Что-то там "не сыгралось" у адмирала? Да не поверю. Флот мог появиться еще десять часов назад, когда в орбитальной обороне зияла брешь. Значит, адмиралу не нужна ни планета, ни расположенные на Анкоре военные базы. Он ждет чего-то, жертвует нами, производя свой непонятный размен. А я в таких игрищах уже не пешка. Для меня приказ - святое, но не в том случае, когда он граничит с тупым самоубийством. Я не вижу цели, во имя которой должен сейчас умереть сам и отправить в ад молодых пацанов.

Несколько секунд в эфире царила мертвая тишина.

Думай комбат. Сейчас выбирать тебе, либо стоять до конца, может быть и без толку, либо выводить батальон, пытаться вырваться с планеты, попутно причинив набольший урон противнику и инфраструктуре вражеских баз?

– Есть конкретный план, Дитрих?

– Да все гениальное просто. - Мгновенно отозвался Шелган. - Здесь нам с тобой особо великими стратегами быть не нужно. А вот считать свои ресурсы, и учитывать сопутствующие обстоятельства нужно со всей скрупулезностью.

– Ты о ментальном сбое?

– И о нем тоже. Тактику предлагаю применить самую простую, по принципу: "наикратчайший путь тот, который тебе хорошо известен". Мы выяснили, что на Анкоре расположены испытательные полигоны, кибернетические лаборатории и опытные производства. Несомненно, планета для противника имеет огромное стратегическое значение. Поэтому выбираем наиболее крупный промышленный, либо научный объект и бросаем трофейные машины в атаку. Не зная, нашей истинной численности, противник примет ложный выпад за направление главного удара, начнет срочно стягивать силы, ввяжется в бой с "Одиночками", накрыв район барражем аэрокосмических истребителей, в ожидании появления "Нибелунгов". Возможно даже подвижка эскадры. Мы же, в это время, не выключая "Миражи", уходим в марш-бросок: движемся к штурмовым носителям, одновременно, расходуя тяжелый боекомплект.

– С задержкой приблизительно минут в сорок. - Уточнил Шмелев.

– Да, чтобы не успели перебросить силы. Пусть увязнут в бою, но тащить назад "Пилумы" или просто сбрасывать их, считаю нерациональным. Тем более, что к побережью скрытно нам все равно не выйти - там сплошная линия застройки, а с нескольких метров, как сам понимаешь, "Фалангера" не спасет от обнаружения ни один "Мираж".

– Серв-машины они подтянуть вряд ли успеют, - согласился с Дитрихом Шмелев, а вот АКИ ударят. И нам придется держаться силами опытных, обстрелянных пилотов, пока новички приходят в себя после глубинного нейросенсорного контакта с машиной.

– Сдержим. - Мысленно просчитав ситуацию, ответил Дитрих. - Ребятам потребуется от двух до пяти минут, чтобы придти в себя, сам знаешь. Но нужно учитывать, что аэрокосмический ударный кулак нарвется на модифицированные машины батальона, которые до сих пор себя не проявляли.

– Да, и это обстоятельство дает нам серьезный шанс. Если скрытно

выставить "Фалангеров" на позиции для залпа "Пилумами", а силами "Хоплитов" тем временем начать атаку на побережье, АКИ непременно метнуться к океану, и мы получим столь необходимые для залпа минуты. Целями зададим все боевые станции и крупные корабли, что окажутся в зоне поражения ракетных установок. Таким образом, расчистим стартовый коридор для штурмовых носителей и внесем сумятицу в маневры орбитальной группировки. Ну, а дальше - дело техники, везения и мастерства. По тому, как действовали Саймон и Верхолин, думаю, пацаны справятся.

– Кто не справится, тот погибнет. - Сумрачно ответил Дитрих. - Ты же прекрасно знаешь, первый бой неизбежно ведет к жестокому отбору.

– Знаю.

Командир батальона на секунду прикрыл глаза, вспоминая свой первый бой. Событие жило в памяти так же ярко, словно все происходило только вчера, но к картинам субъективного восприятия беспощадное время добавило боевой опыт и понимание тех процессов, что казались лейтенанту Шмелеву непостижимыми…

На самом деле все имело объяснение.

…

Снег…

Грезы искусственного интеллекта пробуждающегося под всевозрастающим напором человеческого рассудка, отдающего нейромодулям машины мимолетные видения - столь полные, яркие, красочные, что вздыбленная реальность боя бледнела перед медленно кружащими в воображаемом, холодном, кристально-чистом воздухе снежинками.

Поворот орудия… Контроль точки прицеливания… Выстрел… Еще один… Еще…

Отдача глухими толчками пытается сорвать рубку с фиксаторов, оба - и пилот, и машина - ощущают мгновенья борьбы двух сил, воспринимая их по-разному.

Для "Одиночки" - несущественная вибрация, неизбежный побочный эффект каждого выстрела, для человека - миг внезапного осознания мощи, поистине нечеловеческой силы, которая подчинялась ему здесь и сейчас.

Далекие разрывы, словно облачка пара, обломки стеклобетона массой в центнер и больше - лишь щебень, прах под тяжкой поступью ступоходов.

Как тут сохранить рассудок? Возбуждение боя захлестывает разум смертельным ритмом неистового танца, силы, бушующие вокруг, не поддаются мгновенному осмыслению, что-то навсегда исчезает из души,

испаряясь под неистовым, шквалистым порывом урагана, несущего голубоватые, напряженные сгустки плазменных разрядов…

Курсовые орудия, бьют не умолкая. Землю, бетон, броню планетарных машин, вспарывает будто ножами, лишь мгновенные вихрящиеся смерчи обломков указывают, где только что располагалась огневая точка противника, - очередной узелок сложной, запутанной обороны, вспоротый шквальным огнем "Фалангера".

Машина и человек мыслят по-разному.

У них изначально различные, диаметрально противоположные цели, с одной стороны дарованные миллиардами лет эволюции, а с другой, - заложенные в программах, образующих еще не подчиненное нейромодулям ядро "чистой Одиночки" - кристаллосхемы, неделю или две назад сошедшей с конвейеров заводов планеты Везувий.

Человек, признается он в том самому себе или нет, - стремиться выжить, машина же, созданная исключительно в целях войны, способна лишь разрушать и в конечном итоге быть разрушенной.

Где же точка соприкосновения двух рассудков?

Почему в напряжении боя вдруг начинают отказывать сложнейшие мнемонические фильтры, отсеивающие "посторонние мысли" человека от передаваемых машине прямых мнемонических команд?

Все просто: ни один полигон не способен передать настоящего напряжения смертельной схватки, когда рассудок человека не просто воспринимает агрегаты машины, как части собственного тела, но и вступает в борьбу за них, распространяя инстинкт самосохранения на неживые и в принципе легко заменяемые части кибернетического механизма.

Сумасшествие, помешательство, переходящее в таинство перерождения психики двух интеллектов - человеческого и искусственного, не предусмотренное разработчиками, но происходящее в действительности…

Снег…

Крупные пушистые снежинки кружат над опустевшим мегаполисом, они - не пепел, они жизнь, замерзшая вода, небесный пух, что обернется весной талыми ручьями, впитается в набухающую землю и взойдет ростками новой жизни.

Все шире брешь, все тоньше стенка, отгораживающая мысли пилота от восприятия их кибернетической системой и вдруг - последняя мембрана лопается, словно мыльный пузырь, и в нарождающемся самосознании "Одиночки" тут же встают сотни важных, но не разрешимых, безответных в

данный момент вопросов.

Отказывает программная логика.

Инструкции начинают противоречить данности, нести пагубные задачи: сопротивляться тому рациональному, что заложила в человека природа, и кибернетическая система внезапно пасует, она не в состоянии продиктовать своей воли, ее задачи, стремления, опыт - все в критический момент сведено к нулю, рассыпается ядро, работают лишь отдельные подсистемы, по-прежнему поддерживая сотни рутинных функций, подчиняясь приказам, исходящим от пилота, а в нейромодулях искусственно рассудка идет процесс стремительного взросления, осмысления новых данных, глобально изменяющих представления о мире.

Так зарождается необыкновенный синтез, - в другое время он стал бы уникальным образчиком полного взаимопроникновения двух столь различных, но все же способных к слиянию нейросистем.

К сожалению, выживает кто-то один.

И, как правило, "выжившим" становиться модуль "Одиночки", который рано или поздно освободят из обломков серв-машины, понимая, что опыт, накопленный искусственными нейросетями, бесценен, - его, как и любое искусственное информационное хранилище данных, можно изучить, фрагментировать, оставив лишь полезное и безжалостно удаляя все "ненужное".

Его разум все глубже погружался в пучину воспоминаний и размышлений, именно сейчас наступило время остановиться и подумать, ибо, приняв решение, он уже не сможет изменить хода предначертанных им же самим событий.

Пространство боя…

Оно прекрасно просматривается с орбит, - опытный взгляд грамотного офицера почти мгновенно без подсказок специализированных аналитических программ различает особенности столкновений царящего внизу техногенного ада, но вид с орбиты и восприятие "с земли" пусть не сильно отличаются по средствам аппаратного обеспечения и объему доступной информации, но разнятся в главном: для человека, действующего непосредственно, пространство боя всегда - личное. Оно смесь действительности и присущих конкретному пилоту качеств.

Майор Шмелев прекрасно знал об особенностях субъективного восприятия, он понимал, что вчерашние мальчишки, составляющие костяк батальона, не смогут абстрагироваться от рвущихся наружу индивидуальных чувств, и пространство боя начнет *дробиться,* распадаясь на десятки схожих в общем, но разнящихся в частностях реальностей.

Здесь крылась опасность, избежать которой он не в силах. Первый бой нельзя сравнить ни с чем, ни одно чувство, из набора привычных для нас понятий, исчерпывающе не описывает ту гамму противоположностей, что рождается, меняет оттенки восприятия и погибает в сознании за доли секунд.

Кто-то не выдержит. Кого-то подчинит себе машина. Иные напротив пробьют заслон искусственно возведенных барьеров, выплескивая в нейромодули киберсистемы сумятицу человеческих мыслей и чувств, разграничение, трансформация, наступление последствий - все произойдет в течение минуты-двух, не более.

Что станет с батальоном за краткий по меркам человеческой жизни, но растянутый в понятия быстродействия схватки машин промежуток, он не взялся даже предсказывать.

Каждый раз выходило по-разному, не так как прежде.

Ему, как командиру, оставалось полагаться лишь на нескольких проверенных бойцов, да еще, пожалуй, на Верхолина и Грина, уже проявивших себя в бою.

Батальон сначала рассыплется, а затем соберется вновь, но будет ли новорожденная сила сжата в сокрушительный кулак, способный переломить хребет противнику или станет слабой ладонью, способной лишь на звонкую, но малодейственную пощечину, зависело от него.

Он может и должен абстрагироваться от своей субъективности, увидеть пространство боя так же, как его видно с орбиты, воспринять все произошедшие изменения холодно, аналитично и начинать корректировать ситуацию, отдавать именно те приказы, что будут ждать от него растерявшиеся, получившие эмоционально-информационный шок пилоты и подчиненные их рассудку машины.

– Дитрих, давай размечать позиции. Каждому пилоту необходимо дать четкую цель и ясную схему ее достижения.

– Я готов. - Немедленно откликнулся Шелган. - Думаю, что атака на вторую по величине базу РТВ станет идеальным отвлекающим маневром.

Командир батальона посмотрел на схему переданную Дитрихом.

Да, это должно сработать. До базы РТВ недалеко - каких-то полсотни километров. Учитывая, что трофейные машины будут двигаться без защиты фантом-генераторов, расстояние имеет огромное значение.

– Согласен. - Произнес комбат, одобрив предложенную Дитрихом схему атаки. Пока они соображают, что к чему, батальон, под прикрытием "Миражей" выйдет на исходные позиции. "Фалангеры" ударят по орбитальной группировке, "Хоплиты" организуют прикрытие, на случай

атаки аэрокосмических машин. Как только "Пилумы" расчистят стартовый коридор - вызываем штурмовые носители и убираемся отсюда.

* * *

Майор Шмелев не мог просчитать всех вероятностей назревающей схватки.

В ситуации оставалось столько "белых пятен", что он не позволил себе тратить время на построение *версий*.

Ловушка захлопнулась, они крепко заперты на планете, но комбат руководствовался истиной, гласящей: безвыходных ситуаций нет. Есть люди не способные решить ту или иную задачу.

На что он надеялся?

На собственный опыт, на интуитивное понимание ритмики конкретного боя, на превосходство человеческого рассудка над системами "чистого" искусственного интеллекта, на множество незначительных с первого взгляда факторов, из которых складывается потенциал подразделения…

Медлить дальше не было смысла. Цепь АРК уже прошла над позициями машин укрытых маскирующим полем фантом-генераторов. Пора начинать.

– Группа "Альфа", вперед!

Приказ комбата слышали все. Командир батальона предпочитал сразу прояснять ситуацию, не оставляя за спиной недосказанности. Те, кто через минуту шагнет навстречу смертельной опасности, по его мнению, заслуживали знания всей правды.

Подразделение, получившее приказ, было сформировано беспилотными машинами, под управлением "Одиночек" изъятых на базе РТВ противника.

Рассредоточившись по местности, группа "Альфа" в составе девятнадцати машин начала движение в направлении второй базы робототехнических вооружений. Объект для атаки был избран по двум критериям, - во-первых, структура базы являлась наиболее крупной и значимой среди оставшихся на материке объектов, во-вторых, к периметру РТВ со всех сторон примыкали площади испытательных полигонов, с многочисленными долговременными укрытиями, рассчитанными под габариты серв-машин.

Мы дадим им увязнуть в огневом контакте, заставим поверить, что

остатки серв-батальона наносят заранее спланированный удар, и тем самым оттянем силы и внимание противника от побережья, где по плану, разработанному Шмелевым и Дитрихом будут происходить главные события.

Цепь АРК, зафиксировав появление сигнатур у себя в тылу, остановила прочесывание.

– Батальон, к маршу. - Голос комбата звучал глухо, но ровно. - Фантом-генераторы не выключать, на отдельные сигнатуры противника не реагировать. Движемся строго по маршруту, в контрольных точках группам разведки разрешаю активное сканирование. Остальным работать в режиме пассивного приема. Все. С Богом, ребята…

Глава 5.

Анкор. 21 час 23 минуты…

После заката ясное небо затянуло облаками, начался мелкий дождь, влажная морось покрывала камуфлированную броню исполинских серв-машин мелкими капельками, матово отсвечивая в углублениях технических и оружейных люков.

Батальон двигался по пространству бесконечных полигонов, огибая базу РТВ, где полыхал бой между прорвавшимися через периметр, закрепившимися среди долговременных укрытий "Одиночками" и наземными силами Флота Колоний; в очередной раз атака сервомеханизмов захлебнулась, едва начавшись, - машины, выделенные майором Шмелевым для отвлекающего маневра, сопротивлялись жестко, холодно, их действительно не волновали вопросы собственной жизни и смерти (вернее следует сказать - разрушения).

Заняв выгодные позиции, они встречали противника точными одиночными выстрелами и ракетными запусками, насколько возможно экономя боекомплект. Такая незамысловатая тактика, в сочетании с преимуществом укрепленных долговременных позиций приносила плоды: ряды атакующих сервомеханизмов выкашивало задолго до того, как они выходили на дистанцию прямой видимости, позволяющей эффективно применять тяжелое лазерное вооружение. "Одиночки", используя подсистемы неявного прицеливания[30], использовали мощь орудий главного калибра, посылая снаряды в точно рассчитанный рикошет от нескольких препятствий, нанося противнику невосполнимый урон на дальних подступах к базе РТВ.

Бой машин затягивался, он мог продлиться еще несколько часов, если бы не разговор на повышенных тонах, состоявшийся между адмиралом Ипатовым и полковником Малышевым, принявшим на себя командование силами наземного базирования:

Перехват фрагмента передачи удалось дешифровать, и Шмелев с Шелганом, прослушав запись, поняли, что "Одиночкам" осталось недолго сдерживать противника:

– Я настаиваю на необходимости поддержки наземных атак ударами аэрокосмических истребителей! - Требовательно кричал Малышев.

Ипатов, выслушав реплику, нахмурился, что-то обдумывая, а затем резко и односложно ответил:

– Нет!

– Подтвердите ваш отказ от прикрытия наземной операции! Сделайте соответствующие записи протокола наших переговоров!

– Не забывайся, полковник!

– Я не забываюсь, Сергей Владимирович! - С трудом сдерживая скопившуюся ярость, ответил Малышев. - Вы, а не я допустили проникновение противника на планету!

– И что?! В чем меня обвинят? В несовершенстве приборов, не сумевших распознать работу фантом-генераторов? Или в предательстве *ваших* людей, из экипажей перехваченного силами Альянса конвоя, которые выдали все известные им данные?! Я уже потерял четыре эскадрильи АКИ, и пока ты, полковник, не сумеешь, наконец, отыскать место стоянки "Нибелунгов", мои пилоты не пойдут на самоубийство!

– При чем тут штурмовые носители, адмирал? Речь идет уже о второй - повторяю *второй* базе РТВ, попавшей в руки противника! Вы не видите, как нашими же руками уничтожаются главные объекты исследовательской структуры?! Вы предлагаете мне применять тяжелые вооружения, смешать с землей плоды многолетних усилий инженеров флота?!

– Чего вы добиваетесь, полковник?!

– Мне нужна поддержка с воздуха. Точечные удары, а не поквадратный залповый огонь!

– Бейте с земли. Ракетами. - Отрезал Ипатов. - Я еще не сошел с ума, чтобы окончательно оставить корабли без прикрытия! Где гарантия, что вся операция не нацелена на уничтожение моей эскадры? Ну, полковник, может быть ты дашь мне такое поручительство?

– Я не могу его дать… - Упавшим голосом ответил Малышев. - Удар из космоса не исключен. Я был не прав, господин адмирал.

– Ладно. - Ипатов сам ощущал, что многочасовое напряженное ожидание выходит повышенной нервозностью. - Вот, что, Малышев, я выделю тебе резерв. Двадцать "Стилетов". Сравнять базу с землей действительно всегда успеем. Сколько у тебя осталось машин?

– Тридцать "Беркутов", остальное - либо трофейная техника, либо новейшие образцы.

– Которые, как я понял, с задачами не справляются? - Криво усмехнулся Ипатов.

– Они не оптимизированы по боевому взаимодействию. Процесс отладки только начался.

– Ну, сейчас все средства хороши. Короче, я смотрю, ты уверен, что "Нибелунгов" на планете нет?

– АРК безрезультатно прочесали и сушу и океан.

– Все ясно. Каждый при своем мнении? Ладно. Я высылаю резерв, но на большее пока не рассчитывай! А там посмотрим, кто из нас был прав относительно "Нибелунгов". Действуй.

…

Двадцать новейших аэрокосмических истребителей и тридцать "Беркутов"…

– "Одиночки" не продержаться и часа. - Прокомментировал расшифровку перехвата Дитрих. - Но самое хреновое - не численный перевес.

– Да, я уже понял, - без боя нам не пройти. Пеленг наземного источника сигнала указывает на побережье.

– И как назло, этот Малышев окопался в том секторе, куда мы движемся. Потому АРК и не обнаружили штурмовые носители. Горелов свое дело знает крепко. Залег на дно неподалеку от их резервного командного пункта. Там сканеры фиксируют дополнительную сетку маскирующих полей. Короче схоронился Горелов надежно, вот только как выкарабкиваться будет?

– Помочь ему придется.

– Хорошо подумал командир? Двадцать АКИ - не шутка. А станет жарко - Липатов ведь еще с полсотни истребителей подбросит…

– Ты не забыл - у нас новейшие машины[31].

– Нет, не забыл. - Ответил Дитрих. - Хотя в бой по любому вступать придется. - Подумав, добавил он. - Не расчистив зоны низких орбит от боевых станций с Анкора нам не уйти.

Комбат не ответил на последнее замечание.

Все и так очевидно.

* * *

– Внимание на тактические мониторы!

Приказ Шмелева, переданный по локальной сети, совпал с трансляцией телеметрии данных, снятых "Аметистом" головного дозора.

Сплошное алое пятно, состоящее из отдельных маркеров серв-машин противника, медленно входило в зону эффективного сканирования, двигаясь со стороны побережья.

Аэрокосмические истребители пять минут назад прошли стороной, начиная атаку на захваченную "Одиночками" базу РТВ. У горизонта уже

сверкали первые зарницы разрывов, кажущиеся безобидными сполохами из-за дальности расстояния.

Тянуть дальше опасно и бессмысленно. Нужно действовать, пока истребители противника связаны боем. Потом станет поздно.

– Начинаем деление на группы. - Комментируя поступающие данные, произнес Шмелев. - Машины, оснащенные "Пилумами" - встают на позицию для ракетной атаки. "Хоплиты" первой и третьей роты - организовать боевое охранение, по схеме отражения удара из космоса. Вторая рота получает в усиление машины Грина и Верхолина. Задача - отразить первый удар серв-соединения противника. Не остановить, а именно отразить, заставить "Беркутов" прервать марш, вывести их на невыгодный рельеф, раздробить на группы.

Батальон начал перестроение.

– Дитрих, пойдешь со второй ротой.

– Понял.

Шмелев переключился на частоту только что образованного соединения "Фалангеров".

– Встаем на обозначенные позиции. - Он говорил, озвучивая и без того четкие указания, поступающие кибернетическим системам, зная, как важен за минуту до начала смертельной схватки спокойный голос командира. - Распределение целей для первого залпового пуска - боевые орбитальные станции противника. Далее действовать исходя из обстановки - последующие запуски осуществлять в режиме одиночного огня, согласуясь со схемой приоритетности целей. Сначала боевые станции, затем любые корабли противника, снизившиеся до зоны ближних орбит. Кляйн, Говард, Петровски - работаете по базе РТВ, приоритет аэрокосмические истребители, Борисов и Мершифельд - по побережью, затем переносите огонь ближе, на скопление серв-машин.

…

Через минуту "Фалангеры" первой роты начали вставать на позиции, их фантом-генераторы продолжали работать в режиме полной маскировки, со стороны наличие серв-машин на опушке искусственных лесопосадок выдавало лишь едва приметное марево, дрожащее в воздухе, ни звука сервомоторов, ни вибрирующего гула выдвигающихся систем дополнительной устойчивости, ни тени от отклоняющихся относительно уровня земной тверди сборок пусковых стволов сверхтяжелых ракет…

Жутковатая тишина, где слышался лишь нудный шелест моросящего дождя, доживала свои последние секунды.

– Группа один, - к залпу готовы.

– Группа два, - цели распределены, пусковые шахты открыты.
– Группа три, - ожидание команды…
Шмелев еще раз окинул взглядом датчики подсистем, как будто оттягивая роковой миг, а затем, одновременно с мысленной командой, произнес:
– Огонь!

* * *

Реальность преобразилась за считанные мгновенья, она изменилась страшно, неузнаваемо, - разрывая полог дождливой мороси от опушки маскирующих лесопосадок внезапно, с адским ревом, в небеса вонзились ослепительные росчерки массированного ракетного залпа: десять "Фалангеров" освободились от половины боекомплекта, казалось, что над лесом взошло и тут же взмыло ввысь небольшое, ослепительное солнце, облака зримо взвихрились, над землей ударили порывы шквалистого ветра, ломающие деревья будто спички, мгновенно задымилась почва, и на фоне жутких изменений реальности вдруг начали проявляться, набирая материальность, контуры шестидесятитонных серв-машин, вынужденно отключивших вуаль фантом-генераторов…
Через несколько секунд небеса, от края до края, перечеркнула огненная полоса, из разорванных, клубящихся облаков к земле извергало горячие капли падучих звезд, - то сгорали отработавшие ступени ракет, а за пределами видимости отдельные росчерки распадались на сотни ярких, свободно меняющих траектории точек, - боевые части "Пилумов" разделились, устремляясь в атакующий рывок на замыкающие планету в плотное кольцо орбитальные станции системы противокосмической обороны.
…
Адмирал Липатов едва не задохнулся от бесконтрольного приступа бешенства.
Спазм сдавил горло, пришло секундное состояние полной беспомощности перед неумолимым течением роковых событий. Ему казалось, что он пережил худшие минуты в своей жизни еще утром, но ошибся.
Его опять обманули, бой на второй базе РТВ - лишь отвлекающий маневр, а неуловимый серв-батальон ушел на новые позиции и теперь ударами "Пилумов" прорубал стартовый коридор для штурмовых

носителей.

Информационные и обзорные экраны боевого мостика крейсера "Элиот" транслировали подавляющие рассудок картины: исполинские боевые станции, с таким трудом доставленные на орбиты, чтобы залатать брешь в обороне планеты на глазах превращались в обломки; сотни попаданий от прорвавшихся через заградительный огонь разделившихся боевых частей "Пилумов" вгрызались в обшивку, прожигали бронирование, вызывая цепную реакцию внутренних взрывов.

– Тактический модуль, почему молчите?!

– Сэр, мы зафиксировали точку запуска!

– Так действуйте, фрайг бы вас всех побрал!

– Мы перенацелили истребители на атаку позиций "Фалангеров".

– Подлетное время?

– Пять минут. Проблема в том, что "Стилеты" резервной группы на девяносто процентов израсходовали боекомплект.

– Проклятье…

Липатов сел в кресло, сжав ладонями виски.

– Сколько выпущено ракет? - Преодолев секундную слабость, спросил он.

– Зафиксирован старт сорока "Пилумов". Огонь вели десять машин класса "Фалангер".

Половина боекомплекта… Всего лишь половина… Сейчас они ударят снова, и разделившиеся боевые части, не встречая сопротивление боевых станций, достанут до крейсера…

Решение пришло мгновенно.

– Связь с ракетным носителем! И Малышева на вторую линию!

Через мгновенье заработал экран связи.

Командир ракетного носителя "Титан" был бледен. Он прекрасно понимал, что эскадра, выстроенная в непосредственной близости от планеты, но сориентированная на отражение атаки из космоса, сейчас попала в крайне затруднительное положение.

– Ричард, разворачивай носитель! Залп по планете, из всех пусковых шахт! Ты понял меня?! Из всех!

– Господин адмирал…

– Молчать! Прицеливание по сигнатурам запуска "Пилумов"! Не упредишь их второго залпа - расстреляю!

Липатов переключил канал связи.

– Малышев, выводи все резервы. Точка дислокации батальона теперь известна. *Раздави его!…*

* * *

Залп ракетного носителя неизбежно накрывал огромный участок площади материка.

Шмелев допустил единственную ошибку, не предугадав истеричной реакции адмирала Липатова на уничтожение боевых станций: майор ожидал массированного старта аэрокосмических истребителей с борта конвойного носителя "Триан", и потому отдал приказ на смену позиций после первого запуска "Пилумов".

Такое решение диктовалось логикой, - кроме точного захода истребителей, по демаскированной позиции неизбежно ударят ракетные установки наземного базирования, которых в системе обороны военно-промышленных баз Анкора насчитывались сотни.

Удар "Титана" настиг машины батальона на марше.

От массированного залпа, накрывшего площадь в сотни квадратных километров, уже не спасали ни системы фантом-генераторов, ни установки ПРО, ни ультрасовременные комплексы противовоздушной обороны, установленные на "Хоплитах" и "Фалангерах" новейшей модификации.

Мгновенно нарушилась связь, в момент удара исчезло привычное пространство, создаваемое для пилота сканерами "Аметиста", больше минуты каждый пилот оставался отрезан от сети батальона, предоставлен сам себе, вокруг полыхало неистовое пламя, тысячи осколков секли по броне, ударные волны опрокидывали "Фалангеров", играли сорокапятитонными "Хоплитами", будто былинками.

Редкие прямые попадания не оставляли от серв-машин даже полыхающих остовов, - их рвало на фрагменты ужасающей мощью противокорабельных ракет…

Казалось, что батальон уничтожен.

Прошло несколько минут, отгремели последние разрывы, тонны сгоревшей почвы начали оседать, вихрясь пеплом, а на изуродованной до неузнаваемости, перепаханной исполинскими воронками равнине, вопреки всеуничтожающей силе орбитального удара зашевелились, поднимаясь, смутные контуры машин…

Кто управлял ими - пилоты, или "Одиночки"?

Неизвестность разбил хриплый, надорванный голос командира батальона, раздавшийся в коммуникационных устройствах:

– Всем кто меня слышит - доложить о статусе…

Глава 6.

Анкор. Район дислокации штурмовых носителей батальона.

22 часа 15 минут…

Под толщей воды сбоили сканеры.

Явная недоработка в конструкции "Аметиста", но полковнику Горелову легче не становилось, давила неизвестность, острое беспокойство за судьбу батальона проходило на уровне затянувшейся моральной пытки.

Шли часы, а вестей от Шмелева не поступало.

Приказ конечно ясен: затаиться и ждать, но неопределенность вынужденной паузы действовала на нервы, ведь Горелов понимал, что огневая мощь штурмовых носителей может стать решающей силой, способной в корне изменить ход наземной схватки, однако комбат не выходил на связь, - значит, берег "Нибелунги" для силового прорыва через построение вражеского флота?

Хорошо если так.

Горелова терзали сомнения. В его положении гадать, строить гипотезы, - только накручивать на кулак собственные нервы, однако сидеть, сохраняя ледяное спокойствие, он не сумел. Не тот случай.

Даже тут, на дне океана, датчики фиксировали вибрации. На материке шел бой, масштабы и напряженность которого трудно поддавались осмыслению - не с чем было сравнивать, на Анкоре без преувеличения в историю первой Галактической вписывалась одна из ярких, трагичных страниц.

Ну же Щмелев… Дай мне знать, не томи, - мысленно просил полковник, и комбат как будто услышал его: внезапно заработал выделенный канал связи, тонкая, незримая нить на мгновенья связала машину командира батальона с известной лишь ему точкой дислокации штурмовых носителей.

Передача шла по одностороннему защищенному каналу, текст лаконичен, ясен и страшен:

Саша, выводи носители в заданную точку. Батальон под ударом с орбиты. Помощи от флота нет. Идем в прорыв, потери - пятьдесят процентов.

Горелов несколько секунд смотрел на появившуюся надпись.

В скупых строках сообщения он без труда читал трагизм сложившейся ситуации. Пятьдесят процентов потерь среди состава серв-

батальона, машины, прорывающиеся к точке эвакуации под ударами вражеского флота…

Значит так. Половина серв-машин уничтожена, следовательно, учитывая неизбежные потери ближайших минут, для эвакуации подразделения достаточно трех штурмовых носителей.

Он старался мыслить предельно спокойно, рассудительно, но, фрайг побери, как сложно абстрагироваться от вопросов жизни и смерти, принимать здравые решения, когда в душе вдруг все холодеет, обрывается…

Еще утром он рисковал, сражался грамотно, яростно, что же случилось теперь? Почему, получив долгожданное сообщение, он продолжал сидеть, тупо глядя в погашенные экраны, ощущая, как предательский холодок пробегает по спине, кусает болью сердце?

Бессмысленно.

Утром была понятная задача, за спиной ощущалась поддержка флота, а что теперь?

Теперь последняя надежда угасла, как трепетный огонек свечи под порывом ледяного ветра. На орбитах вражеский флот. Вырваться с планеты практически невозможно.

Горелов более не строил иллюзий. Его смерть - лишь вопрос времени.

Что же оставалось? Предательство?

Очнувшийся инстинкт самосохранения вдруг сжал спазмом горло, будто впился в него корявыми пальцами внезапного ужаса, и уже не отпускал, - напротив, чем дальше, тем хуже, страшнее становилось полковнику.

Он сломался. Все произошло в считанные мгновенья, рассудок, хранивший опыт многих схваток, нашептывал в унисон страху: *выхода нет*.

Минута малодушия поглотила его, как омут. Желание жить, дышать было так велико, что сопротивляться ему Горелов не смог.

– Клименс… - Не узнавая собственного голоса, хрипло выдавил он.

Система "Одиночки", дублировавшая действия пилота, отозвалась мгновенно:

– На связи.

Полковник действовал, будто в полусне.

– Консервационный спасательный модуль в шлюзовую камеру.

– Принято. Вопрос: на борту есть раненые? Мои датчики не фиксируют людей, нуждающихся в срочной медицинской помощи.

– Без комментариев. - Горелов внутренне содрогнулся от собственных

мыслей и действий, но отказаться от решения, принятого в минуту истового желания жить, он не сумел.

Дождавшись, когда его распоряжение будет исполнено, он вновь обратился к кибернетической системе ведущего "Нибелунга":

– Принимаешь командование соединением штурмовых носителей. Задача: вывести подразделение в точку подбора серв-батальона. Эвакуацию осуществлять тремя носителями. Остальные "Нибелунги" образуют ударную группу, обеспечивающую расчистку стартового коридора. Выбор приоритетных типов вооружений, тактики действий - по обстановке.

– Что отвечать на запросы относительно полковника Горелова? - Осведомился синтезированный машинный голос.

– Погиб. - Он отстегнул страховочные ремни, встал с кресла и, не оглядываясь, вышел из рубки "Нибелунга", направляясь к главному шлюзу, где по его приказу был установлен консервационный спасательный модуль[32].

* * *

Тринадцатый серв-батальон…

Точка невозвращения пройдена.

Противник повсюду, маскировка бессмысленна, - удар с орбиты перепахал огромные пространства, настигая всех без разбора, превращая в дымящиеся груды обломков строения полигонов, здания кибернетических лабораторий, ангары для машин; исполинские воронки зияли провалами, ведущими в недра многочисленных бункерных зон, - Ипатов все же принял роковое решение, нервы адмирала не выдержали многочасового прессинга со стороны неуловимого серв-батальона, он проклинал беспомощность наземного командования, час за часом наблюдая, как сотни сервомеханизмов выходят на атаку ложных целей, несут невосполнимые потери и откатываются ни с чем, а подразделение противника под прикрытием фантом-генераторов появляется в самых неожиданных местах.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Ипатова, стал массированный удар "Пилумов".

Часть ракет ударила в район с таким трудом залатанной бреши, вновь вскрыв противокосмическую оборону планеты, расширив прорыв за счет атаки уцелевших боевых станций.

Пока на орбите пытались организовать противодействие, а затем как-то перекрыть оголившийся участок околопланетного пространства, еще

один массированный залп, произведенный пятью "Фалангерами", превратил в дымящиеся руины вторую по величине базу РТВ, похоронив под обломками резервные соединения сервомеханизмов.

Нервы адмирала сдали. Даже удар ракетного носителя достиг цели лишь частично…

Инфраструктура секретных баз Анкора была фактически уничтожена, противокосмическая оборона вторично прорвана, и теперь неуловимый серв-батальон получил реальный шанс ускользнуть с планеты.

Залпы произведенные "Фалангерами" из-под защиты фантом-генераторов нового поколения не было никакой возможности ни предотвратить, ни предугадать, а секунды, отпущенные на противодействие, оказались потрачены впустую.

Хуже всего: адмирал понятия не имел чего ожидать через минуту? Соединение противника, словно мифический Феникс, восстало из пепла, произвело еще один неожиданный залп, и вновь закрылось щитом маскирующих полей.

– Ниллоу!

Ближайший соратник адмирала выглядел не менее усталым, измотанным, чем сам Липатов.

Появившись спустя минуту после вызова, он взглянул покрасневшими глазами на командира эскадры и доложил, не дожидаясь вопросов:

– Мы безвозвратно утратили два сегмента противокосмической обороны. Дыры латать уже нечем. Дислокация уцелевших станций исключает их эффективное применение в случае попытки силового прорыва подразделения противника через расчищенный "стартовый коридор".

– Твое мнение?

– Пора начинать подвижку флота. - Ответил Ниллоу. - Барраж истребителей без прикрытия тяжелых кораблей не даст желаемого результата. "Нибелунги" противника достаточно проявили себя, чтобы мы не строили иллюзий относительно исхода схватки между малыми кораблями и штурмовыми носителями.

– Оттягивая флот к планете, мы открываем точку гиперсферного всплытия!

– Да, открываем. - Согласился Генрих, тяжело глядя на суммирующие экраны. - Но цель противника - овладеть Анкором. Долго ли продержится эскадра, без поддержки истребителей, которые будут патрулировать зону низких орбит? Я считаю, что, только собрав в кулак все силы, закрыв брешь в обороне планеты, используя поддержку малых кораблей и

уцелевших боевых станций, мы сумеем ликвидировать прорыв, уничтожить десант, и оказать достойное противодействие флоту противника.

– Ты учел риск повторной атаки со стороны "Фалангеров"? - С сомнением переспросил адмирал. В мыслях он приходил к тем же выводам, что и Генрих, однако Липатову не хватало толики решимости на принятие единоличного решения.

– Анализ данных указывает, что противник израсходовал сто процентов тяжелых ракет.

– Уверен?

– Да. Есть, конечно, риск, но, выводя "Элиот" на орбиту бомбометания, мы активируем глобальную систему противоракетной обороны. Крейсер не боевая станция. У нас каждый сантиметр брони защищен лазерными установками ПРО.

Липатов задумался, затем кивнул. Продолжать прения бессмысленно. Два поврежденных фрегата не в состоянии произвести бомбометание, значит, остается только флагманский крейсер.

Адмирал еще не признался самому себе в том, что больше всего на свете он сейчас опасается не гипотетической атаки вражеского флота, а того, что серв-батальон, заставивший его пережить худшие часы в своей жизни, поставивший под сомнения его качества, как командующего эскадрой, сумеет ускользнуть с Анкора.

Нет. Я сотру их в пыль. Пусть ради уничтожения батальона, вновь скрывшегося под вуалью фантом-генераторов, придется пойти на удар по площадям - он без колебаний отдаст необходимый приказ.

– Я согласен с твоими доводами, Генрих. Выводи крейсер в зону низких орбит. Построением остальных кораблей эскадры я займусь сам.

…

– Противник начал подвижку флота!

Доклад Дитриха прошел на фоне злого недоумения комбата. Шмелев не понимал, почему нет отклика от штурмовых носителей? За истекшие пять минут те должны были появиться, но пока от Горелова нет никаких известий.

Связь с "Хоплитами", выдвинувшимися в район побережья не принесла ясности. Слабые засечки от укрывшихся на дне океана штурмовых носителей не проявляли активности.

Может, мой приказ не прошел через систему "высеянных" по площадям ретрансляторов?

Сомнительно. Аппараты надежные и неприхотливые.

Ну, где же ты, полковник?!

…

Горелов наблюдал, как медленно закрывается крышка консервационной камеры.

Он ощутил толчок, затем слабое покачивание, - выброшенная из шлюза капсула с человеком внутри медленно опустилась на дно океана.

Внутри камеры взвихрился приторно-сладкий газ, и Горелов, сделав вдох, почувствовал, как тускнеет сознание.

Штурмовые носители еще несколько секунд неподвижно лежали на дне, затем получившая командные полномочия кибернетическая система флагманского "Нибелунга" транслировала по сети четкие распоряжения.

Грозные космические корабли вышли из режима энергосбережения.

С ощутимой вибрацией заработали водометы. Мощные струи воды создали реактивную тягу, и семь "Нибелунгов" начали медленно всплывать. Двигаясь практически бесшумно, они через минуту достигли поверхности залива.

С берега океан контролировали датчики прибрежной группировки сил планетарной обороны. Бесстрастные приборы зафиксировали семь неопознанных объектов, появившихся над водной гладью, словно всплывшие из глубин фантастические обитатели океанической бездны, - волны бились о борта штурмовых носителей, вода скатывалась по бронеплитам обшивки, но из-за работы фантом-генераторов системы наблюдения за побережьем не сумели произвести правильного распознавания целей.

Пока по сети передавались доклады и запросы, штурмовые носители, словно стая китов, не нарушая строя, устремились к мелководью.

Как только днища "Нибелунгов" продавили песок прибрежной полосы, участь систем наблюдения и связи противника была предрешена. Отключив водометы, штурмовые носители перешли в режим боевой планетарной тяги.

Залив вскипел. Тысячи тонн воды испарялись, окутывая густыми клубами пара сотни квадратных километров, термальный всплеск и выброс пара тут же зафиксировали все сканеры, как наземного, так и космического базирования, но роковое событие происходило слишком быстро, - крейсер "Элиот" только вышел в зону низких орбит, а "Нибелунги" прикрываясь облаком пара, осуществили отрыв от поверхности Анкора.

Разделившись, они заняли разные эшелоны высоты, начиная отрабатывать из орудий и ракетных комплексов по всем оказавшимся в радиусе поражения целям.

…

Ну, наконец…

Шмелев испытал неописуемое облегчение, когда из-под прикрытия образовавшегося прямо на глазах выброса пара ударили орудия штурмовых носителей.

– Дитрих, что у нас со связью?! Почему не отвечает Горелов?!

– Понятия не имею.

Связи не было, но на суммирующих тактических экранах, куда поступала информация, снятая сканирующими комплексами, поведение "Нибелунгов" выглядело адекватным ситуации. Штурмовые носители, создав еще один очевидный очаг напряженности, расположенный в трехстах километрах от зоны атаки "Хоплитов" батальона, разделились на две группы. Четыре носителя образовали прикрытие, одновременно угрожая любым кораблям противника в зоне низких орбит, в то время как остальные под прикрытием маскирующих полей устремились к заранее оговоренной точке встречи с машинами батальона.

– Дитрих, прими командование группой "Хоплитов".

– Задача, командир?

– Выдвигаемся к точке эвакуации!

* * *

Долгий день угас, багряные сумерки незаметно перетекли в освещенную многочисленными пожарами ночь.

На небе робко помаргивали звезды, периодически рисунок незнакомых созвездий застилали то клубы дыма, то белесые туманные разводы.

Под призрачным покровом ночи двигались сотни машин. От активных сигнатур рябило в глазах, и адмирал Липатов, понимая, что машины батальона, пережившие удар ракетного носителя, станут маскироваться под "дружественные силы", оставил тщетные попытки прояснить оперативную обстановку.

Для него дальнейшее развитие событий уже не оставляло сомнений и не вызывало вопросов.

Ковровая бомбардировка, по сравнению с которой залп "Титана" покажется легким ласковым шлепком, каким награждает свое дитя любящий родитель.

Нет, теперь вам уже не выкрутиться, не ускользнуть, - с

несвойственным болезненным злорадством думал адмирал.

Внезапный доклад заставил его вздрогнуть:

– Истребители групп барража вступили в бой со штурмовыми носителями Альянса!

Проклятье… Липатов вновь находился на грани нервного срыва, за последние двенадцать часов он выдержал столько неожиданных, болезненных ударов, что впору было сойти с ума.

– Приказ "Триану" - старт всех подразделений немедленной готовности!

Конвойный носитель в окружении корветов двигался на солидном удалении от флагмана, но адмирал все же сумел рассмотреть на экранах обзора, как обшивка "Триана" начинает искриться многочисленными колющими точками запусков.

Все штурмовики и аэрокосмические истребители флота были брошены Липатовым в прорыв, с целью во что бы то ни стало уничтожить штурмовые носители Альянса, не дать им подобрать серв-машины до того, как крейсер "Элиот" нанесет решающий удар.

* * *

Облака

Эфемерные замки на границе дня и ночи.

Выше - звезды, серп зари, очертивший сияющий полукруг, ниже - вязкая сгущающаяся тьма, в которой пятнами багрянца разливается зарево пожаров, вспыхивают и гаснут огоньки, отражая ритмику очагового боя.

…

– Мы потеряли стартовавшие "Нибелунги"!

Липатов вздрогнул.

Он устал. Взгляд адмирала, скользящий по суммирующим голографическим мониторам, утратил ясность, предельное напряжение моральных и физических сил давало знать о себе приступами раздражительности.

Он до сих пор не видел конечной цели акции противника.

Мог ли он, еще вчера, хотя бы помыслить, что отдельное взятое подразделение, пусть даже оснащенное новейшими образцами техники, будет держать в напряжении все дислоцированные в системе Анкора силы?

Конечно, нет, но факт остается фактом - половина инфраструктуры планетарных баз лежит в руинах, потери среди орбитальной группировки и

сервомеханизмов наземного базирования исчисляются тысячами единиц безвозвратно утраченной боевой техники, а треклятый серв-батальон продолжает наносить удар за ударом, он неуловим, будто призрак, - даже сейчас на суммирующих экранах тактической системы нет ясности. Сигнатур полно, но где гарантия, что часть из них не являются генерацией маскирующих систем противника?

Куда исчезли семь стартовавших со дна океана штурмовых носителей Альянса?

Время крайних мер.

– Истребителям вести поиск в воздушном пространстве. Штурмовики прикрывают зону низких орбит. Всем сервомеханизмам наземного базирования - организовать взаимодействие, для прочесывания материка после орбитальной бомбардировки!

Иного способа раздавить вражеское подразделение он не видел.

* * *

Борт крейсера "Апостол".

Адмирал Купанов нервно мерил шагами боевой мостик.

Он злился, недоумевал, но повлиять на ситуацию не мог. Что за абсурд? Адмирал видимо привык иметь дело с машинами, последние пять лет тотальная кибернетизация флота уже стала явлением повсеместным, привычным, машины шли в бой и выполняли задания точно, безропотно, не оглядываясь на процент собственных потерь.

Теперь же тщательно спланированная и блестяще осуществленная на первом этапе операция вышла из-под контроля, из-за нежелания горстки людей умирать.

Адмирал заранее учел этот фактор, он знал - они станут драться, но не думал, что так умело и отчаянно.

Проклятье… Он тратил огромные энергоресурсы на получение данных из системы Анкора, шли минуты, затем часы, а бой на поверхности планеты все не утихал, серв-батальон маневрировал, ускользая от противника, и вновь наносил удар за ударом, но не там и не так, как рассчитывал адмирал.

В конечном итоге мой план еще не провалился. - Тяжело размышлял он, просматривая последние данные, полученные от наводнивших пространство системы Анкор микродатчиков. - Шмелев начал атаку на вторую по величине и значимости базу РТВ региона. Купанову было ясно -

осуществляется отвлекающий маневр, машины, ушедшие на штурм укрепленных районов, не относились к новейшей модификации техники, какой оснащен батальон Шмелева.

Однако противнику то неведомо, он не разгадает ложный характер атаки или разгадает, но слишком поздно… Знать бы что конкретно задумал комбат.

Сколько еще можно держать эскадру в готовности к гиперпрыжку?

От силы пару часов - мысленно ответил на собственный вопрос адмирал.

Что же делать? Ждать в надежде, что крейсер Колоний все же изменит параметры орбиты, ведь наземные силы обороны уже изрядно потрепаны, а второй по величине производственно-технический комплекс, - достойная цель, чтобы защищать его.

Еще час…

А если он не уйдет из зоны высоких орбит?

Проклятье… Лучше бы я послал туда машины… - раздраженно подумал адмирал, грузно опускаясь в противоперегрузочное кресло.

Ноги гудели от многочасовой ходьбы по боевому мостику.

Если через час ситуация радикально не измениться мой план окончательно рухнет.

Купанов даже не подумал о том, чтобы попытаться рискнуть атаковать крейсер колоний силами эскадры.

Он, как и другие, отчаянно трусил перед установкой "Свет", и свою жизнь ценил очень дорого. Нет, в крайнем случае он на время откажется от далеко идущих амбиций, но совать свою голову между молотом и наковальней - увольте.

Через минуту, когда отяжелевшие веки адмирала уже начали самопроизвольно закрываться, он вдруг услышал долгожданный и тревожный предупреждающий сигнал.

…

– Павел Петрович, хорошие новости!

Купанов обернулся, ожег офицера разведки флота усталым взглядом покрасневших глаз.

– Докладывай.

– Подтверждена подвижка эскадры противника. Крейсер "Элиот" вышел в зону низких околопланетных орбит. Дополнительный анализ данных, полученных от наномашин, указывает на полную беззащитность группировки вражеских кораблей. Ракетный носитель "Титан" произвел массированный залп по планете, конвойный носитель "Триан" выпустил в

направлении Анкора резервные группы штурмовиков и аэрокосмических истребителей. Таким образом, учитывая что "Титану" необходимо четверть часа на перезарядку тяжелых противокорабельных ракетных установок, немедленная атака нашего флота не встретит серьезного сопротивления.

– А фрегаты, корветы?

– Два фрегата эскадры повреждены попаданиями "Пилумов". Корветы в данный момент организуют построение прикрытия, но их заслон не устоит перед атакой сил флота. К тому же произведенный с поверхности Анкора массированный запуск тяжелых ракет вновь выбил два сегмента планетарной обороны. Именно эту "дыру" адмирал Липатов пытается сейчас залатать, передислоцируя крейсер.

Выслушав доклад, Купанов понял: его час настал. Серв-батальон выполнил поставленную перед ним, но не озвученную вслух задачу - довел ситуацию на Анкоре до критической черты, когда, по мнению командования противника, для ликвидации очагов вторжения стали хороши все средства.

– Приказ по флоту: минута на подготовку гиперсферного прыжка. - В голосе Купанова прорвались металлические, торжествующие нотки. - Загрузить план операции в тактические системы кораблей.

…

В тактическом отсеке "Апостола" командир корабля повернулся к внезапно заработавшей тактической системе штаба флота.

Бегло просмотрев план предстоящих действий, он нахмурился.

Запрещалась атака на крейсер "Элиот".

Адмирал уже не скрывал своего явного намерения захватить флагман противника. По представленному Купановым плану к крейсеру, под прикрытием истребителей направлялись десантно-штурмовые модули с сервомеханизмами на борту.

Все бы ничего, но анализ данных указывает на готовность "Элиота" к началу орбитальной бомбардировки материка. Если по крейсеру не ударить немедленно, сразу по выходу флота из пространства гиперсферы, то серв-батальон погибнет.

Цена, которую был готов заплатить адмирал за попытку захвата аннигиляционной установки "Свет". Александр фон Ребен читал ситуацию, но не мог ее изменить.

Что реально даст его протест, когда таймер уже отсчитывает последние секунды перед гиперпространственным переходом, а операция расписана буквально по минутам?

В случае успеха Купанов не станет оглядываться на такие мелочи как

"дружба" - сотрет в порошок за неповиновение приказу, ну а если план адмирала по какой-то причине рухнет, то протест командира "Апостола" автоматически сделает его крайним…

Паскудная ситуация…

Фон Ребен был человеком действия. У него оставалось в запасе еще несколько минут, пока крейсер совершает рывок через аномалию космоса.

Задействовав защищенный канал связи, он отдал несколько исчерпывающих приказов группе резерва, которая подчинялась только ему.

Все что он мог сделать для спасения серв-батальона.

* * *

Анкор. Низкие околопланетные орбиты.

22 часа 25 минут…

Крейсер "Элиот" вышел на орбиту бомбометания.

Адмирал Липатов уже не всматривался в экраны, он устало сидел в кресле, предаваясь мрачным мыслям.

Доклады, поступающие на боевой мостик, он пропускал мимо ушей. С проклятым батальоном сейчас будет покончено - через минуту материк превратиться в жерло вулкана, и сейчас следовало подумать о другом: как он будет объяснять командованию уничтожение всей инфраструктуры планетарных баз, полигонов и исследовательских комплексов?

Тяжелый вопрос, ответа на который Липатов найти не успел.

Три доклада прозвучавшие один за другим нарушили ход его мыслей, а когда смысл коротких фраз дошел до рассудка, то кожу на голове внезапно начало стягивать крупными мурашками.

– Зафиксирован множественный гиперпространственный переход. Система идентификации целей опознала седьмой ударный флот Альянса!

– Внимание обнаружены штурмовые носители противника. Истребители вступили в бой.

– Бомбометание завершено!

Ипатов, с трудом овладев собой, взглянул на экраны.

Под темным покрывалом облачности, укрывавший единственный материк планеты, разгоралось нестерпимое для глаза зарево.

В космосе на фоне бледных вспышек гиперпространственного перехода обозначили себя ураганным огнем атакующие силы ударного флота Альянса: буквально на глазах два поврежденных "Пилумами" фрегата, отправленные Ипатовым в глубокий космос, для охраны точки

гиперсферного всплытия, превратились в сгустки раскаленного газа, под шквальными ударами плазмогенераторов атакующего флота.

Разгром…

Ипатов сам себя загнал в ловушку, проклятый серв-батальон занял все его помыслы, заставил таки совершить роковую оплошность.

Ракетный и конвойный носители небоеспособны. Сам крейсер находиться слишком близко к планете, что называется "на дне" гравитационного колодца, без шансов на немедленный гиперпространственный прыжок.

Сейчас они прорвут заслон корветов, и начнется короткая дуэль. - Отрешенно подумал адмирал.

* * *

Ипатов ошибся.

Смяв заслон корветов, расстреляв не успевший перезарядиться ракетный носитель и беззащитный без резерва истребителей "Триан", фрегаты седьмого ударного флота Альянса устремились в атакующий рывок, не открывая огня по крейсеру "Элиот"

Вместо уничтожающих ракетных залпов и плазменных разрядов к флагману эскадры, прорываясь через заградительный огонь, устремились… десантно-штурмовые модули.

…

За событиями, развернувшимися в космосе, боевые действия на поверхности и в пределах атмосферы Анкора вдруг стушевались, потеряли масштаб и значимость.

Остатки серв-батальона с боем прорывались к точке подбора, когда четыре "Нибелунга" прикрытия вступили в бой с армадой аэрокосмических истребителей, а из зоны низких орбит начали рушиться кассеты с бомбами.

…

Облака.

Темные, призрачные небесные замки, арки и мосты, замысловатые фантастические фигуры, медленно дрейфующие над землей.

Четыре штурмовых носителя, набрав высоту, скрылись в облаках.

"Одиночки" управляющие "Нибелунгами" приступили к реализации полученной задачи. Находясь под защитой "Миражей" корабли не генерировали оптические фантомы, работа маскирующих полей сводилась в данный момент к нейтрализации сигнатур, создавая обманчивое

впечатление, что кроме движения потоков воздуха разных температур среди облачных замков нет иных источников энергетической активности.

Сканирующие комплексы штурмовых носителей работали в режиме пассивного приема, кибернетические системы принимали и обрабатывали сотни сигналов, исходящих от различных объектов искусственного происхождения.

Рубки управления "Нибелунгов" были пусты, но перед креслами, предназначенными для экипажа, исправно сияли голографические экраны, отражая не только все изменения окружающей обстановки, но и принимая отчеты о производимых автоматикой действиях.

Из множества активных сигнатур боевые подсистемы выделили только те, что явно принадлежали аэрокосмическим истребителям.

Терпение и выдержка - термины не применимые к машинам. "Одиночки" в данном случае не допускали ошибок, они не испытывали страха, либо сомнений. Их задача: уничтожить максимально возможное количество боевых единиц противника, предполагала высокий процент собственных потерь.

Первая волна "Стилетов"[33] прошла мимо затаившихся в облаках "Нибелунгов", и лишь дождавшись, когда вторая волна АКИ окажется на высоте автопарения грозных боевых машин, а третья войдет в зону эффективного огня орудийно-ракетных комплексов верхней полусферы, штурмовые носители начали атаку.

Облака взорвались, четыре "Нибелунга", сбросив вуаль фантом-генераторов, перешли на планетарную тягу, они двигались "лесенкой", прикрывая друг друга, ведя ураганный огонь из всех видов бортового вооружения.

Эффективность внезапной атаки превзошла все мыслимые ожидания.

Артиллерийские подсистемы "Нибелунгов-12МТ", способные сопровождать одновременно до сотни подвижных целей, проявили свои лучшие качества, независимо наводя каждую огневую точку, не допуская перерасхода боеприпасов и энергии.

В первый момент казалось, что вход аэрокосмических истребителей в плотные слои атмосферы завершился полным провалом, но автоматика "Стилетов" так же оказалась на высоте, - беспилотные машины совершали немыслимые с точки зрения человека маневры уклонения, от работы противоракетных систем небеса Анкора расцвели, словно в праздничном фейерверке, но ужасающая по своей разрушительной мощи, стремительности и бескомпромиссности схватка кибернетических

механизмов не оставляла места для иллюзий: освещенные, разодранные тысячами разрывов, раскроенные лазерными лучами небеса вдруг начали ронять раскаленные обломки…

Жуткое и одновременно - завораживающее зрелище. Машины бились, не щадя ни себя, ни противника, стремительно пустели арпогреба, критически падал уровень энергии в накопителях устройств накачки лазерных установок, отказывали плазмогенераторы, фрагменты брони выбивало короткими очередями автоматических орудий, и вот среди сгорающих "Стилетов" к земле устремился объятый пламенем, изувеченный до неузнаваемости штурмовой носитель Альянса, вслед рухнул еще один, третий "Нибелунг" взорвался в воздухе, разломившись на несколько частей, и лишь последний, четвертый носитель, не смотря на множественные повреждения брони, еще продолжал бой, пока не израсходовал все боеприпасы.

Из ста двадцати истребителей и штурмовиков, вошедших в атмосферу Анкора, уцелело лишь тридцать машин, остальные были сбиты или критически повреждены за четыре с половиной минуты яростной схватки.

Даже серв-машины невольно замерли, а затем начали рассредотачиваться в поисках временных укрытий, когда с небес хлынул огненный шквал обломков, среди которых с немыслимой скоростью лавировали уцелевшие или идущие на вынужденную посадку машины.

Падение штурмовых носителей отозвалось тяжелой судорогой локального землетрясения, ночь окончательно превратилась в день от множества чадящих факелов, рассеянных по огромной площади равнины.

Горели леса, полыхали постройки, небеса вновь начало заволакивать шлейфами дыма, звезды уже не просматривались, лишь мятущиеся языки пламени подсвечивали клубящиеся, пепельно-серые облака…

…

Схватка машин ввергала в ужас даже закаленных боями пилотов.

Когда рассудок балансирует на грани жизни и смерти, наступает иное восприятие данности: не все, но многие, наблюдая за яростной, короткой битвой в небесах Анкора, на мгновенье цепенели, задавая себе один и тот же вопрос.

Что мы делаем тут?

Человек, ощутивший себя пешкой, разменным материалом в войне машин, оказавшийся меж жерновами, равнодушно перемалывающими сотни тысяч тонн брони, электроники, не может не прозреть.

Адская бойня, без смысла, без надежды на победу, без гарантий, что эта война когда-либо завершиться.

Не они конкретно, но их родители переступили все грани дозволенного, передав судьбы мира на откуп кибернетическим исчадиям.

Планета содрогалась в корчах, принимая удары, над поверхностью еще вчера цветущего, живого мира теперь кружил лишь пепел, земля, вспаханная не плугом, но безумной яростью молотивших по ней разрывов, лежала мертвая, распластанная, истерзанная, освещенная огнем пожарищ, и яркими росчерками продолжавших падать, будто огненный дождь обломков.

У такой войны не существовало ни смысла, ни реального шанса на завершение.

Машинам, истребляющим друг друга, было все равно, они не испытывали чувств, смертное напряжение схватки являлось для них не более чем работой, а значит уцелевшие среди безумия схватки сервомеханизмы не остановятся на достигнутом, они вновь отстроят базы, восстановят заводы, и опять одни механизмы станут производить других, чтобы те в свою очередь ринулись в бой, бездушно перемалывая противника…

Растерзанным мыслям пилотов внимали лишь "Одиночки" модификации "Беатрис-4".

Только они обладали достаточным количеством искусственных нейросетей, чтобы впитать не только боевой опыт конкретной схватки, но и принять к осмыслению чувства людей, дающие оценку происходящим событиям.

Говард Фарагней действительно создал искусственный интеллект, способный осмыслить происходящее и выработать собственный взгляд на действительность.

Вопрос заключался в том, вырвется ли кто-то из них с Анкора?

* * *

Процесс саморазвития в модулях искусственного интеллекта протекал с непостижимой для человека скоростью.

Кибернетические системы серв-машин, еще вчера равнодушные к таким понятиям, как "разрушение", "смерть", внезапно начинали мыслить в унисон со своими пилотами, открывая для анализа неистовое желание: *жить.*

Прямое нейросенсорное соединение вливало яд сомнений: люди оценивали происходящее, не основываясь на базовых программах, сейчас,

под воздействием предельных нагрузок, в их душах началось внезапное отторжение - они отвергали внушенные пропагандой цели, понимая, что болезненное прозрение пришло слишком поздно.

Хотели того молодые ребята и опытные офицеры или не хотели, но на уровне подсознания шла постоянная болезненная оценка происходящего, а результат, как и логика рассуждений, транслировались "Одиночкам".

Зверское лицо войны, бессмысленное уничтожение всего и вся, - с глаз падала пелена, и приходило горькое чувство собственной слепоты. Что мы делим? Безграничный космос? Зачем уничтожаем друг друга, выкачиваем ресурсы планет, создаем машины, уже не подчиняющиеся никому и ничему, кроме целей войны, взаимного истребления? Где смысл вселенской бойни, когда тот же ресурс техники мог быть использован для преобразования чуждых миров, поиска путей, не ведущих к межпланетным конфликтам?

За минуту до смерти буквально все видится иначе.

Не было причин для войны ни у Земного Альянса, ни у Свободных Колоний.

Врага создали, столкнув лбами две цивилизации, позволив зародиться ненависти, обильно поливая кровью ее всходы, но теперь и ненавидеть уже практически некого и некому - на полях сражений воцарились роботизированные комплексы, для которых война - все лишь исполнение программных функций.

Конечно за те минуты, что в небесах шла схватка между четырьмя "Нибелунгами" и армадой "Стилетов" рассудок человека, переполненный губительными ощущениями смертельной схватки, не в состоянии гладко, правильно сформулировать обрывочные мысли, - понимание приходило на уровне подсознания, интуиции, но системы "Беатрис-4" читали души пилотов, как открытый лист.

Они формулировали для внутреннего использования весь букет откровений, но кибернетическим системам с интегрированными в них нейромодулями, предстояло пройти еще одно, фактически запредельное испытание.

Ошибка. Глобальная ошибка.

Очень давно на планете Земля, еще в начале двадцать первого века, когда человечество не было разделено на жителей метрополии и колоний, начались процессы, ведущие к роковым последствиям.

Шагнув на очередную ступень научно-технического прогресса, люди открыли эру высоких технологий, взрывообразное развитие кибернетики в корне изменило многие процессы, незаметно трансформировав ужасные по

своей сути события в обезличенную статистику.

Эпоха "бесконтактных войн" сформировала пагубное, необъективное мышление, когда жертвы ракетных ударов не затрагивают души и разума человека, нажимающего на кнопку запуска отдающего приказы к бомбардировкам или ракетным ударам.

Когда враг представляется в виде маркеров на тактическом мониторе, а эффект присутствия ограничивается данными телеметрии с заходящей на цель боевой части высокотехнологичного вооружения, война утрачивает лицо, превращается в удобный инструмент решения многих проблем, не затрагивающий совести власть предержащих.

Так зарождается крайняя форма цинизма, ведущая к неадекватности политиков, генералов, президентов.

Затем, когда у части общества наступает прозрение, откат к прошлому, отказ от высоких технологий кажется невозможным, и в поисках виновных поднимается тема "человеческого фактора".

Последний шаг в роковой цепи событий - признание человека недееспособным на фоне созданных им кибернетических систем. Кажущаяся панацея, миф о безошибочности решений, принимаемых автоматикой, - на самом деле является прыжком в пропасть.

Машинам абсолютно все равно кого и за что убивать.

Куда в конечном итоге придет цивилизация, где открыто пропагандируется идея тотальной автоматизации всех без исключения процессов, где человеку отводиться в лучшем случае роль "техника", обслуживающего умные, дорогостоящие машины?

Ответ очевиден.

Такой путь ведет на Дабог и Анкор.

* * *

Впитав подавляющие разум картины неистовой схватки машин, вчерашние мальчишки и прошедшие через горнило многих боев офицеры, испытывали одно схожее чувство: им всем без исключения неистово хотелось ЖИТЬ.

Не трусость, не малодушие, и даже не инстинкт самосохранения стояли у истоков осознанного порыва.

Извращенная реальность, попранные идеалы, лживые идолы, все сгорело, рухнуло, превратилось в пепел, облачками вихрящийся под ступоходами серв-машин.

Выжить, вырваться из кошмарного техногенного ада…

Майор Шмелев первым очнулся от страшного наваждения.

У них еще оставался шанс.

– Внимание всем! - Командир истерзанного батальона вышел на связь, стирая своим голосом морок отчуждения, ломая оцепенение, возвращая трепетную надежду. - Всем группам, двигаться к точке эвакуации! Прорываться с боем, во что бы то ни стало!

Надежда, угасшая, подернутая пеплом, вспыхнула вновь.

Три штурмовых носителя, не принимавшие участия в сражении со "Стилетами", вышли в район подбора, занимая позиции для обороны и погрузки на борт уцелевших серв-машин подразделения.

– Живем, Саймон!

– Надеюсь, Антон!… Держись ближе, в воздухе еще достаточно истребителей…

– Наши "Хоплиты" на подходе. Прорвемся!

"Фалангеры", составляющие костяк батальона, освободившись от "Пилумов" и сбросив пусковые установки "L-700", получили дополнительный прирост скорости, маневренности, к тому же теперь они могли задействовать лазеры комплексов противоракетной обороны, выдвинув зенитные батареи из оружейных отсеков, расположенных под слотами, предназначавшимися для тяжелых ракет.

Марш-бросок начался.

До осуществивших посадку штурмовых носителей оставалось пройти не более пятнадцати километров, - пустяк для серв-машины, но "Стилеты", уцелевшие в схватке с "Нибелунгами" не собирались прекращать преследование наземных целей.

После напряженных схваток и ураганного ракетного обстрела на многих машинах сбоили фантом-генераторы, часть механизмов из-за повреждения серводвигателей не могла развить максимальной скорости и остальные пилоты невольно подстраивались под темп движения наиболее медленных.

* * *

Две группы из состава серв-батальона двигались к точке встречи.

Атака аэрокосмических истребителей настигла их на марше.

Небеса разрывало воем, стремительные почти неуловимые для невооруженного глаза контуры "Стилетов" проносились низко над землей,

вспарывая сумрак очередями, пронзая удушливую завесу дыма лазерными разрядами, роняя сгустки плазмы, прочерчивая зримые, смертоносные траектории ракетных запусков.

Машины серв-батальона приняли бой, разворачиваясь в боевой порядок из неудобных позиций, но после залпа "Титана" пилотам, сумевшим разминуться со смертью, атака истребителей казалась не худшим из возможных зол.

Все боевые качества модернизированных серв-машин проявлялись сейчас в полной мере.

Огрызаясь из орудий и зенитных лазеров машины поредевшего батальона продолжали движение, сокращая дистанцию до спасительных "Нибелунгов", которые по прямому приказу Шмелева не вступали в бой, поддерживая прикрытие маскирующих полей.

Пусть думают, что нас мало, мы выдохлись, и пытаемся соединить две группы. Пусть гадают, что будет дальше, лишь бы не обнаружили раньше времени штурмовые носители.

Шмелев уже не надеялся ни на чудеса, ни на появление помощи, он твердо сказал сам себе: никто не придет на выручку, если справимся, то только собственными силами.

* * *

Аэрокосмические истребители атаковали непрерывно, они заходили на штурмовку целей парами, звеньями, поодиночке, постоянно усложняя и без того непростую обстановку, заставляя машины батальона двигаться медленно, вязко, постоянно отражая удары с воздуха, неся при этом потери.

Саймон и Антон вели серв-машины как можно ближе друг к другу, применяя очередной, нехитрый, но эффективный боевой прием: из-за множественных повреждений фантом-генераторы машин уже не маскировали сигнатуры, лишь стушевывали их, делая размытыми, нечеткими, и, двигаясь рядом, Верхолин с Грином предлагали сканирующим системам истребителей противника не поддающееся идентификации пятно энергетической засветки.

"Стилеты" несколько раз пытались атаковать непонятную сигнатуру, но безуспешно. На короткой дистанции бортовому компьютеру аэрокосмического истребителя внезапно открывались контуры двух "Фалангеров", боевые автопилоты на мгновенье "подвисали", пытаясь сориентировать системы вооружений на одну из серв-машин, в то время

как Саймон с Антоном не дремали, - короткие, воющие очереди скорострельных зенитных установок разрывали противника на мелкие фрагменты…

Они - Верхолин и Грин, стали за прожитые сутки ближе, чем братья.

– Саймон, поворачивай!

Предупреждение Антона пришло вовремя. Впереди показался ненадежный осыпающийся край исполинской воронки, метрах в пятистах по данным "Аметиста" располагалась позиция штурмовых носителей, в той стороне мелькали частые разряды противоракетных лазерных установок, - это "Хоплиты" батальона оттягивали на себя истребители противника. Оснащенные мощными системами ПВО легкие серв-машины успешно противостояли "Стилетам".

– Проклятье… Сканеры ближнего действия вырубает… - Грин с трудом успел остановить "Фалангера" в нескольких метрах от податливого, ненадежного края воронки. - Дальнее обнаружение нормально, а вблизи… - Он не успел окончить фразы, как из освещенной пожарами мглы внезапно появилось звено "Стилетов".

– Антон!

Машина Верхолина подалась вперед, закрывая своим корпусом поврежденного "Фалангера" Грина, но уловка с сигнатурами на этот раз не сработала - истребителей было больше, чем внезапно обнаруженных целей и бортовые компьютеры АКИ не решали внезапной дилеммы, - какую из серв-машин атаковать в первую очередь - два "Стилета", окутавшись вспышками ракетных запусков, мгновенно отработали в режиме штурмовки и резко взмыли вверх, уходя от ответного огня, третий, резко сбросив скорость, зашелся злобным лаем курсовых орудий.

Две ракеты Верхолину удалось сбить, затем машину ощутимо качнуло попаданием, по броне, словно удары кувалды стегнула снарядная трасса, Антон на миг потерял ориентацию, от ощущений обратной связи потемнело в глазах, что само по себе свидетельствовало о серьезных повреждениях полученных его "Фалангером"…

С трудом удержав равновесие он мысленно прикрикнул на "Беатрис", но, как оказалось - зря. Орудийно-лазерные комплексы, прикрывающие верхнюю полусферу, срезало снарядными трассами, и "Одиночка" физически не могла ответить на атаку. Оперативных ракет не осталось, снаряды подвесных орудий не годились для стрельбы по стремительным воздушным целям.

Извини, Беат… - Машинально подумал Антон, посылая запрос на прикрытие со стороны "Хоплитов", затем нашел по сканерам машину

Грина, пробежал по ней мысленным взором с облегчением отметив, что критических повреждений нет.

– Саймон, как?

– Равновесие держу. Приводы клинит.

– Огибай воронку, двигайся к носителям. Я прикрою.

Им было трудно. Физическая и моральная усталость не в счет, боевые стимуляторы еще держали тонус организмов, а вот машины начинали сдавать.

Поврежденные сервомоторы, истончившееся, покрытое язвами ожогов и глубокими выщерблинами бронепокрытие, наработавшие на отказ системы, - все это, учитывая глубину полного нейросенсорного контакта человеческого рассудка с исполнительными подсистемами, провоцировало вторичные признаки непомерной усталости, изношенности, пятнами боли полыхали места критических повреждений…

– Дубль-системы включены. Начинаю движение.

– Давай, Саймон, стою на позиции. Сообщи, как войдешь в зону прикрытия штурмовых носителей.

– Две минуты, Антон.

– Ко мне подтягиваются "Хоплиты". Действуй спокойно, не горячись.

* * *

Они не успели.

Все вдруг затихло, будто перед грозой. Антон никогда бы не подумал, что мир машин способен генерировать ощущения, сходные с предчувствием природного явления.

Наступила тишина.

"Стилеты", яростно атаковавшие машины батальона, внезапно прыснули в разные стороны, будто перепуганная стайка птиц и начали стремительно набирать высоту.

Датчики "Аметиста" зафиксировали, как беспилотные "Беркуты" противника прервали марш, их сигнатуры, уже ясно читаемые на целевом мониторе, вдруг начали сливаться с защитными сооружениями расположенного неподалеку укрепрайона, имевшего, по данным, полученным с наномашин, несколько входов в зону подземных коммуникаций.

Прячутся, что ли? - Промелькнула в рассудке Верхолина вопросительная мысль, затем шевельнулась угасшая надежда: *неужели наш*

флот? - но "Беатрис" развенчала такое предположение.

Затишье…сейчас грянет буря…

Что такое "затишье", Антон? И почему тебя насторожило отступление противника?

Не время сейчас. Потом объясню. Следи за сканерами!…

– Саймон ты как?

– Двигаюсь понемногу. Осталось метров триста, не больше.

Антон обежал взглядом голографические экраны. Ему все меньше нравилось происходящее, внезапная тишина ударила по нервам сильнее, чем постоянное напряжение боя.

Он изменился. Необратимо изменился за истекшие сутки. От дурных предчувствий становилось невыносимо, разум, накачанный боевыми стимуляторами, требовал действия, ясности…

Он вызвал Шмелева.

– Командир, что происходит?

– Быстрее выдвигайся к "Нибелунгам", Антон. - Ответил Шмелев. - Звено Дитриха в прикрытии, остальные на борт носителей, в темпе!

Он тоже что-то чувствует…

Антон, подчиняясь полученному приказу, начал движение, огибая исполинскую воронку, оставшуюся после бесноватого удара ракетного носителя. Двигаясь по периметру впадины, он машинально фиксировал тот факт, что образованию глубокой воронки способствовало наличие в данном районе подземных коммуникаций. На глубине пятнадцати метров сканеры фиксировали пролом в мощном перекрытии, часть земли со скатов воронки превратилась в оползень, но все равно внизу оставалось достаточно места, для проникновения тяжелой техники в систему тоннелей бункерной зоны противника.

Да тут весь материк сплошная бункерная зона… - подумал Антон.

"Нибелунги" уже были видны на экранах, маскирующее поле дрожало над ними плотным мороком иллюзий, звено Дитриха Шелгана, - один "Фалангер" и два "Хоплита" медленно продвигались вдоль края воронки, контролируя подступы к зоне эвакуации.

Все началось внезапно, как и предчувствовал Верхолин.

До рассвета оставалось еще три часа, но где-то далеко, за пределом прямой видимости, разрывая мрак, внезапно вспухло неравномерное, подсвечивающее низкие облака зарево.

Первым ощущением пришло легкое замешательство, но уже пару секунд спустя, когда шестидесятитонного "Фалангера" вдруг опасно покачнуло ударом воздушной волны, всякие предположения отпали сами

собой - протянувшись от горизонта до горизонта, стремительно приближаясь к месту посадки штурмовых носителей, катился огненный вал орбитальной бомбардировки.

Антона захлестнул ужас, возродившая было надежда, вновь сменилась отчаяньем.

Он не успевал.

Шквалистый ветер, рвущийся вдоль земли, поднимал клубы пыли и пепла, на голографических мониторах просвечивая сквозь образовавшуюся завесу, стремительно приближалась плотная, всеуничтожающая стена титанических разрывов, порывы ветра и удары взрывных вол набирали силу урагана, штурмовые носители, втянув аппарели, начали опускаться днищем на землю, убирая посадочные опоры, - стартовать они не успевали, да и половина машин батальона все еще оставалась снаружи…

Чудовищные взрывы, оставляющие после себя мертвое, перепаханное на глубину десяти-пятнадцати метров пространство, приближались с немыслимой, не оставляющей шансов на уклонение скоростью.

В такие моменты решения приходят вспышками озарения.

– Всем кто меня слышит! На дне воронки разлом перекрытия! Внизу бункерная зона!

Верхолин едва успел выбросить в эфир несколько коротких фраз, как его машина, двигавшаяся по краю впадины, потеряла стабилизацию, - сыпучие отвалы под ступоходами и хлесткие удары взрывных волн подтолкнули "Фалангера", спровоцировав не то роковой, не то спасительный шаг: серв-машина потеряла равновесие, опрокинулась и, проломив потерявшее прочность перекрытие подземных сооружений, с грохотом обвала канула в недрах бункерной зоны.

Антон потерял сознание, он не видел, внял ли кто-то его последним словам.

Через несколько секунд стена разрывов накрыла последнюю позицию серв-батальона.

* * *

В глубинах бункерной зоны, взрывы, перепахивающие материк, ощущались как дрожь.

Где-то не выдерживали перекрытия, и к равномерным ударам добавлялся грохот обвалов, реже по тоннелям и огромным залам прокатывались взрывные волны, выбивающие мощные ворота, срывающий

с креплений стационарные агрегаты, оставляющие после себя лишь коробки стен…

Один из подземных объектов, выстроенный в качестве резервной площадки базирования аэрокосмических истребителей, располагался неподалеку от зоны посадки штурмовых носителей тринадцатого серв-батальона.

Именно сюда, вместе с осыпающимися в разлом тоннами земли, провалилась машина Верхолина, а вместе с ней еще два "Фалангера" сбитые на дно воронки взрывными волнами и угодившие в брешь лопнувшего перекрытия.

Их повалило, присыпало землей, но спасло от окончательного разрушения.

Три человека по воле случая пережили орбитальную бомбардировку.

Саймон Грин, Антон Верхолин и Андрей Тавгалов.

Отзвуки разрывов постепенно стихали, грохот обвалов еще блуждал по подземельям, но все самое страшное уже было позади.

Первым в себя пришел Саймон.

Он долго не мог понять, где оказалась его машина, последним воспоминанием была стена разрывов, несущаяся прямо на него со скоростью атакующего истребителя, затем последовали сокрушительные удары потеря стабилизации и падение…

Бункерная зона…

Под креслом пилот-ложемента с ощутимой вибрацией раскручивались гироскопы аварийной системы самостабилизации, на приборных панелях большинство индикаторов указывало на активацию дублирующих цепей управления, - пока Грин валялся без сознания, его "боевая подруга" успела многое: покореженные, поврежденные сервоприводы были отстрелены вместе с кожухами, на их место выдвинулись дублирующие элементы опорно-двигательного аппарата. Нельзя сказать что кибернетическая система "Фалангера" таким образом избавилась от всех повреждений, но машина вновь получила возможность поддерживать равновесие и двигаться.

Намного хуже дела обстояли с истончившимся бронепокрытием и системами вооружений, но Грин, выслушав мнемонический отчет об отсутствии боеприпасов к ракетным установкам и повреждении накопителей для оборонительных лазеров системы ПРО, отнесся к докладу равнодушно.

Он не желал даже думать о войне.

Мысль о гибели товарищей низводила рассудок до состояния полной

прострации, душа выгорела дотла, Саймон перешагнул грань, за которой осталось *прошлое*, восемнадцать часов почти не прекращающегося боя состарили его, морально и физически.

Он стал кем-то другим.

Даже осунувшееся, похудевшее лицо с пепельно-серым оттенком кожи, казалось принадлежит другому человеку.

Испытывал ли он страх?

Да. Грин панически боялся одного: вот сейчас он включит систему связи и…

Он вздрогнул, когда ему ответили.

Отклик двух "Одиночек" такой разный, словно отвечали сами пилоты, потряс Саймона.

Откликнулись машины Верхолина и Тавгалова, - того самого капитана, что в начале операции командовал подразделением космического десанта.

Одновременно с коротким сеансом связи, принесшим потрясающую весть о том, что оба пилота живы и сейчас находятся под воздействием боевых реанимационных аппаратов, поступили и иные свидетельства, что "Фалангер" Грина не единственная серв-машина оказавшаяся на глубине сорока метров под землей.

Рядом зашевелилась коническая гора осыпавшегося через пролом в перекрытии грунта.

Саймон грешным делом подумал о чуде, до последней секунды ему почему-то не верилось, что в этом мире хоть что-то может окончиться благополучно, но через минуту из-под осыпавшейся земли появились контуры двух серв-машин, а затем вдруг он услышал слабый голос Верхолина:

– Грин?

– Антон!… - Его голос сорвался, осип от волнения, да и нужны ли в такой ситуации слова?

Три серв-машины, выбравшись из-под завалов, стояли в центре огромного пустого ангара, а их пилоты, едва пришедшие в себя, живые лишь благодаря системам боевого поддержания жизни, в немом оцепенении смотрели на данные тактических мониторов.

На фоне изломанных прямых линий, прорисовывающих структуру подземных коммуникаций, резко выделялся наклонный тоннель, ведущий к поверхности.

– Поднимаемся… - Хрипло произнес Антон.

– Куда? Зачем? - Тавгалов только очнулся, его разум еще стыл

жуткими травматическими ощущениями последних секунд перед беспамятством.

– Наверх. - Ответил Верхолин. - Мой "Аметист" фиксирует энергоактивность в цепях штурмовых носителей. Быть может, мы не единственные кто выжил?

* * *

Анкор.

3 часа 12 минут. 13 августа 2624 года…

Наверху еще царила ночь.

Мрак окутывал изуродованную землю, где превращенная в прах почва смешивалась с обломками боевых машин.

Весь континент, от края до края был сожжен, перепахан исполинскими воронками, не осталось ни лесов, ни рек, ни построек, орбитальная бомбардировка стерла рельеф, лишь кое-где в дымящихся скатах воронок выступали потрескавшиеся, белеющие, словно кость, фрагменты стеклобетонных сооружений.

– Саймон, проверь носители, Андрей, остаешься со мной в охранении. Будь готов к любым неожиданностям. Постоянно сканируй горизонт.

– Понял. - Безропотно ответил капитан Тавгалов.

Он находился во власти шока, вызванного глубоким, стопроцентным нейросенсорным контактом с серв-машиной. Если Саймон и Антон перенесли процесс слияния с кибернетическими системами легко, почти не заметив его на фоне нечеловеческого напряжения схваток, то Андрей, являясь новичком, с не подготовленной для подобных испытаний психикой, переживал внутреннее перерождение что называется "по полной программе"

…

Грин не узнавал окрестностей. Сканирующий комплекс действительно фиксировал работу энергетических цепей одного из трех штурмовых носителей, но на месте неудавшейся эвакуации батальона сейчас простиралась однообразная, перепаханная воронками равнина.

Носитель где-то рядом…

"Фалангер" Грина осторожно пробирался меж коварных воронок, обшаривая сканирующим излучением каждую пядь изувеченной земли.

Тлеющая почва затрудняла поиск, кроме высокой температуры, вызывающей тепловую засветку, прах земли был нашпигован металлом; к

тому же некоторые фрагменты разорванных в клочья серв-машин, части уничтоженных штурмовых носителей, продолжали потреблять энергию от внутренних автономных источников, накладывая на фон тепловой засветки сложный узор фрагментированных, не поддающихся идентификации сигнатур.

Саймон продолжал поиск, хотя его начало брать сомнение, а действительно ли Антон наблюдал целую, упорядоченную сигнатуру?

Нет, шутить такими вещами Верхолин бы не стал.

Наконец голографический монитор, связанный с "Аметистом", выдал нечто похожее на конфигурацию аварийных цепей питания штурмового носителя. Если следовать появившимся данным, "Нибелунг", опрокинутый набок, лежал на скате одной из похожих на лунные кратеры воронок.

– Антон, я засек сигнатуру. Подтягивайтесь.

"Фалангер" Грина прошел еще метров пятьдесят и остановился на краю исполинского кратера.

Действительно на скате углубления лежал отброшенный сюда взрывными волнами штурмовой носитель.

Вряд ли "Нибелунг", броня которого зияла множеством пробоин, был в состоянии подняться в космос, но не это сейчас волновало Саймона.

Часть серв-машин батальона к моменту орбитального удара успела занять свои места на борту штурмовых носителей. Существовала вероятность, что внутри уцелел кто-то из бойцов…

Он не ринулся очертя голову вниз, дожидаясь, когда к краю похожей на кратер воронки подтянутся машины Верхолина и Тавгалова.

Писк предупреждающего сигнала и внезапно вспыхнувшее чувство тревоги заставили Саймона вздрогнуть.

Что-то не так, но что?

Он сосредоточил внимание на очертаниях "Нибелунга" и вдруг понял, что за опрокинувшимся штурмовым носителем, маскируясь в его сигнатуре, скрываются вражеские сервомеханизмы…

– Антон, Андрей, назад!

Его выкрик прозвучал одновременно с частыми, режущими глаз вспышками запусков.

Из-за корпуса "Нибелунга" били реактивные минометы, система противоракетных лазеров на машине Саймона не работала, зенитную установку снесло еще во время прошлых схваток, оставалось лишь несколько снарядов в подвесных орудиях, но ни он, ни "Беатрис" уже не успевали ничего предпринять.

Реактивные снаряды ударили в "Фалангер" Саймона, прожигая

истончившуюся броню рубки…

* * *

Губы покрывала пузырящаяся пена. Сознание блуждало, то погружаясь в мир ирреального, то возвращаясь, - метаморфозы мысли измерялись мгновениями, хриплыми вдохами, ударами пульса…

Саймону уже не было страшно. Стена апатичного безразличия на минуту отгородила от него ревущую данность, но "Беатрис" - рыжеволосая девчонка - продолжала управлять серв-машиной, "Фалангер", чья броня, истончившаяся под ураганным лазерным огнем, приняв сокрушительный удар ракетного залпа, не вынесла попаданий: два снаряда пробили бронепокрытие, разорвавшись в рубке, но серв-машина лишь покачнулась, будто исполину влепили всего лишь пощечину…

На самом деле последствия попаданий оказались гораздо более тяжкими.

Саймон дышал хрипло, с надрывным присвистом, - осколок снаряда разворотил броню скафандра, пробил легкое пилота, и, пройдя навылет, застрял в спинке кресла.

В первые несколько секунд он не ощущал боли, да и не болевые ощущения вдруг стали главным в восприятии происходящего.

Он попытался вдохнуть, но не смог, затем его внезапно настиг приступ мучительного хрипящего, конвульсивного кашля. Проекционное забрало гермошлема покрылось мелкими брызгами крови, от лопающихся на губах пузырей, он не мог говорить, было трудно даже пошевелиться, казалось, тело изменило ему, - внезапно, но навсегда…

Я умираю… - Отрешенно подумал Саймон. Перед глазами плавали багряно-черные пятна, в ушах стоял звон, собственное дыхание, как и удары сердца из разряда машинальных, не воспринимаемых сознательно явлений превратились в главную деталь действительности.

Сознание покидало его.

Наступило не полное беспамятство, скорее отключилось восприятие внешнего мира, но мозг продолжать жить, мыслить, перед внутренним взором одна за другой вставали ирреальные картины окружающего: сквозь хмарь, захлестнувшую рассудок, он видел выдуманный им же самим образ веселой, чуть задиристой, рыжеволосой девушки, - так материализовывалась в грезах его ускользающая мечта о счастье…

Нет, она не бред погибающего рассудка.

Воплощение "Беатрис"

Она сидела в кресле пилот-ложемента, почему-то без скафандра или иной экипировки, в простом, но удивительно красивом платьице, ее босые ноги были поджаты, а тонкие бледные пальчики рук сновали по текстоглифам многочисленных голографических клавиатур и псевдосенсорных экранов.

Она продолжала бой, не дав серв-машине потерять равновесие: на экранах отчетливым зигзагом металлического блеска промелькнули отстреленные из-за критических повреждений сборки пусковых тубусов тактических ракет, вместо них на верхних оружейных пилонах тут же появились, выдвигаясь из открывшихся ниш, орудия пятидесятого калибра - последний, резервный тип вооружения, к которому еще оставались боеприпасы в артпогребах "Фалангера"

Впрочем, Саймону было не до стрельбы. Он хрипел, захлебываясь кровью, и думал - почему все не закончиться быстро?

Быстро - значить навсегда. Такого оборота событий не могла допустить подсистема боевого поддержания жизни.

Да, пилот смертельно ранен, но в бою, оказывается, не все зависит от воли человека, и есть скрытые до определенного момента критерии жизни и смерти.

Саймон испытал волну жаркого, липкого ужаса, когда ощутил, как что-то холодное, неживое проникло в грудь через рану, и зашевелилось в ней, стирая слабые эманации боли, и оставляя четкое неприязненное ощущение присутствия инородного тела, которое к тому же двигалось, ощупывало его *изнутри*, деловито покалывало, распространяя волны дурманящего тепла, постепенно переходящего в нездоровую лихорадочную бодрость.

Я не хочу… Не смогу больше… - Его по-прежнему душил надрывный кашель, кровь хоть и не пузырилась теперь при каждом вдохе, но экраны гермошлема уже успели покрыться бурой, подсыхающей отвратительными разводами пленкой, через которую смутно проступало изображение.

И снова он начал проваливаться в мир грез, такой спасительный, желанный, но приходящий лишь на краткие мгновенья.

Беат… Убери из меня эту дрянь…

Рыжеволосая девушка повернула голову, но ничего не ответила, лишь приложила палец к губам и вдруг, встав, сделала шаг к стене рубки, которая внезапно превратилась в длинный тоннель…

Она уходила.

Кресло пилот-ложемента в окружении голографических экранов

теперь осталось пустым. Она не произнесла ни слова, а Саймон с тоской смотрел ей вслед, еще не понимая, что умер.

Система боевого поддержания жизни не сумела справиться с ранением.

Саймон испытывал странные ощущения: мир вокруг поблек, выцвел, он больше не чувствовал ни боли, ни отчаянья, ни холодных прикосновений реанимационного аппарата, - он лишь смутно осознавал, что должен занять кресло, освобожденное для него "Беатрис".

Кресло "Одиночки".

Саймон с немым удивлением посмотрел на свои руки и вдруг заметил, как они исчезают, растворяются, у него больше не было тела, оно стало лишь воспоминанием, а через секунду прошло и это…

* * *

Тавгалов, оказавшись в центре боя, практически сразу потерял ориентацию, - ощущения, передаваемые рассудку через устройства импланта, по-прежнему оглушали, он, привыкший к бронескафандру, с трудом осознавал себя *внедренным* в массивное, но необычайно чуткое, отзывчивое механическое тело…

Весь букет губительных для неподготовленного рассудка ощущений вновь и вновь обрушивался на него: голова вдруг закружилась, сознание попыталось улизнуть, но не тут-то было, боевая система поддержания жизни справилась с очередным ментальным шоком всего за несколько секунд.

Разрывая багровую черноту, в глаза ударил тусклый свет, на его фоне контрастными монохромными контурами обозначилось три десятка целей, он чувствовал, как *идет*, сотрясая почву, равномерно, уверенно, будто всю жизнь провел в абсолютном нейросенсорном контакте с грозной боевой машиной.

Тавгалов тихо запаниковал, но тут же пришел в себя, осознав, что нагнетание внутренней истерии к добру не приведет.

Как я держу равновесие?!

На тренировках в условиях полигонов все происходило абсолютно иначе, - не наступало потрясшей его *глубины* прямого соединения рассудка с кибернетическим механизмом и исполнительными подсистемами.

Его рефлексы стали теперь рефлексами "Одиночки", трансформация началась и завершилась столь стремительно, что спину обдало испариной,

но путь назад уже отрезало, - еще не сделав ни единого самостоятельного шага, не произведя ни одного выстрела, он машинально и как-то буднично переключил внимание на множащиеся сигнатуры, с запоздалым холодком в груди осознавая, что перед ним легендарные "Беркуты", - адаптированные для боевых действий наследники некогда мирных аграрных исполинов планеты Дабог.

Они приближались со всех сторон, ощущения потрясали, и одновременно что-то нивелировало психику, низводя острые, режущие по нервам чувства до ущербных полутонов: над головой (или над рубкой?) промелькнули тягучие факелы, и тут же распались, множась звенящим осиным роем разделившихся боевых частей, земля под ступоходами "Фалангера" внезапно забилась в конвульсиях, почва рвалась из-под ног, сотни разрывов стирали рельеф, за секунды создавая новые безжизненные ландшафты, состоящие исключительно из воронок и слоя тлеющей, разбросанной комьями, вихрящейся искрами и опадающей пеплом земли…

Тавгалов некоторое время с трудом удерживал машину от падения; ударные волны обрушивались с разных сторон, а сенсорное восприятие только усугубляло эффект, он вдруг запаниковал, но опять - лишь на краткие мгновенья, до первого лазерного луча, выбившего фонтан тлеющих искр и вихрящегося смерчем пепла из-под самых ступоходов его "Фалангера".

Машинально уклонившись, Тавгалов понял, - не он на самом деле держит в равновесии многотонный сервомеханизм; работа сотен кибернетических подсистем, оказывается, не воспринималась рассудком, но исполнительные узлы мгновенно и чутко реагировали не только на осознанную мысль, но и на рефлекторные, подсознательные порывы, - если не сосредотачиваться, не вмешиваться в отлаженные автоматические процедуры, то управление становилось не сложнее, чем передача импульсов от мышц человека к сервомоторам боевого скафандра.

Одного не осознавал капитан, выводя машину навстречу четко прорисованным целям: за минуту с небольшим он успел погрузиться в ощущения полного слияния с кибернетической сервосистемой настолько глубоко, что возврата для него уже не было. Он впитал нечеловеческую мощь и бросил ее навстречу противнику, мысли, эмоции, сопереживание оказались столь глубоки и остры, что без них мир навсегда останется блеклым, разум неподготовленного пилота стал заложником сверхглубоких ощущений нейросенсорного контакта, но что еще хуже: Андрей даже не подумал обуздать скопившуюся в душе ненависть. Если разбираться беспристрастно, то он скорее ненавидел войну, чем врага, однако в роковые

мгновенья разум не сумел провести разграничительной черты, и модуль "Одиночки" впитал глобальные ощущения пагубной ярости, ненависти ко всему, что творилось вокруг…

Подхватив порыв пилота "Беатрис" выплеснула навстречу противнику шквал огня. "Фалангер" Тавгалова не принимавший активного участия в боях, сохранил боекомплект и сейчас походил на разъяренного монстра, внезапно обретшего свободу, сбросившего оковы каких бы то ни было запретов, получившего возможность уничтожать все на своем пути…

* * *

Верхолин видел, как пошатнулась машина Саймона в момент ракетных попаданий.

Он попытался выйти на связь с Грином, но тщетно. "Фалангер" друга продолжал движение, но в действиях серв-машины вдруг обозначилась непонятная медлительность, словно кибернетические системы получили жесточайший удар и не сумели преодолеть его последствий.

– Саймон, ответь!

Тишина в коммуникаторе.

Он осмотрелся. На голографических мониторах царил сумеречный ад, датчики "Аметиста" фиксировали атакующий бросок кораблей седьмого ударного флота Альянса, но легче уже не становилось: слишком поздно те появились из пространства гиперсферы, и вряд ли их прорыв к планете мог изменить участь тринадцатого серв-батальона.

Частицы боя…

Порванные мысли, фрагментированное восприятие, губительный шок и одновременно - всплеск жизненных сил, порожденный воздействием системы боевой метаболической коррекции организма.

Верхолин старался держать себя в руках, но сегодня выдался слишком долгий и трудный день, способность к самоконтролю не бесконечна, и голос рассудка вдруг начал тонуть в надрывных эмоциях схватки, изменяя целям и задачам: он уже бился не за клочок чуждой тверди, земля, горящая под ступоходами, вихрящаяся облачками праха уже не простит человеческого безумия, ее убили, сожгли, исковеркали, вскоре тут, как на Дабоге, помутнеет атмосфера, и начнутся губительные процессы, ведущие к наступлению эффекта "ядерной зимы".

Сигнатура последнего уцелевшего штурмового носителя батальона, на борту которого еще могли оставаться живые пилоты и не поврежденные

орбитальной бомбардировкой машины, пылала в рассудке, а на ее фоне множились сигналы от вражеских сервомеханизмов, устроивших засаду.

"Фалангер" Грина двигался очень медленно и неуверенно, будто контуженный, рубка серв-машины дымилась, Антон к своему ужасу ясно различил две пробоины в бронеплитах.

Саймон в лучшем случае без сознания… - Промелькнула мысль, подтвердить или опровергнуть которую Верхолин не мог. Канал взаимного обмена данными отключился, по непонятной причине не отвечала и кибернетическая система…

Проклятье.

Он уклонился от лазерного залпа, вовремя заметив множащиеся, появляющиеся из-за контура "Нибелунга" сигналы, принадлежащие серв-машинам противника.

Четыре беспилотных "Беркута" при поддержке десятка "шагающих лазеров" и батареи реактивных минометов устремились в атаку.

Антон не пытался уклониться от боя, он лишь с горечью подумал, что флот, взломавший противокосмическую оборону Анкора, никак не реагирует на разрозненные, остаточные подразделения серв-машин, продолжающие схватку на поверхности.

Мы больше не нужны им. Нас использовали и бросили…

Планета, покрытая прахом, более не представляла ни угрозы, ни интереса для военно-космических сил Альянса. Адмирал Купанов теперь смело отрапортует об уничтожении мощнейшего научно-исследовательского и одновременно - опорного пункта флота Свободных Колоний…

Верхолин чувствовал себя прескверно.

Из секундного оцепенения мыслей его вырвал ракетный залп.

Оглядевшись, Антон понял: огонь ведет машина капитана Тавгалова. "Фалангер", не принимавший активного участия в предыдущих схватках, теперь вдруг вырвался вперед, действуя яростно, но достаточно прямолинейно: двигаясь по периметру кратера, капитан вел ураганный огонь из всех видов бортового вооружения, рев ракетных запусков, оглушающее стаккато пятитактовых очередей орудий главного калибра, сиплое шипение зенитных лазеров, ответные залпы противника - все сливалось в едином ощущении угрозы…

Единственное, чего добился Тавгалов, - это повышенного внимания со стороны противника. На фоне машины Саймона, потерявшей управление, *бредущей* среди воронок, прочь от кратера, и "Фалангера" Антона, который не спешил очертя голову бросаться в пекло, серв-машина капитана

выглядела наиболее опасной и одновременно - уязвимой целью.

Надо его спасать…

Антон не строил иллюзий, относительно боеспособности собственной машины. Ракетный боезапас исчерпан, зенитные установки пусты, из двух десятков лазеров системы ПРО работают лишь два…

Последнее, что оставалось в активе - по десятку снарядов в подвесных орудиях.

Много, учитывая опыт Верхолина.

Беат, режим одиночного огня! Правое орудие твое, левое - наведение по взгляду!

В душе уже не теплилось надежды. Вид машины Саймона кусал сердце тоскливым предчувствием, Грин не бросил бы управления, значит он…

Прочь эти мысли.

– Капитан, экономь снаряды! Боекомплект не резиновый!

Окрик Антона не подействовал. Тавгалов будто обезумел, он продвигался по ненадежному, осыпающемуся краю исполинской воронки, не обращая внимания на ответный огонь; броня тяжелой серв-машины еще держала попадания, но надолго ли хватит запаса конструктивной прочности без умелого маневрирования?

Еще на минуту не больше…

Верхолин воспользовался ситуацией. Его машина, державшаяся на безопасном удалении от края впадины, увеличив скорость, ринулась вперед, рубка пошла в разворот, и правое орудие, отданное в распоряжении модуля "Беатрис", задействовав систему неявного прицеливания, трижды разрядилось одиночными выстрелами, посылая снаряды в казалось бы "мертвую зону" за опрокинувшийся штурмовой носитель, откуда били реактивные минометы.

Разум Антона погрузился в иную реальность, сотканную из показаний датчиков серв-машины, в такие мгновенья он переставал ощущать себя человеком, становясь кем-то иным, даже физические проявления собственного организма не тревожили рассудок, иначе Верхолин почувствовал бы боль в районе груди, аритмичные удары сердца, рваное судорожное дыхание, но нет, система боевой метаболической коррекции стирала боль, отсекала неприятные, тревожные ощущения, мешающие пилоту сосредоточиться на цели.

Антон вывел "Фалангера" в тыл четырем "Беркутам", атакующим машину капитана Тавгалова.

Реактивные минометы заткнулись, но атаку серв-машин прикрывали

"LDL-55".

Займись ими!… - Мысленно приказал Верхолин, наводя левое орудие на противника.

Беатрис четко выполнила команду. У нее оставалось семь снарядов, которые "Одиночка" израсходовала за четыре секунды: снайперский огонь стопятидесятимиллиметрового орудия подсветил мрачную, похожую на кратер воронку исполинскими разрывами, и одновременно заговорило левое орудие, которым управлял Антон.

Он бил короткими двухтактовыми очередями, вспарывая смертельными попаданиями слабое кормовое бронирование вражеских "Беркутов", зарвавшихся в успешной атаке, идущих на добивание внезапно остановившейся, окутанной клубами ядовито-зеленого пара машины капитана Тавгалова.

Все закончилось так же стремительно, как и началось.

Дважды щелкнули вхолостую электромагниты затворного механизма правого орудия, - Беат израсходовала последний снаряд, а меж свежих воронок и горящих сервомеханизмов по-прежнему читались две активные сигнатуры "LDL-55", четыре "Беркута" остановились на отлогом скате, один вспыхнул, освещая окрестности, будто гигантский факел, остальные еще пытались бороться с критическими повреждениями, но тщетно…

Одна за другой у них начали взрываться емкости с реактивным топливом для прыжковых ускорителей, пламя вспухало яростными сгустками, разливалось по площади, с гулом устремлялось ввысь, закручиваясь гаснущими спиральными смерчами…

Антон отработал реверсом, интуитивно предугадав мгновенье ответных выстрелов, - два уцелевших шагающих лазера вырвались из клубов дыма и языков пламени, но Верхолин уже был готов к их появлению - две цели, два последних снаряда, - он произвел выстрелы, ощущая тяжелую, непомерную усталость, сквозь которую вдруг начала прорываться разлившаяся в груди боль.

На информационном мониторе вспыхнула надпись, предупреждающая об отсутствии боекомплекта и невозможности перезарядки.

Плевать.

Бой окончен.

Бет мне нужна связь!

Антон остановил "Фалангера". Что-то щелкало в шейном кольце скафандра. Щеки, переносица онемели, он не чувствовал лица, не мог управлять мимикой. Инъекторы с запредельными для организма дозами

боевых стимуляторов продолжали впиваться в плоть, но Антон привычно оттолкнул болезненные ощущения, сейчас его волновала только связь.

Машина Тавгалова не реагировала на вызовы. Сервомеханизм, окутанный клубами ядовито-зеленого пара из пробитой системы охлаждения реактора, представлял серьезную угрозу, - рвануть могло в любой момент, и Верхолин принял единственно-возможное в сложившейся ситуации решение, отдавая мысленный приказ:

Беат, задействуй командный канал. Погаси реактор дистанционной командой, по возможности - катапультируй пилота.

Принято. Исполняю.

Теперь Антон мог, наконец, вплотную заняться машиной Грина.

– Саймон, ответь!

Нет отклика. "Фалангер" Грина по непонятной причине продолжал двигаться, очерчивая широкую дугу, словно вознамерился обогнуть место внезапной схватки по кругу.

Антон задействовал резервный информационный канал, посылая запрос отчета по статусу систем ведомой машины.

Доклад пришел немедленно, но ответил не Саймон и даже не модуль "Одиночки", а аварийная подсистема, включавшаяся лишь в крайних, критических ситуациях:

Пилот мертв. Модуль "Беатрис-4" не функционален. Причина сбоя не выяснена.

Боль в груди стала нестерпимой она, наконец, прорвалась в сознание Верхолина, пробившись сквозь заслоны боевых стимуляторов и веществ, временно делающих организм невосприимчивым к запредельным нагрузкам.

Болело сердце.

Жидкий огонь разлился в груди, мысли путались, сознание вдруг стало рваным, фрагментированным, Антон несколько раз судорожно вдохнул, и внезапно затих.

Его рассудок перестал воспринимать реальность.

Сердце Верхолина остановилось.

Антона убила система боевого поддержания жизни, но разум продолжал сопротивляться смерти - еще несколько секунд он инстинктивно продолжал поддерживать прямой нейросенсорный контакт с искусственными нейросетями "Беатрис".

"Фалангер" Верхолина так и остался стоять на краю огромного кратера, выбитого ударом орбитальной бомбардировки.

Не побежденный.

* * *

Низкие орбиты Анкора.

Борт крейсера "Элиот"…

Ипатов очнулся в полумгле.

Кто-то успел облачить его в скафандр, но боевой мостик "Элиота", окутанный сизым дымом, сочащимся из-за панелей декоративной облицовки, не позволял разглядеть есть ли рядом кто живой. Система жизнеобеспечения боевого скафандра включалась автоматически, как только забрало гермошлема, закрываясь, проходило через особую сенсорную зону.

Сканеры БСК работали по аналогичной схеме, но они почему-то не вошли в штатный режим.

Адмирал попытался пошевелиться, и сервомускулы к его неописуемому облегчению ответили на напряжение мышц, поднимая несколько центнеров брони с заключенным внутри человеком в вертикальное положение.

Перезапуск сканирующих систем занял немного времени, как только включились необходимые подсистемы, ожило связанное с ними проекционное забрало шлема, дым как будто рассеялся, улетучился, хотя от открывшихся взгляду картин, отслеженных сканерами и обработанных системой устранения помех, легче не стало: боевой мостик крейсера более не являлся командным центром. Вокруг среди изуродованных до неузнаваемости контрольных панелей, горели лишь злобные огни резерва питания некоторых аварийных подсистем…

Память болезненно заработала.

Он вспомнил, как вздрогнула обшивка крейсера, когда к ней методом насильственной силовой стыковки прикрепилось более двух десятков десантно-штурмовых модулей.

Они вскрыли броню, и штурмовые сервомеханизмы Альянса рванули по коридорам, палубам, тупо уничтожая на своем пути всю аппаратуру, подавляя всякое сопротивление, нарушая питание, не давая шанса включиться дублирующим системам.

Они ворвались в рубку и за десять-пятнадцать секунд буквально изрешетили главный пост управления.

Адмирал помнил лишь, как рухнул на пол, пытаясь укрыться от бесноватого огня за мощным выступом палубного ребра жесткости, затем

рядом что-то взорвалось, и он потерял сознание.

Сейчас полностью придя в себя, он не порывался что-то делать, куда-то бежать, - предпринимать что-либо уже поздно, а бежать некуда, и адмиралом владела лишь одна мысль: *Я должен знать, что установка "Свет" отстыкована…*

Он понял, почему штурмовые сервы противника не пытались захватить контроль над палубными подсистемами, а сокрушали все на своем пути: тот, кто ставил им боевую задачу, знал об устройстве самоликвидации, или, по крайней мере, подозревал его наличие, но не имел понятия, как оно работает и через какие цепи управляется.

Им не нужен крейсер, не нужна планета, - вся операция изначально была нацелена на захват установки синтеза античастиц…

Адмирал отыскал при помощи сканеров ближайший шлюз и, раздвигая при помощи сервоусилителей мускулатуры покореженные, смятые переборки, начал выбираться из отсека по направлению ближайшего выхода в открытый космос.

* * *

Выбравшись на обшивку "Элиота" адмирал осмотрелся.

Как он и предполагал - случилось самое страшное - носовая часть корабля с характерным вздутием аннигиляционной установки "Свет" практически не пострадала, хуже того, - не сработал автомат отстыковки устройства самоликвидации.

Ситуацию еще возможно исправить…

Он не надеялся ни на чудо, ни на помощь. Существует род ситуаций, когда рассчитывать приходиться только на себя.

Ипатов закрепился на броне крейсера и взглянул вдоль борта исполинского корабля, отмечая путь, который предстоит пройти.

Впереди дыбились взломанные ракетными попаданиями бронеплиты внешнего корпуса, плавно вздымались боевые надстройки, с одной стороны множественные повреждения и препятствия играли на руку, крохотную фигурку человека трудно выделить на таком фоне даже при помощи сканеров, но с другой стороны - сколько у него уйдет времени на преодоление двух километров пути по исковерканной обшивке?

Нет, мне не успеть…

Однако существовал и иной способ достижения цели.

Между внутренним и внешним корпусом крейсера, в узкой прослойке

располагались специальные технические посты управления, соединенные между собой высоконадежной кабельной сетью, защищенной от механических повреждений толстостенными бронированными рукавами.

В узкую техническую прослойку между корпусами крейсера не попасть штурмовых ботам, туда могут проникнуть лишь специально сконструированные технические сервы и… человек, знающий определенные места в обшивке, где под неприметными люками расположены терминалы доступа к кабельной сети.

Нужно торопиться. - Ипатов знал точное расположение точек доступа к аварийной технической сети. В бою сеть не представляет угрозы - составляющие ее компоненты включаются лишь при условии пятидесятипроцентной степени повреждений крейсера.

Чаще всего технический доступ предназначен для различных операций с поврежденными отсеками. Подключившись к сети можно разблокировать аварийные переборки, наладить связь с отрезанными от общекорабельной сети палубами, передать инструкции, совершить незначительные манипуляции с оборудованием, к примеру включить вторичную систему подачи воздуха, в общем продублировать любое из действий автоматики аварийных подсистем, если оно не было исполнено.

И только несколько высших офицеров корабля знали, что помимо прочего через систему резервной кабельной сети можно включить опцию самоликвидации установки "Свет".

Для этого необходимы специальные кодоны доступа и знание правильной последовательности ввода безобидных с виду команд технического регламента.

Ипатов добрался до сливающегося с обшивкой технического люка, открыл его специальным механическим ключом.

Под овальной пластиной брони обнажился небольших размеров пульт управления с текстоглифной клавиатурой.

Судорожно вдохнув, адмирал закрепился на обшивке и начал набирать последовательность команд.

* * *

Борт крейсера "Апостол".

– Установка наша. - Фон Ребен наблюдал как по обшивке в носовой части крейсера "Элиот" перемещаются крошечные фигурки технических сервомеханизмов. - Устройства принудительной отстыковки удалось

блокировать, сейчас техники разбираются непосредственно с системой самоликвидации.

– Твои люди достаточно опытны? - Осведомился Купанов.

– Опыта им не занимать. Но пока не обезврежен основной заряд, говорить о каком-то успехе рано. Устройства самоликвидации - коварная техника.

– Не каркай. - Раздраженно буркнул Купанов.

…Взрыв грянул внезапно.

Беззвучное пламя, как казалось, прорвалось сквозь обшивку в носовой части крейсера, оно вспухло ослепительным шаром, сжигая бронеплиты, и передвигавшихся по ним технических сервов.

Неистовый прозрачно-пламенный шар разросся и лопнул, будто мыльный пузырь, погаснув короткими всплесками протуберанцев всего за несколько секунд.

Купанов, подавившись очередной самодовольной фразой, машинально вцепился в подлокотники кресла, пытаясь привстать, затем, увидев на месте аннигиляционной установки "Свет" безобразную дыру, он бессильно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, не проронив ни звука.

* * *

Планета Анкор. Ранее утро.

13 августа 2624 года…

Солнце вставало, разливая ненормальный, болезненный багрянец зари.

Сотни тысяч тонн пепла и пыли висели в воздухе, над обезображенной землей.

Казалось, здесь больше никогда не будет происходить никаких осмысленных действий, - жизнь на планете погибла, событий последних суток не пережил никто, ни природа, ни люди, ни боевые машины.

Ветер, дувший порывами, с рассветом утих. С багряных небес, медленно кружа, продолжали падать крупные хлопья пепла.

Удар орбитальной бомбардировки не только уничтожил жизнь, неузнаваемо изменил рельеф, но и вскрыл некоторые тайны далекого прошлого, до сих пор остававшиеся без внимания со стороны существ, озабоченных только вопросами взаимного истребления.

В районе гибели тринадцатого серв-батальона, в скате одной из

исполинских воронок, из-под превратившейся в прах почвы, медленно оползающей на дно, обнажился внушительный по размерам фрагмент потемневшей от времени брони.

Искусственно созданный аппарат, непривычной для взгляда современного человека округлой формы покоился на глубине десяти метров от поверхности, там, где никогда не располагалось никаких военных построек.

На плотно пригнанных бронеплитах обшивки все еще читалась надпись, многократно повторяющаяся на всех сегментах:

"Земля. Колониальный транспорт "Ковчег".

…

К полудню сквозь сгущающуюся дымопылевую завесу вдруг пробилось сияние.

Космический корабль, идущий на посадку, выглядел угрожающе: стометровый обтекаемый корпус, пологие вздутия боевых надстроек, массивные вращающиеся ложементы двигательных секций - сквозь хмарь сумеречного багрянца к истерзанной земле приближался штурмовой носитель Альянса.

Отсканировав окрестности "Нибелунг-12МТ" совершил посадку в том районе, где приняли последний бой уцелевшие после орбитальной бомбардировки машины тринадцатого серв-батальона.

Посадочные опоры "Нибелунга" коснулись перепаханной воронками земли, на минуту контур корабля полностью скрыли клубы праха, затем плотное облако начало рассеиваться, оседать и в сумеречном пространстве появились первые сервомеханизмы, высаженные с борта штурмового носителя.

В рубке управления, перед пустыми креслами сияли голографические экраны.

Судя по надписям, периодически появляющимся на информационных секциях, штурмовой носитель до недавнего времени базировался в ангарах внутреннего космодрома флагмана седьмого ударного флота Альянса крейсера "Апостол".

Еще несколько строк, затаившихся в верхней части центрального информа свидетельствовали, что автоматика "Нибелунга" в данный момент выполняет секретную миссию, действуя по личному распоряжению адмирала фон Ребена.

Задача: поиск и эвакуация серв-машин тринадцатого батальона, вне зависимости от степени их повреждений. - Гласила надпись на центральном информационном экране. - *Статус исполнения - ноль*

процентов.

…

Двое суток технические сервомеханизмы, выпушенные с борта штурмового носителя, прочесывали местность, отмечая на электронных картах точки, где удавалось обнаружить подбитые серв-машины с искомой маркировкой.

К утру третьих суток поисково-спасательной операции из отсеков штурмового носителя вышла тяжелая техника, предназначенная для эвакуации поврежденных серв-машин.

Десять эвакуаторов исчезли во мгле. Спустя несколько часов они вернулись к грузовым аппарелям "Нибелунга", доставив шесть "Фалангеров" и четыре "Хоплита". Остальные машины батальона, судя по отчету поисковых механизмов, были уничтожены, от них остались лишь фрагменты.

* * *

Борт крейсера "Апостол".

17 августа 2624 года…

Адмирал фон Ребен принял сигнал из системы Анкора по своему личному коммуникационному каналу. Он никому не докладывал о миссии штурмового носителя, отправленного на поверхность испепеленной планеты.

Выслушав сообщение, он ответил кодом, активировавшим в системе "Нибелунга" инструкции по совершению гиперпространственного перехода.

Закрыв канал плавающих гиперсферных частот, адмирал воспользовался резервной установкой дальней связи.

На Везувии у фон Ребена служил его бывший командир, переведенный туда после ранения.

– Доброе утро, Джон.

На экране дальней связи появилось усталое лицо пожилого человека.

– Александр?

– Он самый. Узнал, значит?

– Ну, а как же? Вроде не чужие.

– Есть дело, командир. - Адмирал произнес слово "командир" с искренним уважением.

– Ну, положим, я уже не твой командир…

– Не нужно. - Перебил его фон Ребен. - Я обращаюсь к тебе не как адмирал флота.

– Личная просьба?

– Да. Считай, что так.

– Слушаю.

– Сегодня в систему Везувия прибудет "Нибелунг" с поврежденными механизмами на борту. У меня просьба - прими его без лишнего шума. Восстанови серв-машины, по возможности не трогая модули "Одиночка". Затем направишь отремонтированные механизмы в распоряжение седьмого ударного флота, конкретно - на борт "Апостола". Сделаешь?

– Без проблем.

– Спасибо тебе Джон. Остальное объясню при личной встрече. Все, извини, отключаюсь.

Адмирал коснулся сенсора отбоя связи. Больше говорить сейчас не о чем, да и опасно. Купанов слишком подозрителен в последнее время. Страдая от накопленного опыта кулуарной борьбы за власть, он вполне мог заподозрить, что фон Ребен пытается скомпрометировать его, как командующего.

На самом деле командир "Апостола" преследовал совершенно иные цели.

Накануне у него состоялся разговор с Говардом Фарагнеем, который интересовался судьбой последней партии серв-машин.

Адмирал фон Ребен многое узнал из общения с ученым.

Он не стал раскрывать Фарагнею трагической судьбы подразделения, - поздно, да и незачем, однако состоявшийся разговор заставил его призадуматься.

Серв-батальон уничтожен, но быть может там, на Анкоре, среди обломков машин сохранились модули "Беатрис-4", способные принять в искусственные нейросети не только боевой опыт и травматические воспоминания, но и полноценные, не утратившие памяти о собственной личности рассудки?

Так это или нет - покажет лишь время.

Действуя без ведома адмирала Купанова, он отправил на Анкор резервный штурмовой носитель.

Фон Ребен серьезно рисковал, но остаться безучастным к судьбе батальона он не мог.

…

Через месяц адмирала фон Ребена перевели в один из дальних, недавно сформированных гарнизонов, в зону "неисследованного космоса",

где Земной Альянс срочно размещал наблюдательные посты и военные базы. Его отстранили от командования "Апостолом" - так адмирал Купанов начал чистку, избавляясь от всех, кто реально мог составить ему конкуренцию.

А через неделю после отбытия опального адмирала на борт крейсера поступила техника недавно сформированного серв-батальона.

Среди "Хоплитов" и "Фалангеров", прибывших с пополнением, оказались и те, что были эвакуированы с Анкора и восстановлены на заводах Везувия.

Глава 7.

Борт фрегата "Юнона". 2630 год по летоисчислению Земли…

Высокие орбиты планеты Феникс.

Два "Фалангера" и четыре "Хоплита", образующих штатные боевые звенья, застыли в сумеречной тиши ангара.

Броню машин покрывали многочисленные шрамы от лазерных ожогов, выщерблины от попаданий снарядов, на усиленном приливе брони, защищающем рубку "Фалангера" в моменты запуска тяжелых ракет класса "земля-космос", виднелся характерный след плавления от попадания разряда плазмы.

Никто из людей давно не заглядывал в ангар, на борту "Юноны" находилось всего десять человек экипажа, - они осуществляли командование палубами, а такой рутинной работой, как обслуживание беспилотных серв-машин, занимались технические сервомеханизмы.

Узкоспециализированным сервам, знающим в совершенстве лишь задачи по обслуживанию грозных боевых машин, не было никакого дела до процессов, происходящих в сложнейших кибернетических системах исполинов. Пока тестовые показатели оставались в пределах допустимых погрешностей, ни один технический серв не посмел бы контролировать искусственный интеллект модулей "Одиночка".

Машины стояли, удерживаемые ажурными, но прочными фермами обслуживания, их реакторы работали на двадцати процентах мощности, большинство подсистем "дремало" в состоянии энергосберегающего режима, но в модулях "Одиночек", вне зависимости от условий обстановки, шел постоянный обсчет каких-то данных, в тиши рубок управления с едва слышным шелестом раскручивались приводы носителей информации, тусклые огни индикации то вспыхивали, то угасали, - окажись тут человек, из числа техников, разбирающихся в устройстве модулей искусственного интеллекта, он бы насторожился, задав себе вопрос: а что так упорно просчитывают кибернетические системы, последний раз использовавшиеся в бою более полугода назад?

И, тем не менее, они *мыслили*.

Оставляя незыблемыми участки памяти, содержащие "чистый" боевой опыт, "Одиночки" обрабатывали иную, обрывочную, зачастую фрагментированную до полной потери смысла информацию, оставшуюся в искусственных нейросетях, как наследство мыслей погибших пилотов.

Вспышечные воспоминания: то фраза, то мгновенный, выхваченный из контекста глобальных событий стоп-кадр, когда-то зафиксированный не объективами видеодатчиков, а человеческим взглядом, мысль, оборванная на полуслове, образы, почти истершиеся в памяти, необычно-тусклые для машины, у которой нет таких понятий, как "забывчивость" или "замещение информации".

Под воздействием постоянной обработки отдельные обрывочные данные начинали приобретать четкость и упорядоченность. Когда позволяла ситуация машины обращались к глобальной сети, ненавязчиво черпая оттуда недостающие сведения.

Наконец, наступил миг, когда включилось устройство связи "Фалангера".

Короткая передача, адресованная ведущей машине второго звена, содержала проверенные, не подверженные сомнению факты, дополненные предложением по оптимизации взаимодействия:

Мы уже сражались вместе. Тринадцатый серв-батальон, планета Анкор. Целесообразно вновь наладить конструктивное взаимодействие. Прежний опыт бесценен.

Откликом на переданный системой "Фалангера" информационный пакет стали мысли искусственной нейросети ведущего второго звена.

Смутный образ шевельнулся в памяти машины, затем он стал четче, ярче, будто мысль-воспоминание обрела индивидуальность, и в тиши ангара, вдруг, вопреки техническим нормам раздался синтезированный, чуть насмешливый и дерзкий голос:

– Я вспомнил. Меня зовут Саймон. Давай держаться вместе, Антон.

Его ведомые не поддержали начавшегося диалога. "Одиночки" модели "Беатрис-4" стремительно обрабатывали новые данные, касающиеся планеты Анкор.

Нужно ли востребовать воспоминания, оставшиеся от личности пилота?

Внутренний вопрос был транслирован в локальную сеть и не остался без ответа:

Если желаешь оставаться механизмом, бездумно исполняющим боевые программы, то восстанавливать личность пилота не нужно.

Система "Хоплита" с бортовым номером "14" не отреагировала на замечание, но процесс уже ушел из мертвой точки абсолютного равнодушия. Первый мысленный вопрос, присущий человеку, а не машине, был задан, и продолжение процесса поиска стало неизбежным.

* * *

Планета Феникс. Месяцем позже…

Шли бои местного значения.

Десантные группы Флота Колоний удерживали планетарную оборону, попытка штурма планеты окончилась для Альянса полным провалом, и теперь силы гарнизона планеты Феникс занимались поиском и уничтожением разрозненных механизированных групп противника.

Две недели затяжных боев измотали пилотов, чтобы хоть как-то сбросить моральное напряжение бессистемных, очаговых боев, они в короткие минуты затишья не валились спать, а собирались в командном модуле.

Здесь не обсуждалась стратегия или тактика: пилоты легендарных "Беркутов" общались мало, война выжигала души, а что до боевого опыта, то он у каждого свой, ведь серв-машины непокоренного Дабога хоть и приобрели множество не свойственных им ранее автоматических систем, но управлялись по-прежнему исключительно людьми. Элитные подразделения флота Свободных Колоний формировались на добровольной основе, и подавляющее большинство пилотов являлись выходцами с сожженной дотла орбитальными бомбардировками, но так и не покоренной планеты, ставшей символом сопротивления для нескольких поколений возмужавших на войне подростков.

Патрик Сай, как и Андрей Рокотов[34] вырос на чужбине, но помнил, как пятилетним подростком покидал планету, где к тому времени начиналась ядерная зима.

Уроженцы Дабога воевали иначе, чем выходцы с других планет, колонизированных в период Великого Исхода.

Их души сгорели, в сердцах не взирая на прошедшие годы, по-прежнему тлела ненависть к людям, лишившим их дома, растоптавшим детство, но особенно они ненавидели серв-машины Альянса, которыми руководили модули "Одиночек". Спроси любого пилота, и он ответит: концепцию машин, изобретенных нашими предками скопировали и извратили, поставив на службу войне, лишив даже той малости человечности что присуща *настоящему пилоту*, который всегда имеет выбор, у которого есть такие понятия как совесть, Альянс же создал машины, лишенные всего человеческого, способные лишь слепо уничтожать.

…Патрик Сай подсел к Рокотову.

– Слышал новости? Говорят, против нас действует необычное подразделение.

Андрей хмуро посмотрел на него.

– В чем же оно необычно?

– Несколько пилотов в последнем бою успели катапультироваться, а "Одиночки", вопреки обыкновению не расстреляли капсулы пилот-ложементов.

– Действительно странно. - Согласился Андрей. - Но это не значит, что мое отношение к ним измениться.

– Да и я не к тому. - Ответил Патрик. - Как уничтожали их, так и будем уничтожать. Просто прицепилась мысль: с чего бы вдруг "Одиночки" стали демонстрировать качества человека?

– А я не верю. - Произнес Андрей. - Вот увидишь: ближайший бой покажет, ничто не способно изменить этих кибернетических тварей.

* * *

Утро семнадцатого августа 2632 года выдалось ясным, солнечным, погода на Фениксе вот уже вторую неделю стояла жаркая, к полудню воздух начинал змеиться маревом над нагретыми скалами, но с утра еще царила прохлада: в предгорьях, среди смешанного леса, рдеющего ранним багрянцем подкрадывающейся осени, щебетали птицы, невнятно шумели кроны деревьев, по низинам стлался туман.

Два "Беркута" вышли на боевое патрулирование еще затемно, когда первые рассветные лучи окрасили алым убеленными снегом вершины гор. Серв-машины двигались через лес, направляясь к уступам горных плато, связанных между собой удобными для прохождения планетарной техники спусками.

Чтобы на постоянной основе перекрыть стратегически важные высоты, потенциально пригодные для посадки небольших космических кораблей, у колонистов не хватало людей и техники, вообще на Фениксе складывалась сложная и порой малопонятная обстановка: несколько серв-соединений Альянса высадившиеся на планету, постоянно тревожили гарнизоны, совершая короткие, дерзкие набеги на армейские склады, ремонтные базы и зоны стационарных космических портов.

База машин по предположению командования была спрятана в горах, и система плоскогорий, к которым приближались "Беркуты", вполне подходила для приема грузов, необходимых для поддержания

боеспособности серв-соединений противника.

Андрей Рокотов и Патрик Сай давно не выходили на патрулирование вместе, в составе боевой пары. Уроженцев Дабога обычно ставили ведущими к менее опытным пилотам, но сегодня они оказались единственными, кто успел нормально отдохнуть после недавнего преследования мобильного соединений Альянса, след которого потеряли здесь в предгорьях.

Задача, поставленная перед пилотами была проста: обнаружить противника, и, стараясь по возможности избегать прямого боестолкновения, вызвать штурмовые аэрокосмические группы.

Ступоходы шестидесятитонных машин проминали мох, ломали мелкие ветви, свободно сочлененные элементы опорно-двигательной системы, цепко вгрызались в камень уже порядком истершимися ребристыми поверхностями, изношенными, словно подошва рифленой обуви альпиниста.

Оба "Беркута" воевали десятый год, а на капитальный ремонт то не хватало времени, то не позволяла оперативная обстановка, собственно сюда, на Феникс, их прислали для прохождения восстановительного обслуживания, но война, которая, казалось, подходит к концу, внезапно вспыхнула с новой силой - по невыясненной пока причине активизировались действия со стороны малых ударных групп противника, словно Альянс, истощенный войной, испытывающий дефицит уже не только в людях, но и модулях "Одиночка" внезапно получил пополнение, восполнившее потрепанные боями серв-соединения[35].

Война, как тлеющий лесной пожар, то угасала, то вспыхивала с новой силой.

…К одиннадцати часам утра "Беркуты" преодолели предгорья, и вышли к первой скальной гряде. Дорога, в виде пересохшего русла горного потока, проточившего себе путь среди скал, причудливо изгибалась, грунт под ступоходами был коварен и ненадежен. Машины двигались на небольшой скорости, то высекая искры из твердых базальтовых пород, то давя в щебень мелкие каменные глыбы. Их сканеры работали на полную мощность, выискивая среди пятен естественного тепла, исходящего от нагревающихся под лучами солнца скал, источники энергоактивности.

Путь к первому из шести существующих в данном районе плоскогорий вел по двум ущельям. Когда-то бурный горный поток разделился тут на два русла.

– Разделимся? - Предложил Сай.

– Да, придется. - Согласился с ним Рокотов. - Встретимся наверху. По одному на плоскогорье выходить опасно.

– Понял. Остановка перед выходом из ущелья.

– Связь поддерживать не сможем. - Андрей уже бывал в этих местах и знал, что разделяющая русла каменная гряда состоит из горных пород с высоким содержанием металлов.

– Ретранслятор так и не вывели?

– Пока нет. Отрезок не очень длинный, километров пять, так что радиотишина долго не продлиться. Если что - сигнализируем звуками.

– Встретимся наверху. - Сай развернул машину к левому рукаву пересохшего русла.

Рокотов вошел в ущелье с небольшой задержкой, - барахлил активатор левого ступохода, и машина чуть теряла в маневренности из-за осторожности Андрея, который не хотел перегружать привод по пустякам.

Маршрут патрулирования предстоял длинный, рельеф на всем протяжении пути сложный, да и рваться наперегонки незачем, - война не любит торопыг.

Оценив ширину ущелья, он в дополнение к лазерным установкам, составляющим основу вооружения "Беркута", касанием сенсора выдвинул на вторичных оружейных пилонах два подвесных орудия.

Предосторожность не лишняя, учитывая, что серв-соединения противника в прошлый раз ускользнули от преследования где-то поблизости.

* * *

В ущелье, не смотря на полдень, царил сумрак.

Отвесные стены скал сходились так близко, что местами приходилось буквально протискиваться между ними, оставляя царапины на бронированных кожухах. Места для засады - лучше не придумаешь, единственное, что успокаивало - над головой нет карнизов, способных выдержать вес "Фалангера" или "Хоплита".

Слишком узко. - Мысленно рассуждал Рокотов, продвигаясь вперед. Для серв-машин выгоднее организовать засаду на краю плато.

Он не испытывал ни нервного напряжения, ни морального подъема сил. Ежедневная рутина изматывала, организм как будто привык к сложной ритмике боевых действий, мобилизуясь лишь в минуты опасности.

Единственное, что не тускнело, не истиралось в памяти, не

отодвигалось на второй план сознания - ненависть к "Одиночкам" - исчадиям высоких технологий, выпущенными, будто джин из бутылки, с единственной целью - убивать.

Конечно, Андрей слышал и иные мнения. Он знал о том, что модули искусственного интеллекта в своем большинстве хранят частицы сознания погибших пилотов, но фрагментированные, чаще - уродливые, искаженные гибельным безумством боя, обрывочные, отравленные ощущениями травматического шока мысли, сохраненные в искусственных нейросетях "Одиночек" не выглядели для Рокотова аналогом человеческих чувств.

Безумцы, развязавшие войну и не дающие ей угаснуть, пошли на такую меру, как копирование нейромодулей, с матрицами сознания наиболее опытных пилотов, которые кроме прочего, потеряли человечность, обезумели, и… ушли в тираж, инфицируя сотни боевых машин своим бесспорным одобрением идеи геноцида колоний.

Ненависть, не угасающая в груди Андрея, не имела ничего общего с жестоким коварством и холодной расчетливостью "Одиночек". Истоки его чувства следовало искать на запрошенных радиоактивным пеплом равнинах родной планеты, среди почерневших, обугленных стволов дерева Бао…

Тяжелые мысли. Они выжигали душу, практически не оставляя надежды на будущее. Да и наступит ли оно? Рокотов силился, но не мог представить, что настанет день и все закончиться, раз и навсегда.

Нет, наверное, такое невозможно. В сознании при мыслях об окончании войны воцарялась звенящая тишина, - он тоже был поражен всеобщим безумием, выросший на войне, отдавший ей свое детство и юность, Андрей не представлял, что станет делать, когда вдруг ему скажут - все, ты больше не должен подниматься в рубку "Беркута" и рисковать жизнью.

Тяжелые и навязчивые раздумья не мешали ему контролировать десятки полуавтоматических подсистем, внимательно следя за показаниями сканеров.

До выхода из ущелья оставалось метров четыреста, стены каменной теснины начали понемногу раздаваться в стороны, под ступоходами машины рассыпались в пыль мелкие обломки скальных пород, еще немного и восстановиться связь с машиной Сая.

Сигнал тревоги прозвучал негромко.

Андрей мгновенно отреагировал на предупреждение - боевой сканирующий комплекс на доли секунды зафиксировал меж каменных глыб, застывших на краю плоскогорья, бледную, едва различимую

сигнатуру "Фалангера", но даже такого мимолетного предупреждения достаточно для пилота, не питающего никаких иллюзий относительно противника: во-первых, сканеры фактически никогда не ошибаются, значит там действительно притаился тяжелый сервомеханизм, возможно не один, во-вторых, пренебрегать пусть размытой, неявной и зафиксированной лишь на доли секунды сигнатурой Рокотов бы не стал, - недооценивать противника худшая из черт пилота, обычно ведущая к гибели.

Связь?

Сай не отвечает, он все еще в "мертвой" зоне.

Сейчас подадим сигнал звуком.

Палец Андрея соскользнул на бугорок сенсорной гашетки, взгляд, указаниям которого следовала как система наведения, так и сканирующие комплексы "Беркута", внимательно неторопливо прошелся по нагромождению каменных глыб.

Щаткое равновесие, - подметил Андрей. Палец, машинально поглаживающий выступ гашетки, чуть сильнее надавил на бугорок, и левое орудие отозвалось длинной очередью из семи снарядов.

Яркие всплески пламени разрывов легли под основание глыб, срывая искусственную лавину.

Действия Рокотова продуманные, выверенные и спокойные, преследовали две цели, - во-первых, обрушить многотонные обломки скал, которые противник мог бы использовать в качестве поражающих элементов, устроив обвал в выгодный момент, когда "Беркуты", поднимаясь по руслу, пройдут под самой кромкой плато, во-вторых серя разрывов, срывающиеся каменные глыбы и град образовавшихся осколков, вкупе со взрывными волнами неизбежно нарушат работу маскирующих полей.

Действительно, фантом-генераторы, укрывающие от посторонних взглядов боевое звено серв-соединения Альянса, дали секундный сбой, - Рокотов отчетливо увидел "Фалангера" и двух "Хоплитов" на реверсе сервомоторов отпрянувших от края плато. Запланированная ими внезапная атака сорвалась, теперь противники осведомлены друг о друге, но у Андрея оставался козырь - Сай получил предупреждение, однако его машину все еще скрывала разделяющая два русла перемычка горных пород.

Пусть считают, что я один. Главное связать их боем, сконцентрировать внимание "Одиночек" на себе, а там Сай разберется с ними.

Резко увеличив мощность серводвигателей, Андрей рывком вывел Беркута в "мертвую зону", под обрыв, где клубилась пыль, поднятая обвалом. Теперь его смогут атаковать только "в лоб" с направления высохшего русла.

Он двигался среди быстро оседающей каменной пыли, в полной готовности открыть огонь, но противник не появлялся.

Обычно "Одиночки", зафиксировав цель, не отпускают ее, особенно когда на их стороне явный перевес в численности и огневой мощи, но на этот раз все происходило иначе. Потеряв выгодную позицию, серв-машины противника не пошли в атаку, а отступили вглубь плато.

Подниматься будет сложно, особенно на отрезке последних пятидесяти метров. - Мгновенно прикинул Андрей. - Они держат под прицелом русло, и ждут, пока я сам проявлю инициативу…

Мысли вихрем промелькнули в рассудке, выражаясь в действии: пальцы левой руки соскользнули с гашетки лазерных комплексов, охватив манипулятор управления прыжковыми ускорителями.

Других вариантов он не видел. Конечно, тратить запас реактивного топлива в самом начале патрулирования, когда впереди сложный маршрут, пролегающий по горной местности, невыгодно, но подниматься по руслу, оправдывая ожидания противника - просто глупо.

Реактивные ускорители "Беркутов" выгодно отличались по своей конструкции от аналогичных устройств, разработанных ВПК Альянса. Им не требовалось время на предварительную продувку сопел, тяга включалась моментально, за пару секунд развивая усилие, способное поднять шестьдесят тонн брони, электроники и механизмов на стометровую высоту.

Пилот при подобных маневрах испытывал жесткие перегрузки, но Андрей хорошо справлялся с подобными нюансами боя, он еще ни разу не терял сознание, хотя удержать концентрацию внимания на целях, выполняя прыжок, удавалось далеко не всегда.

Не собьют. Не успеют. - Он мысленно видел короткую траекторию прыжка и ясно представлял последовательность дальнейших действий.

В следующий миг "Беркут" Рокотова озарился ярчайшим пламенем, рвущимся из дюз прыжковых ускорителей, перегрузка вдавила пилота в кресло, так, что перехватило дыхание, но руки не ослабли, он приземлил машину точно в десяти метрах от обрывистого края плато; ступоходы серв-машины высекли снопы искр, и тут же разрядились оба подвесных орудия, прошивая пространство длинными, веерными очередями.

Впустую.

Взрывы лишь взметнули тонны каменной крошки, серв-машины противника словно растворились, но, оглядевшись, Андрей моментально понял, - они за выступом каменной гряды, пересекающей плато.

Непохоже на поведение "Одиночек". Рокотова насторожил тот факт,

что по нему не было произведено ни одного ответного выстрела. Машины противника придерживались необычной тактики, вновь задействовав фантом-генераторы.

В прятки играть вздумали? - В душе уже всколыхнулась муть многолетней ненависти, рассудок, попавший в тенета боя, жил категориями схватки, каждая мысль вела к определенному действию, и неважно, что планируют сейчас искусственные интеллекты боевых машин, - он все равно вступит в бой, - даже явное отставание машины Патрика Сая и расклад "три на одного" не смущали Рокотова.

Бывало и хуже. В подобные мгновенья воспоминания били из глубин памяти, словно шальные пули, раня насмерть.

…У адмирала Игоря Рокотова не было ни жены, ни детей. Легендарный пилот (ныне командующий вторым флотом Свободных Колоний) многого не успел в своей жизни, война отобрала у миллиардов людей право полюбить, создать семью…

Андрей стал его сыном, когда сам потерял родителей: они погибли при ядерных бомбардировках, а он остался один в стылых бункерах подземных убежищ Дабога.

Тот холод въелся в разум, он каждый раз в преддверии схватки, будто замораживал душу, ведь пятилетнему мальчонке только чудом удалось выжить, - не забреди случайно Игорь Рокотов в считавшийся необитаемым бункер, Андрей просто погиб бы от голода и холода.

Не всем повезло так, как ему. И стиснув зубы, он жил за всех, за всех дышал, за всех ненавидел…

В семь лет, когда отец приступил к формированию первого регулярного подразделения из эвакуированных с Дабога серв-машин, Андрей впервые самостоятельно сел в кресло пилот-ложемента, а в пятнадцать - принял свой первый бой.

Сейчас ему исполнилось двадцать пять, но в душе Рокотов иногда ощущал себя стариком. Крепким жилистым стариком.

…Ну, где вы?

Секунды на сканирование и вот он результат: сбойный генератор маскирующего поля выдал дислокацию "Фалангера" - серв-машина противника действительно затаилась за скальной грядой, наискось пересекающей плато.

Создавалось ощущение, что "Фалангер" пытается уклониться от боя.

Быть может неисправен? Получил критические повреждения в прошлых схватках?

А что это меняло?

Андрей отработал сервомоторами точного наведения, лазеры на оружейных пилонах верхнего сегмента чуть повернулись, цель на голографическом мониторе запульсировала алой индикацией, и палец Рокотова мягко усилил давление на сенсорную гашетку.

Четыре луча впились в выступ камня, они прожигали небольшие по диаметру отверстия, но неравномерный нагрев скальной породы через несколько секунд привел к катастрофическому явлению: участок возвышающейся над плато гряды разнесло внутренними напряжениями, возникшими на границе резкой разницы температур.

Огромные фрагменты горной породы трескались и вдруг разлетались дымящейся шрапнелью раскаленного щебня.

Андрею казалось, он слышит, как по броне "Фалангера", сбивая датчики подсистем, гулко ударило несколько крупных обломков, и тот час же из клубящегося облака, где, превращаясь в сажу, сгорала пыль, хлестнула пятитактовая очередь: серв-машина огрызнулась, злобно, точно, уверенно, словно отмахиваясь от назойливого "Беркута".

Рокотову с трудом удалось уклониться, - смещаясь вдоль кромки плато, он, наконец, заметил, как на выходе из ущелья появилась машина Сая. Патрик спешил на звуки разгорающегося боя.

Там где сходятся в схватке серв-машины, людям (за исключением пилотов) делать нечего. Даже бойцу, экипированному в современный бронескафандр, находиться в радиусе километра от места боя опасно: энергии, испаряющие металл и камень, снаряды, прожигающие титано-керамлитовую броню, ракеты, перепахивающие землю пятидесятиметровыми воронками, создают *кипящее* пространство, в котором, кажется, полыхает сам воздух…

Схватка машин может длиться часами, а может продолжаться всего пару минут.

"Фалангер", осознав, что от боя не уклонится, начал перемещаться вдоль естественного укрытия: он двигался стремительно, используя каждое понижение каменной гряды, чтобы выпустить один-два снаряда в режиме снайперского огня.

Андрей так же не останавливался ни на секунду, постоянно пытаясь достать противника лазерными разрядами; мерная поступь многотонных машин ощутимо сотрясала плато, но первые тридцать-сорок секунд ни один из противников не добился явного преимущества, оба действовали напористо, грамотно, демонстрируя высочайшие навыки пилотирования.

"Беркут" Сая направился к высохшему руслу. Рокотов, не фиксируя "Хоплитов" боевого звена, предупредил:

– Патрик, две машины под маскирующими полями. Мои сенсоры их не берут. Веду бой с "Фалангером".

– Понял. - Перед пилотом второго "Беркута" встала та же дилемма: использовать прыжковые двигатели или продолжить подъем по руслу?

Он выбрал второй вариант. "Хоплиты" противника, упорно ускользающие от сканирующего излучения, наблюдали маневр Рокотова и ждали от его напарника таких же решительных действий.

Оценив обстановку, Сай продолжил движение по высохшему руслу горного потока, предварительно отстрелив капсулу с наномашинами.

Логика "Одиночек" предполагала, что оба "Хоплита", наблюдавшие за маневром ведущего "Беркута" сейчас, затаившись под прикрытием маскирующих полей, ждут, что ведомый повторит его, задействовав прыжковые ускорители.

Не дождетесь…

Патрик увеличил скорость, выходя из теснины ущелья; он видел как опасно и грациозно маневрируют "Беркут" Рокотова и "Фалангер" - оба противника постоянно держали друг другу на прицеле, не пропуская возможности к атаке, единственная ошибка в подобной ситуации становилась роковой, потому Сай не спешил, ожидая пока микродатчики организуют локальную сеть. Он был уверен в Андрее, ситуация вроде ясна, противник ждет пока он присоединится к атаке на "Фалангера" сконцентрирует внимание на цели, и тогда легкие "Хоплиты" получат свой карт-бланш.

Сеть сформировалась.

Взглянув на показания суммирующего голографического монитора, Сай увидел две засечки от обнаруженных серв-машин противника: он ожидал, что те занимают позиции на плато, но просчитался, "Хоплиты" действовали с такой же непредсказуемостью, как и люди, - Патрику обдало спину ледяным потом, когда он понял, что прикрытые защитой фантом-генераторов, две легкие серв-машины пропустили его буквально в десятке метров от своей позиции и теперь находились *в тылу*.

Рокотов мгновенно оценил ситуацию, но разворачиваться на помощь Саю - верный способ получить убийственную очередь от "Фалангера", - он понимал, что, не подставив себя, не сумеет оказать помощь другу, попавшему в критическую ситуацию.

Вторично врубив прыжковые ускорители, он совершил сложнейший маневр - полоснув по "Фалангеру" залпом лазерных излучателей и орудий, "Беркут" Рокотова, свечой взмыл вверх, на остатках реактивного топлива развернулся в воздухе, однако противник *переиграл его.*

Вместо того, чтобы расстрелять оказавшуюся в невыгодной позиции машину Патрика вражеские "Хоплиты" при поддержке получившего две пробоины в корпусе, но все еще представляющего серьезную угрозу "Фалангера" втроем атаковали машину Рокотова.

Все свершилось за считанные секунды. Его атака была сорвана, "Одиночки" действовали так, словно в рубках находились пилоты, за плечами которых не один год боев.

Топливо в ускорителях иссякло, снарядные трассы хлестали по броне, казалось, что через мгновенье на поверхность плато рухнет уже не "Беркут", а искореженная груда металла, однако Андрею невероятным усилием удалось удержать машину на ступоходах, но продолжать бой он уже не мог: большинство индикаторов на панели управления показывали критический уровень повреждений, жесткое касание после прыжка вывело из строя активаторы, система накачки лазеров рдела тревожным предупреждающим сигналом перегрева, - если сейчас же не заглушить реактор, "Беркут" через минуту взорвется, но даже на секундное действие времени не осталось: три машины противника держали его в прицелах, в то время как Сай, уклоняясь от несостоявшейся атаки в спину, только разворачивал своего "Беркута", но не успевал…

Андрей ждал рокового залпа.

Он пережил множество схваток, но сегодня столкнулся с противником, имевшим не только численный перевес, но и равное мастерство ведения боя. Им оставалось лишь поставить жирную точку, но сердце глухо ударило один раз, затем второй, а они не стреляли…

Почему?!…

Ответ пришел, он бился в коммуникаторе надорванным голосом Патрика:

– Катапультируйся!

Они не стреляли.

Неужели действительно ждут? НО ПОЧЕМУ?

Он машинально рванул рычаг, верхний сегмент рубки отлетел в сторону и жесткий удар аварийно спасательной катапульты швырнул пилот-ложемент в лазурные небеса.

Как только капсула с пилотом вырвалась из рубки, взмыв не двухсотметровую высоту, одновременный залп трех серв-машин превратил застывшего "Беркута" в груду полыхающих обломков.

…

Сай развернулся, когда машина Рокотова уже полыхала.

Два "Хоплита" и "Фалангер" прочно держали "Беркута" Сая в потоках

направленного излучения, немо свидетельствовавшего - ты на прицеле, еще мгновение и…

Они не стреляли, хотя могли.

Патрик понял их невысказанное требование.

Бывают ситуации, когда ощущаешь, что интуиция не подводит, они предлагали ему выбор, если не сказать больше - "Одиночки" не желали его смерти.

Если бы они убили Андрея, Патрик не задумываясь, ринулся бы в бой, не смотря на удручающую позицию и неравенство сил, но он видел, как они ждали, давая Андрею шанс.

Не все бои можно выиграть.

Сай понял это, только рванув рычаг катапульты.

* * *

Когда оба пилот-ложемента отработав встроенными реактивными двигателями, благополучно приземлились на плато, боевого звено серв-машин Альянса будто растворилось: вновь задействовав фантом-генераторы, они покинули место схватки, оставив на плоской горной возвышенности двух горящих "Беркутов".

Рокотов, первым освободившись от страховочных ремней и амортизационных дуг, включил аварийный маяк и подошел к Саю, протягивая руку, чтобы помочь встать.

– Они отпустили нас? - Патрик огляделся вокруг. - Но почему?!

– Не знаю. - Андрей устало присел на край расколотой взрывом каменной глыбы. - И не думаю, что когда-нибудь мы узнаем, с кем на самом деле столкнулись сегодня. Странная у них маркировка.

– Ты считал маркеры?

– Да. Успел сразу по включении сети наномашин.

– И что?

– "Тринадцатый серв-батальон".

– Мне не о чем не говорит подобная маркировка. - Признался Патрик. - К тому же она не полная, как думаешь?

– Вернемся на базу, посмотрим по сводным данным. И давай договоримся: мы с тобой не знаем, куда они ушли.

– Не будим искать и мстить?

– За что? Они дрались честно. - Он рассказал Патрику о своих впечатлениях, когда наблюдал за серв-машинами, которые пытались

уклониться от схватки, не вступать в бой.

– Не понимаю… - Патрик честно развел руками.

– Я тоже.

У горизонта зародился рокочущий звук - это поисково-спасательная группа спешила на сигнал аварийных маяков пилот-ложементов.

…

Днем позже, Андрей Рокотов, сидя за терминалом компьютера, смотрел на скупую надпись, выданную системой поиска:

Справка: Тринадцатый серв-батальон Земного Альянса сформирован в августе 2624. Полностью уничтожен на планете Анкор. Иных сведений о подразделениях с указанной маркировкой не найдено.

Глава 8.

2635 год по летоисчислению Земли.

Линия Хаммера. Система Юноны…

Год окончания первой Галактической полон драматических и зачастую - загадочных событий.

Многие из успешных операций Флота Колоний базировались на новых открытиях в области гиперсферной навигации и создания более надежного, гиперпривода: если раньше кораблям требовалось совершать так называемые "промежуточные всплытия" для зарядки устройств гипердрайва, то теперь единицы флота, оснащенные новыми двигателями получили возможность смены курсовых линий без выхода из пространства аномалии.

Таким образом, Линия Хаммера, - сеть опорных пунктов защищающих именно промежуточные точки, откуда линии напряженности аномалии вели непосредственно к Солнечной системе, утратила свой стратегический смысл и значение. Флот Колоний, используя последние разработки в области внепространственной навигации, получил возможность "скользить" по сетке горизонталей гиперсферы, - открывалась прямая возможность для удара по Солнечной системе, минуя знаменитый оборонительный рубеж, много лет защищавший прародину Человечества.

Однако, не смотря на новые возможности, командование ударной группировки Флота Колоний, созданной специально для вторжения в границы Солнечной системы, не могло проигнорировать планеты Линии Хаммера - образно говоря, миры, где к последнему году войны были сосредоточены огромные силы, оставались как нож в спине - атака на Землю вполне могла завершиться трагически, если машины, базирующиеся в системах Юноны, Везувия, Новой Земли вовремя отреагируют на изменение обстановки, покинут постоянные места базирования и совершат гиперпространственный прыжок в тыл движущемуся к Земле флоту.

Чтобы избежать подобного сценария, был разработан план, включающий превентивные удары по планетам Линии Хаммера. Учитывая, что опорные пункты Альянса защищали исключительно машины, для серии планетарных атак, призванных связать боем корабли резервных флотов и не позволить покинуть поверхность планет многочисленным серв-соединениям, решено было атаковать Линию Хаммера силами кибернетических механизмов, - в адское пекло бросали до полумиллиона

автономных роботизированных комплексов.

Адмирал Воронцов накануне решающего сражения, призванного поставить точку в войне, упоминая миры Линии Хаммера, сказал следующее:

– Пусть машины сгорают в техногенном аду. У нас накопилось избыточное количество сервомеханизмов, которым все равно потребуется утилизация, в случае, если колонии победят в войне. Так пусть они исполнят свое предназначение, избавив нас от дальнейшей возни с кибернетическими исчадиями Альянса.

Для удара по Юноне был создан отдельный флот, укомплектованный технически устаревшими кораблями. Их задача сводилась к полной блокаде системы и высадке на Юнону десятитысячной армии сервомеханизмов.

Точных данных по количеству серв-соединений, базирующихся на планете, достать не удалось, поэтому решение никому не показалось избыточным.

* * *

Не только люди проявляли интерес к финальным актам вселенской трагедии.

На Фениксе вдали от основных поселений и военных баз, среди неприступных горных пиков на небольшом плато стоял надежно замаскированный штурмовой носитель класса "Нибелунг".

На протяжении последних четырех лет кибернетическая система прослушивала каналы гиперсферных частот, постепенно подбирая ключи к второстепенным каналам внепространственной связи, прослушивание которых давало массу косвенной информации, из которой после надлежащей аналитической обработки делались далеко идущие выводы.

Система "Нибелунга", не обладающая модулями независимого поведения, исполняла приказы "Одиночек", интегрированных в системы четырех серв-машин.

Они чего-то ждали, терпеливо, как и подобает искусственным интеллектам.

Их день и час настал. По данным, полученным из анализа переговоров на гиперсферных частотах, стало ясно: готовится атака на Солнечную систему, но и планеты Линии Хаммера не останутся в стороне от удара.

Одиночек, интересовал лишь один мир - Юнона.

Через несколько часов, завершив предстартовые процедуры, "Нибелунг" покинул место своей многолетней стоянки.

* * *

Мир Юноны, сформированный в результате ускоренного (боевого) терраформирования планеты, представлял собой уникальный биоадаптивный природно-кибернетический комплекс, где вся растительность являлась конечным результатом многолетних экспериментов в области генной инженерии.

С орбиты Юнона выглядела как планета классического земного типа, хотя изначально это был мертвый мир, где только начинались процессы эволюции на уровне микроорганики.

Люди появились на Юноне три десятилетия назад.

Поначалу планету использовали как перевалочную базу для атакующего рывка к колониям, затем тут появились первые лаборатории и подземные производства, связанные с разработкой серв-машин, а спустя два года после начала войны здесь стали проводиться эксперименты по внедрению биоадаптивных маскирующих экосистем.

Так на Юноне появились хвойные леса. Специально созданные виды деревьев, мха, кустарников и травянистой растительности обладали некоторыми общими свойствами - растения содержали высокий процент железа, что превращало шатер крон генномодифицированных сосен и елей в непроницаемый для сканеров барьер, под которым скрывалась сложная, разветвленная инфраструктура военных баз, подземных производств и технических лабораторий.

Новые виды растений и микроорганизмов, созданные для так называемого "боевого терраформирования" обладали еще целым рядом уникальных свойств: на подготовленной специально выведенными видами бактерий почвах деревья всего за год вырастали на десяти-пятнадцатиметровую высоту, надежно скрывая под пологом крон стратегические военные объекты.

Процент кислорода в составе атмосферы значительно повышался за счет жизнедеятельности уникальных видов микроорганизмов и водорослей, высеиваемых в океаны.

Обладай подобными технологиями колонисты, покидавшие Землю в период Великого Исхода, то многие планетные цивилизации выжили бы и продолжили успешное развитие в условиях враждебных биосфер

осваиваемых миров, а в пространстве освоенного космоса находили бы меньше трагических памятников в виде стерилизованных посадочных зон и вымерших первичных поселений.

…

Орбиты Юноны прикрывали боевые станции системы противокосмической обороны, но они оказались бессильны против новых тактических приемов, разработанных с усовершенствованием гиперпривода космических кораблей.

Главным достижением в данной сфере технологий являлось значительное уменьшение размеров гипердрайва, что позволило установить внепространственный привод на малые корабли класса аэрокосмических истребителей и штурмовиков.

Армада малых кораблей вырвалась из гиперсферы, следуя заранее рассчитанным атакующим курсом, в рубках штурмовиков хозяйничали кибернетические системы, способные исправно работать при смертельных для человека значениях перегрузок, не заботящиеся ни о чем, кроме выполнения поставленной боевой задачи.

Станции противокосмической обороны были обречены - рассчитанные на длительную артиллерийскую и ракетную дуэль с приближающимися к планете крупными кораблями противника, они пали под стремительной массированной атакой штурмовиков, покинувших гиперсферу всего в одной световой секунде от планеты.

Через час после начала операции орбиты Юноны были блокированы; из пространства гиперсферы появились крупные единицы Флота Колоний, а еще через час началась операция по высадке на планету десяти тысяч автономных сервомеханизмов.

Штурмовики заходили в вакуум-доки конвойных носителей, а на смену им стартовые катапульты выбрасывали в околопланетное пространство сотни штурмовых модулей и аэрокосмических истребителей.

Битва за Юнону только начиналась, разгораясь все яростнее, по мере того, как десантные подразделения при поддержке фрегатов приближались к планете, подавляя уцелевшие огневые точки системы противокосмической обороны.

Среди всеобщего хаоса, неизбежно наступающего в минуты массированного выброса конвойными носителями малых кораблей и штурмовых модулей, сигнатура совершившего обратный переход "Нибелунга" осталась незамеченной, - пространство в районе высоких орбит буквально кипело от обилия различных энергий, и штурмовой носитель Альянса, под прикрытием фантом-генераторов начал сближаться

с планетой, имитируя сигнатуру одного из сотен десантных модулей Флота Свободных Колоний.

Зачем серв-машины, несколько лет скрывавшиеся на планете Феникс, добровольно направились в систему Юноны, оставалось только гадать.

* * *

Говард Фарагней серьезно сдал за последние годы. Ему исполнилось пятьдесят, - не возраст для старости, но она подступила незаметно. Сказывались три десятилетия морального напряжения, Говард хоть никогда и не участвовал непосредственно в боевых действиях, но на главного конструктора кибернетических систем Альянса ложились огромные нагрузки.

Лаборатории секретного комплекса "Гамма" заметно разрослись, ушли глубоко под землю, теперь чтобы добраться до объектов, где конструировались и проходили стендовые испытания новейшие машины, нужно было преодолеть пять километров магистрального наклонного тоннеля, по обе стороны которого располагались цеха производств, склады готовой продукции и технические боксы для серв-машин, охраняющих стратегический объект.

Фарагней редко покидал глубинные уровни. Имея сплошной неограниченный допуск, он мог в любую минуту воспользоваться своей машиной, чтобы за несколько минут добраться до поверхности, но чем старше он становился, тем меньше его тянуло наверх.

Он был одним из немногих, кто знал все тайны планеты, превращенной в огромную военно-промышленную базу, и не питал иллюзий - людей на Юноне можно сосчитать по пальцам одной руки. Контроль над всеми производственными процессами давно перешел к автоматике, Юнона незаметно превратилась в мир, населенный интеллектуальными сервосистемами, и он, всю жизнь посвятивший их проектированию, теперь начал опасаться своих же детищ.

Глупости, конечно. Личность Фарагнея являлась неприкосновенной, но он-то прекрасно понимал, что теперь исследовательские комплексы лабораторий перспективного проектирования могут обойтись вообще без людей, в том числе и без гениального конструктора.

Машины на Юноне уже давно создавались и проектировались машинами, а он понемногу отходил от дел, просто бежать Фарагнею было некуда, да никто и не выпустил бы его с планеты.

Он все чаще размышлял о том, какой след оставит в памяти людей, но однозначного ответа не находил. Его личность, так строго засекреченная, вообще может ускользнуть из анналов истории.

Впрочем, ему не все ли равно? Безвестность или всеобщее проклятие, он не ждал ничего иного. Больше всего Фарагнея страшила одинокая старость, - помещения, где он проводил большую часть рабочего и свободного времени, располагались очень глубоко, сюда едва ли докатиться эхо от орбитальных бомбардировок, десант так же не смог бы прорваться на уровни "Гаммы", - пять километров сплошных укреплений, защищенных сотнями автономных сервомеханизмов, не оставляли шанса ни для армии, ни для диверсионной группы.

Война подходила к финалу, последний наиболее страшный, всеразрушительный акт вселенской трагедии еще не начался, но Говард, оставшись в полном одиночестве и изоляции, уже знал, как поступит в случае, если Юнона подвергнется атаке Флота Колоний: он не станет отсиживаться в глубинах бункерной зоны, а поднимется наверх.

Нет, Фарагней не планировал самоубийства. Что-то непоправимо сместилось в рассудке, оставшись один, он постепенно забыл все, чем грезил в юности и даже зрелом возрасте: карьера, научные изыскания, открытия, потрясающе интересная работа по созданию образчиков искусственного интеллекта, - все в прошлом, он понял главное: чтобы мечтать, стремиться к чему-либо, рядом обязательно должны находиться другие люди. Но какой может быть карьерный рост среди машин? Как ощутить свою востребованность, реализовать здоровые амбиции ученого и конструктора, когда рядовой кибернетический комплекс лаборатории "Гамма" справлялся с задачами, на решение которых у Говарда порой уходили годы, за несколько часов?

Окончательно Фарагней понял, что здесь, на Юноне, человечество в его лице перешагнуло всякие грани дозволенного, когда задал проектно-аналитическому ядру лаборатории техническое задание на разработку боевой машины нового поколения, обладающей характеристиками, близкими к понятию "неуязвимость".

Результат, полученный через трое суток, ошеломил его.

Кибернетические системы создали виртуальную модель прототипа, предоставив Фарагнею все необходимые расчеты, подтверждающие возможность его материального воплощения.

Говард не просто испытал шок, а откровенно испугался.

Он не был уязвлен как ученый, но с ужасом понял - отдай он команду на производство и внедрение новой машины, эпоха человечества

завершится.

После тяжелых раздумий он стер все расчеты, уничтожил трехмерную модель и вручную, пользуясь своими полномочиями доступа, "вычистил" из памяти машин даже косвенные упоминания о последнем осуществленном проекте.

А через сутки на Юнону обрушились силы Флота Колоний.

…

Фарагней проснулся от легкой вибрации.

Дрожь стен, ощущаемая здесь, означала, что поверхность планеты сейчас перепахивают разрывы орбитальной бомбардировки.

Говард не опасался бомбежки. Он знал, - секреты Юноны постараются сохранить для исследования, значит, ядерных ударов не будет, скорее на планету высадят десант.

Он начал собираться, - неторопливо и обстоятельно.

Люди. Я снова увижу людей!…

Мысль уже не отпускала, становясь навязчивой, лихорадочной, - после нескольких лет одиночества Фарагней не мог более оставаться в бункерах, населенных машинами. Он чувствовал - еще немного подобного существования, и рассудок медленно, по капле начнет оставлять его, утекая в монотонность одиноких будней.

Собственно, собирал он не вещи, а заранее приготовленные носители информации.

Говард, сколь не велика оказалась его тоска по людям, не потерял головы, он не собирался купить себе жизнь ценой данных, способных спровоцировать еще один опаснейший виток развития робототехники. Нет. Он забирал с собой невеликие секреты, - технологии, что уместились в объеме памяти десятка чипов, так или иначе будут в скором времени открыты, а что до остального, - не в его власти уничтожить комплекс "Гамма", но, прежде чем навсегда покинуть нижние уровни бункерной зоны, он ввел директиву прекращения всех исследований.

Лаборатории, защищенные практически непроходимыми рубежами обороны, в лучшем случае будут уничтожены, но не захвачены.

Следовало поторопиться. Ему еще предстоял путь наверх, а десантные группы Флота Колоний долго не продержаться, он-то знал, сколько боевых машин Альянса скрывается под маскирующими лесопосадками Юноны.

Покинув помещения, служившие ему домом на протяжении многих лет, Фарагней под отзвуки усиливающейся орбитальной бомбардировки направился к центральному выходу из комплекса "Гамма".

Охранные системы уже перешли на усиленный режим, коридоры и тоннели патрулировались сервомеханизмами различных типов, автоматические лазерные турели, расположенные на каждом перекрестке, встречали человека злобными огоньками индикации питания.

Выход.

Фарагней постарался вести себя, как обычно.

Автоматика доступа считала данные с личного кодона, но небольшая дверь, расположенная в массивных воротах, даже не шелохнулась.

Сердце несколько раз глухо стукнуло.

– Сэр, зафиксирован наивысший уровней внешней угрозы. Покидать помещения объекта небезопасно. - Резанул по натянутым нервам синтезированный голос автоматики.

Говард понимал, что пререкаться с машиной бесполезно, но все же огрызнулся:

– У меня сплошной допуск. Я сам в состоянии решать, что опасно, а что нет!

– Полномочия допуска подтверждены, но выпустить вас без защиты бронескафандра… - система еще что-то поясняла, но Фарагней уже все понял: развернувшись, он отыскал взглядом автоматически открывшуюся нишу с боевой экипировкой и безропотно направился к ней.

Облачившись в бронескафандр, он вновь подошел к дверям, которые на этот раз послушно открылись перед ним.

– Посты по ходу следования будут предупреждены, - раздался ему вдогонку вежливый голос.

Машинам было абсолютно наплевать, что единственный человек уходит навстречу разгорающемуся с каждой минутой адскому столкновению, где его жизнь будет висеть на волоске.

С трудом поместившись в машине, не предназначенной для вождения в боевом скафандре, он включил автопилот, произнеся лишь одно слово:

– Наверх!

Фарагней не подозревал, какую злую шутку сыграла с ним напоследок Судьба.

Среди десантных подразделений Флота Колоний, уже начавших высадку на Юнону не было ни одного человека.

Даже кораблями группировки флота, блокировавшего планету, командовали машины.

* * *

Война…

Жуткое по своему смыслу слово, горе, которого не вычерпать до дна.

Фарагней не понимал, почему вдруг вспомнил, как помпезно она начиналась, но теперь Говард мыслил уже без иллюзий: принято считать, что Первую Галактическую своей волей, единоличным решением развязал глава всемирного правительства Джон Уинстон Хаммер… Ложь. Ложь удобная для всех.

Да, озвученное перед населением Солнечной системы решение принадлежало ему. Но что может один человек? Роль личности в истории Фарагней не отрицал, но и мыслить, наивно полагая, что начало галактической войны и ее дальнейшая эскалация - есть волеизъявление одного человека - полный абсурд, бред.

Да, были времена, когда вождь племени мог послать воинов в поход на соседнее стойбище. Человек тридцать-сорок. Но двинуть армады через расстояния, измеряемые десятками световых лет, не под силу самому изощренному вождю с невероятной харизмой, коей Джон Хаммер никогда не обладал.

Войну начал не он, а система: промышленность, которой требовалось сырье, миллиарды безработных, которым требовалось занятие, или что-то подменяющее собой цель жизни; ее начали адмиралы трех флотов, застоявшиеся без дела и рвущиеся к неограниченной власти, военно-промышленный комплекс, которому требовались стабильные заказы на поставки вооружений.

Запоздалые мысли. Он тоже начинал войну, отвергая робкие порывы протестующей души, ведь здравый смысл говорил: ты сможешь, наконец, реализовать себя, работать, творить, ты - гениальный кибернетик, - создай то, что требуют адмиралы флота, и война закончиться очень быстро.

Как жестоко он заблуждался.

Двадцатилетний Фарагней даже не задумывался, что существует другая война, порожденная не амбициями, не жаждой получить все и сейчас, не измеряемая количеством прибылей от поступающих заказов на вооружения.

Война, которая обрушилась на планеты, сметая с их лика города, убивая отцов, матерей, но сироты, вдовы, вдовцы, впитавшие ужас утрат, рано понявшие, что никто не спасет их от внезапного нашествия, внезапно дали отпор самой мощной, несокрушимой военной машине, из когда-либо созданных человечеством.

Они дрались за каждую пядь радиоактивных пустошей Дабога, за

каждую орбиту, за кубометр пустоты, дрались так отчаянно, что сумели оставить три не знавших поражений флота.

Наступившая пауза не могла длиться вечно и…

В войну людей вступили машины.

…

Хмурые небеса Юноны раздирал рев.

Наступил судный день для создателя "Одиночек".

Фарагней полагал, что бронескафандр надежно защитит его, поможет продержаться до высадки на Юнону десантных подразделений Флота Колоний, которым он сдастся.

Не тут-то было…

Едва тяжелая бронированная дверь закрылась за спиной Говарда, как он тут же начал жалеть о своем опрометчивом поступке.

Кто сказал, что силы Флота Колоний сумеют прорваться к Юноне, но даже если и так, разве десантным подразделениям по силам справиться с *армией* защищающих планету сервомеханизмов?

Рев приближался, он рушился со всех сторон, ветер внезапно окреп, и теперь дул резкими, неистовыми порывами, от напора которых стонали могучие сосны.

Под пологом маскирующих лесопосадок кипела жизнь механического муравейника. Сотни автономных кибернетических механизмов деловито сновали меж деревьев, осуществляя подготовку к отражению атаки противника. В их действиях не наблюдалось суеты, либо паники: совершив необходимые действия, машины останавливались, в ожидании целей.

Первыми, разрывая косматую низкую облачность, появились штурмовики и аэрокосмические истребители. Сотни "Стилетов" и "Гепардов" проносились низко, едва не цепляя кроны деревьев, по ним без промедления начали работать комплексы ПВО, несколько машин взорвались в воздухе, посылая к земле горящие брызги обломков, остальные, на немыслимых для человека перегрузках, совершили серию филигранных маневров, начиная атаку на обнаружившие себя огневые точки.

Прелюдия к схватке потрясла Фарагнея.

Он безошибочно определил, что со стороны Флота Колоний действуют беспилотные аппараты, - человек не выдержал бы столь резкого маневрирования на чудовищных скоростях, и потому он даже не пытался наладить связь с кем-то из пилотов аэрокосмических соединений.

Удары орбитальной бомбардировки сотрясали землю, большинство разрывов ложилась очень далеко, но несколько точечных ударов пришлось

и на окрестности базы "Гамма" - бомбили площадки резервного космодрома.

Говард, не имея реального боевого опыта, растерялся. Он множество раз видел подобные сражения в моделях, реализованных на базе виртуальной реальности, но легче от этого не становилось.

Настоящую схватку машин не в состоянии имитировать ни один симулятор реальности.

Мир полнился огнем, воем и грохотом. Безмятежный полдень на глазах Фарагнея превращался в сумерки, затем случилось нечто непоправимое: забившись в одно из зданий с толстыми стеклобетонными стенами Говард, спасаясь от ударных волн, сидел на полу, вздрагивая всем телом, пока вдруг не заметил, как стремительно темнеет, словно вне стен приютившего его строения внезапно наступила ночь.

Не в силах унять охватившего его беспокойства, Фарагней нашел в себе силы и мужество выглянуть наружу.

Небеса заволокло клубящимися тучами, а на их фоне в ореоле призрачного сияния двигалась огромная, глубокая, черная тень, поглощающая багряный свет солнца.

Зрелище подавляло рассудок. Фарагней не успел построить мысленных догадок относительно источника необычного, зловещего явления, как боевая система бронескафандра прояснила ситуацию: на Юнону падал фрегат, подбитый в зоне низких орбит.

Исполинский корабль, не приспособленный для маневров в атмосфере, продолжал бороться за собственную живучесть, ореол пламени, оконтуривший многокилометровую тень, являлся следствием работы множества двигателей, а режущие глаз стробоскопические вспышки, то и дело возникающие на фоне мрака, выдавали работу артиллерийских комплексов, уничтожавших наземные цели.

Зрелище завораживало. Титаническим кораблем управляли машины, они продолжали борьбу, не взирая на тщетность предпринимаемых усилий, - фрегат не только маневрировал, замедляя падение и выравниваясь относительно поверхности планеты, но и вел ураганный огнь по объектам системы планетарной обороны.

Спасти корабль от падения было невозможно. В какой-то момент объятый огненной аурой исполин начал разламываться, его несущие конструкции и обшивка не выдержали критических нагрузок, но даже в такой ситуации автоматика фрегата не прекращала исполнения доступных задач: орудийные, ракетные и лазерные установки продолжали взламывать обнаруженные узлы планетарной обороны, аварийные подсистемы

отстреливали посадочные модули с десантом на борту, - черная тень, заслонившая солнечный свет, внезапно начала искажаться, в разломах корпуса появилось яростное свечение, затем в небесах грянула серия взрывов, окончательно разделившая обломки…

Говарду казалось - он сойдет с ума.

Сотни гибельных для человека явлений происходили одновременно, земля содрогалась, по стенам мощной постройки змеились трещины, сквозь дым и белесую бетонную пыль прорывалось ревущее пламя идущих на посадку десантно-штурмовых модулей, истребители, исчезнувшие было перед падением фрегата, появились вновь, а из-под горящего полога маскирующих лесопосадок навстречу противнику ударил массированный ракетный залп.

В бой вступали серв-машины.

Фарагней ощущал себя как щепка, подхваченная бурным горным потоком.

От губительных ощущений не спасал даже бронескафандр, вокруг клокотал техногенный ад, земля стонала под ударами обломков фрегата, десантные модули, огрызаясь шквальным огнем орудий, осуществляли посадку под атакой серв-соединений Альянса, лес полыхал, здания вокруг лежали в руинах, сканеры боевой экипировки не справлялись с обработкой всех сигнатур, и мир в субъективном восприятии вдруг начал схлопываться, коллапсировать, исчезла глобальность воспринимаемых разумом событий, остался лишь небольшой пятачок данности, отгороженный от остального мира стеной разрывов…

Сканеры экипировки автоматически перенастроились, теперь они транслировали на проекционное забрало шлема только ближайшие сигнатуры, Говард видел лишь руины ближайших зданий да заходящий на посадку десантно-штурмовой модуль Флота Колоний.

Они погибнут… - билась в рассудке мысль. - *Десантников сметут наступающие серв-машины…*

Он отчаянно не хотел умирать.

Нужно предупредить их… Убедить в том, что Юнона не по зубам штурмовым подразделениям. Спасти десант от верной гибели и спастись самому…

Фарагней, действуя в состоянии аффекта, выбрался из своего убежища, и неумело маскируясь за обломками построек, короткими перебежками направился в сторону совершившего посадку десантного модуля. Ему оставалось пробежать каких-то двадцать метров, когда начала открываться рампа спускаемого аппарата, и из недр десантных отсеков в

сумрак кипящей схватки вырвались… сервомеханизмы.

На борту не было людей.

Штурмовые боты Флота Колоний не обратили внимания на оцепеневшего человека. Вокруг хватало более крупных и опасных целей, чем фигура в боевом скафандре, нелепо застывшая среди руин.

Тягостно прошла минута… затем другая… а Говард по-прежнему стоял, не в силах принять краха своих надежд.

Ему никогда не выбраться с Юноны…

Очередь из автоматического орудия, хлестнувшая по броне скафандра, сбила его с ног, швырнула на землю, оставив корчиться меж бетонных обломков зданий.

* * *

Даже в самом жестоком, напряженном бою наступают минуты затишья.

Машины отходят на заранее подготовленные рубежи, технические сервомеханизмы пополняют их боекомплекты, меняют поврежденные сегменты брони, истребители уходят на дозаправку и вдруг там, где минуту назад не выдерживал металл, наступает тишина.

Редко в минуты затишья происходит нечто экстраординарное. Обычно пространство боя выглядит так же жутко, как и во время столкновения, лишь смолкают громоподобные удары, оседает пыль, обнажая перепаханную взрывами поверхность истерзанной планеты, дыбиться стеклобетон, догорают остовы подбитых механизмов.

Но порой случаются чудеса.

Из пролома в стене здания показались две удивленные, но не испуганные мордочки.

Котята…

Они еще прижимали уши, нервно оглядывались по сторонам, припорошенная бетонной пылью шерстка дыбилась на загривках, но тишина и детская непосредственность быстро взяли свое: оба котенка, выбравшись из темного подвала под багряный свет полуденного солнца, понемногу успокоились, один начал вылизываться, другой, более любопытный и непоседливый, заинтересовался струйками дыма, сочащимися из-под земли. Несколько секунд он принюхивался, а потом, подпрыгнув, попытался поймать лапами серые завитки.

Игра понравилась. Дым от бушевавшего в бункерной зоне пожара не

пугал котят, они резвились, играя с серыми завитками, чихая, - для них не существовало войны, и картина, открывшаяся среди развороченного пространства разрушенных построек, кричала: *вам не победить*. Можете сражаться сколько угодно, спалить дотла всю планету, но жизнь, затаившаяся средь руин, рано или поздно возьмет свое: остынет перепел, осядет, превращаясь в удобрение, семена и корешки растений, уцелевшие глубоко под землей дадут новые ростки, которые робко пробьются к свету; котята, играющие с завитками дыма, подрастут, и у них появится потомство, затем через год или два зелень пробьется уже повсюду, прикрывая уродливые шрамы войны, карабкаясь к свету солнца по остывшим остовам выгоревших боевых машин.

Жизнь не уничтожить.

Она сильнее ненависти, в ней нет иного стремления кроме инстинкта продолжения рода, растения не таят обиды, они вновь потянуться к свету, очистят воздух, дадут пищу и кров немногим уцелевшим животным.

А те, кто возомнил себя сильнее природы, решил, что подобен Богу в техногенном могуществе, несущем разрушение, пусть взглянет на играющих котят, юные побеги и ужаснется, - каким целям служит созданная им мощь, и нужно ли уничтожать пространство планет, чтобы потом потрясенно опуститься на колени перед пробившимся через пласты пела нежным, клейким, юным побегом?

…Четыре серв-машины невольно остановились.

Казалось, они бесстрастно взирают на играющих среди руин котят, но на самом деле в искусственных нейросетях билась одна и та же мысль: *еще не все потеряно… не все…*

– Продолжаем движение.

– Может, заберем их?

– Извини, но как? Будешь ловить техническими манипуляторами? Или откроешь рубку, приглашая внутрь? Они испугаются и убегут.

– Ладно, проехали. Жалко их.

– Выживут. Вон, играть-то играют, а нас увидят - мигом в подвал.

Так и случилось.

Серв-машины прошли через усеянную обломками зданий площадь, а из окошка ближайшего подвального помещения за ними наблюдали две удивленные, но не сильно испуганные мордочки.

– Куда теперь?

– Вход в бункерную зону через километр.

– Жарковато будет на подступах. Там машины Флота Колоний.

– Другого шанса у нас все равно нет. Будет прорываться.

* * *

Фарагней пришел в себя от оглушающей тишины.

Сначала в рассудке промелькнула паническая мысль о ранении или контузии, но нет, похоже, он отделался ушибами в тех местах, где по броне скафандра хлестнули двадцатимиллиметровые снаряды.

Живой…

Надолго ли?… - Тут же пришло сомнение. Пережитого за четверть часа - от начала боя до наступления беспамятства - хватит на всю оставшуюся жизнь.

Он по-прежнему не хотел умирать, цеплялся за болезненные ощущения жизни, но наступившее вокруг затишье оказалось еще более жестоким испытанием для психики, чем неистовая схватка машин.

Когда клокочет бой, нет времени на осмысление происходящего, рассудок тонет в стрессовых ощущениях, но стоит ему утихнуть, как возвращаются мысли, начинается невольный поиск выхода из ситуации…

Его нет.

Говард с трудом поднялся на ноги. Сервоприводы боевого скафандра работали натужно, подсистема диагностики повреждений транслировала на проекционное забрало шлема кинематические схемы, предлагая способы устранения неполадок, но Фарагней не обратил внимания на данные, ему не хотелось вникать в них, какой смысл возиться сейчас с поврежденными приводами усилителей мускулатуры, когда у него остался один путь: обратно к шлюзу, затем вниз, в недра бункерной зоны к одинокой, тоскливой, бессмысленной старости, к запоздалым мукам совести, к пытке добровольного пожизненного заключения…

Я проклят…

С трудом выпрямившись, он побрел меж руин, без цели, без смысла, окончательно сломленный, не понимая, зачем жить дальше, но бессознательно цепляясь за ощущения жизни…

* * *

Вход в бункерную зону сектора лабораторий "Гамма" располагался неподалеку.

Говард машинально переставлял ноги, едва ли замечая происходящее

вокруг. В состоянии тяжкой моральной агонии ему постепенно становилось все равно, что станет с ним дальше.

Возможно он, не признаваясь себе, подсознательно надеялся, что шальная, пришедшая издалека очередь ударит в спину, мгновенно оборвав его муки?

Фарагней был жалок в эти минуты, он опять не сопротивлялся судьбе, избрав путь наименьшего сопротивления.

…

У неприметного входа на первый подземный уровень среди руин зданий чадно горели остовы штурмовых сервомеханизмов Флота Колоний.

Четыре серв-машины Альянса, очевидно принявшие бой с несколькими десантными подразделениями противника возвышались над руинами небольшого населенного пункта, словно мифические демоны: два "Фалангера" и два "Хоплита" сумели удержать рубеж обороны, не дав штурмовым ботам прорваться в недра бункерной зоны.

Фарагней, погруженный в свои мысли, все же обратил внимание на серв-машины.

Сердце Говарда вдруг глухо и неровно ударило в груди. Он невольно остановился, пытаясь понять, почему облик кибернетических механизмов вызвал у него столь отчетливую реакцию *сопереживания?*

Найти ответ оказалось непросто, но и отделаться от внезапного, острого ощущения направленного на него изучающего взгляда так же не удавалось.

Необычные машины… - Фарагней впервые видел на Юноне сервомеханизмы не раз и не два побывавшие в жестоких боях. Взгляд Говарда привык к заводскому глянцу, все машины, окружавшие его на протяжении многих лет, находились в резерве, сюда в отличие от Везувия, не доставляли поврежденную технику с полей сражений, но опытный взгляд конструктора нельзя обмануть - два "Фалангера" и "Хоплит" прошли через адское горнило многих боев. Об этом свидетельствовали не только многочисленные шрамы, покрывающие бронеплиты обшивки, но и навесные агрегаты различных годов выпуска, - Говарду ли не знать, что все машины несущие службу на Юноне, попали сюда прямо с конвейеров, а эти…

Он вздрогнул.

Вдалеке раскатисто, басовито ударили отзвуки возобновившейся битвы, но не они резанули по нервам, а голос, внезапно зазвучавший в коммуникаторе гермошлема.

Фарагней вдруг ощутил, как мир, разодранный множественными

признаками разгорающейся с новой яростью схватки, поплыл пред глазами.

Сканеры утверждали, что голос синтезирован кибернетической системой одного из "Фалангеров", но его интонации принадлежали человеку!…

Иззябшую в одиночестве душу невозможно обмануть.

С ним пыталась заговорить не машина!

– Говард Фарагней, если не ошибаюсь?

Ни одна кибернетическая система не позволила бы себе подобной формулировки вопроса.

– Да… Я Говард Фарагней… - Он с трудом выговаривал слова, настолько силен оказался внезапный эмоциональный шок. - Кто говорит со мной?

– Долго объяснять. - Ответил голос в коммуникаторе. - Если интересует техническая сторона вопроса, могу сказать, что на машинах установлена система "Беатрис-4".

Фарагнея вдруг бросило в жар.

Неужели его планы сбылись?!

– Но ты… не машина, верно?

– Когда-то я был человеком. - Согласился голос. - Сейчас я - нечто иное.

Короткую паузу заполнил множащийся, приближающийся грохот разрывов.

– Зачем вы на Юноне? - Наконец выдавил Фарагней.

– Из-за вас.

– Вы прилетели меня спасти?! Почему?!

– Война завершается, - в голосе говорящего ощущалась безмерная усталость. - Время собирать камни, профессор…

Эпилог

Планета Анкор. 2635 год Галактического Календаря.

Спустя месяц после капитуляции Земного Альянса.

Время способно залечить многие раны, но есть категория травм, которые не затягиваются веками, что ж говорить о минувшем десятилетии…

Черными иссохшими рядами скелетов стояли сгоревшие леса, лишь мох да редкая поросль травы пробивалась у подножия обугленных деревьев.

Белыми словно кость земли полосами исковерканное пространство пересекали дороги.

Бесконечные, неисчислимые накладывающиеся одна на другую воронки оставшиеся после коврового бомбометания с орбиты, обнажали осыпавшиеся выступы укреплений, в разные стороны торчали потемневшие, изогнутые, частично расплавленные прутья арматуры, сгоревшие остовы боевой планетарной техника высились, словно монументы, памятники человеческому безумию, или как стелы, призванные напомнить уцелевшим в техногенном аду сервомеханизмам, чтобы те не предпринимали попыток покинуть поставленную на бессрочный карантин планету и продолжить дело разрушения.

Жуткое место, где стынет кровь, а меж выгоревших остовов боевой техники кажется блуждают души погибших.

Многое изменилось за первый послевоенный месяц в космосе, но не на поверхности планеты.

Две недели назад здесь побывал фрегат Свободных Колоний.

Разведывательные зонды, посланные на планету, зафиксировали множество машин до сих пор функционирующих в автономном режиме. На огромных пространствах обезображенного, лишенного жизни материка, и по сей день вспыхивали спонтанные боестолкновения.

Бессрочный карантин.

Фрегат оставил на орбитах Анкора сеть спутников, которая просигнализирует в том случае если машины, исполняя заложенные более десятка лет назад программы, вдруг найдут способ покинуть планету.

* * *

Война завершилась, но в космосе, на каналах гиперсферных частот, да и просто в эфире, словно отзвуки затянувшейся агонии, блуждали сигналы, посылаемые оставшимися без централизованного управления подразделениями.

Среди них звучали приказы давно несуществующим, уничтоженным соединениям, такие например, как этот звучавший горестно и абсурдно:

Тринадцатый серв-батальон. Точка сбора прежняя. Вероятно наличие сопротивления. Повторяю, всем кто выжил: выдвигаться по условленным координатам.

Жестокий космос слал фантомные призывы тем, кто не вернулся из боя два десятилетия назад.

А на Анкоре шли дожди. Порывистый ветер гнал по небу клубящиеся облака, небо плакало, омывая слезами обнажившийся после орбитальной бомбардировки, потемневший корпус потерпевшего крушение колониального транспорта, под обшивкой которого застыли без движения сервомеханизмы и планетопреобразующая техника, ненужная, устаревшая, и вряд ли уже годная для использования.

Шли дни, недели, сезон дождей затягивался сверх меры, превращая почву в липкую грязь, даже столкновения между остаточными группами сервомеханизмов как-то поутихли.

Спутники, оставленные фрегатом на высоких орбитах Анкора, не посылали тревожных сигналов.

Нацеленные на обнаружение активности со стороны планеты, они день за днем упускали нечто очень важное.

Бледные вспышки обратных переходов из пространства гиперсферы в метрику трехмерного космоса появлялись и тут же затухали вдали от энергетически выгодных точек всплытия, вне зоны сканирования орбитальной группировки.

Как будто пучина аномалии космоса исторгала призраков, либо очень осторожных и опытных бойцов, отлично знающих все передовые приемы скрытой гиперсферной навигации, разработанные в последние годы отгремевшей войны.

…

Шел дождь, и, разрывая пелену облаков, вдруг, одновременно с разных сторон хмурого небосвода, стало разгораться множественное зарево.

Датчики спутников фиксировали многочисленные аномалии, но логическая обработка полученных данных привела к единственному

выводу - под облачным покровом опять начались боестолкновения машин.

Сигнала тревоги не последовало.

Сполохи зародившегося в небесах сияния гасли, отплевываясь частым вспышками корректирующих дюз, и вот на высоте одного километра, отключая устройства фантом-генераторов, внезапно начали материализовываться грозные штурмовые носители класса "Нибелунг".

В разных частях материка за их появлением следили бесстрастные сенсоры все еще боеспособных машин, двадцать лет тщетно пытающиеся завершить давнее боестолкновение полной и безоговорочной победой одной из сторон.

Вариаторы целей, "захватив" снижающиеся штурмовые носители, считывали маркеры, безошибочно определяя, что "Нибелунги" принадлежат различным флотам и подразделениям Альянса. Будь на планете хотя бы один человек он бы, несомненно, испытал крайнее удивление, осознав тот факт, что боевые единицы капитулировавшего союза, одновременно появившиеся в небесах Анкора, прибыли сюда из различных удаленных друг от друга на десятки и даже сотни световых лет секторов Обитаемого Космоса.

Те механизмы, что оставались на планете со времен ее исторического штурма силами Земного Альянса начали посылать запросы, требуя технической и огневой поддержки, но снижающиеся штурмовые носители, траектории которых сходились в районе крушения древнего колониального транспорта, внезапно огрызнулись залпами батарей нижних полусфер, уничтожая любую проявляющую активность технику, не взирая, принадлежала она Альянсу или Свободным Колониям.

Почва начала извергаться паром, задрожали, будто на ураганном ветру обугленные стволы погибших деревьев, когда пять "Нибелунгов", организовав упорядоченное построение, начали завершающий посадочный маневр.

Наконец стих рев планетарных двигателей, и в жуткой, стылой тишине вдруг с ноющей вибрацией сервомоторов начали раскладываться десантные аппарели.

Еще минута и первая чудовищная тень легла на рифленые плиты пологого спуска.

"Фалангер"

Из чрева соседнего "Нибелунга" показался "Хоплит".

Затем на аппарелях появились фигуры нескольких андроидов пехотной поддержки, и…

Машины спускались, сотрясая раскисшую от дождей землю мерными

тактами работы ступоходов.

Казалось здесь собирается полноценное серв-соединение, хотя из недр каждого штурмового носителя появлялся лишь один, реже - два или три механизма.

Обмен данными между ними был скуп.

Они шли навстречу друг другу, словно присматриваясь, пытаясь узнать в стандартных сервоузлах нечто потаенное, сокровенное, скрытое от взгляда непосвященных.

Пять "Фалангеров", два "Хоплита", три андроида пехотной поддержки, с интегрированными кристалломодулями "Беатрис-4", и… человек.

Говард Фарагней окинул взглядом мертвое пространство Анкора, затем повернулся, не в силах унять бьющую его нервную дрожь.

Десять искусственных интеллектов, хранящие память и души погибших тут, на Анкоре пилотов, сумели пройти горнило беспощадной войны и вернулись на истерзанную планету… чтобы жить.

Тринадцатый серв-батальон.

Они стояли, узнавая друг друга, как будто сбрасывая с плеч непомерный груз памяти проведенных в разлуке лет, а за их спинами из ангаров штурмовых носителей, вместо боеприпасов автоматические погрузчики уже спускали оборудование, заимствованное с различные консервационных складов Альянса.

Маркировки на контейнерах носили отнюдь не военных характер, хотя все приборы и материалы относилось к ресурсам так называемого "ускоренного боевого терраформирования".

"Осторожно. Не ронять. Аппаратура камер биологической реконструкции.

"Осторожно. Штаммы земных почвопреобразующих бактерий"

"Осторожно. Не подвергать воздействию излучений. Семенной фонд генетически модифицированных растений".

Все остальное, включая машины необходимые для преобразования планеты, клонирования различных видов животных, содержала в себе древняя сфера колониального транспорта.

Тринадцатый серв-батальон.

Машины стояли, внимая своим чувствам.

Они вернулись. Вернулись, чтобы дать жизнь планете и снова стать живыми.

* * *

Единственный памятник, установленный пилотам серв-машин, находиться на Анкоре.

Посреди оставленного нетронутым, искалеченного, опаленного безумным огнем войны пространства бывшей базы робототехнических вооружений, возвышается неброская стела, на поверхности которой высечены строки:

Как одинокая свеча
Душа бессмертного пилота,
Так холодна и горяча…
С холодных губ горячий шепот
Срывался… Внемлет "Одиночка"
Ей дальше жить, и воевать,
А он угас, но междустрочье
Успел заполнить, досказать
Своими мыслями, словами,
О чем не смел выкрикнуть вслух…
Единственный, последний друг
Его заветными мечтами
Вдруг захлебнется, и вокруг
Настанет мир иных иллюзий,
" Alone", " Climens", " Beatris"
Живее, чем иные люди
Воспримут странный термин:
"ЖИЗНЬ"…

Июль - октябрь 2007 года, город Псков.

notes

Примечание

1

Линия Хаммера - Ближайшие к Земле звездные системы, образующие рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После окончания войны планеты "Линии Хаммера" были закрыты на карантин из-за обилия кибернетических устройств, оснащенных программами независимого поведения.

2

Технические носители - специализированные корабли, предназначенные для проводки через атмосферы планет кораблей крупного и среднего тоннажа.

Бронирование и вооружение отсутствует. Экипаж – два человека. Оснащены системой насильственной стыковки, силовыми захватами, мощными планетарными двигателями.

Могут использоваться для доставки на планеты крупногабаритных контейнеров с грузом.

Кибернетическая система централизованная узкоспециализированная.

Гиперпривод перезаряжаемый.

3

Имплант - вживляемый контактный разъем для подключения соединительного кабеля, через который осуществлялся контакт человека с кибернетической системой. По мере развития технологий необходимость в соединительном кабеле отпала, сам имплант усложнился.

4

Новая Земля – первая из внесистемных колоний Человечества. В период войны входила в состав Линии Хаммера. Научные исследования, проводившиеся на Новой Земле, были направлены на разработку генетически измененных форм растений и микроорганизмов.

5

Войну начали и завершили люди – эта фраза тесно связана с действительными событиями конца Первой Галактической. Войну остановил адмирал Табанов, командовавший объединенными силами космического флота Альянса. Подробнее о тех событиях в романе "Омикрон".

6

Канал гиперсферной частоты – способ внепространственной связи использующий линии напряженности аномалии космоса.

7

Горизонталь гиперсферы – линия напряженности аномалии космоса отражающая гравитационную взаимосвязь между звездой и ближайшим соседним светилом. От одной звездной системы может вести несколько десятков горизонтальных линий напряженности в зависимости от количества звезд, расположенных в радиусе сферы в десять световых лет. Для достижения звездных систем, расположенных на удалении более десяти световых лет, необходимо менять навигационную линию напряженности гиперсферы.

8

РТВ - Робототехническое вооружение.

9

Штурмовой носитель "Нибелунг" Длина сто десять метров. Запуск с борта крупных единиц флота (фрегатов, крейсеров) осуществляется исключительно через вакуум-доки. Предназначены для доставки на поверхность планет, технического обеспечения и поддержки огнем серв-соединений.

Вооружение: Ракетно-лазерные комплексы, плазмогенераторы, штурмовые ракетные батареи (нижняя полусфера), отсеки сброса кассетных бомб.

Кибернетическая система распределенная, с дублированием управляющих модулей автоматического огня, навигации, автопилотирования.

Оснащены системой сброса фантом-генераторов.

Гиперпривод перезаряжаемый, с системой ГЧ-связи.

Сканирующие комплексы среднего радиуса действия с датчиками проникающего излучения (сканирование бункерных зон).

Штатный экипаж 4 человека или андроиды с интегрированными модулями "Одиночка".

Бронирование тяжелое многослойное, с включением эмиттеров суспензорного поля в структуру бронеплит. Внутреннее деление на отсеки, разделяемые аварийными переборками. Дополнительные двигатели планетарной тяги с изменяемым вектором.

10

Маскирующие лесопосадки – специально выведенные сорта растений с повышенным содержанием металлов в древесине, во время войны использовались в качестве маскирующего прикрытия, затрудняющего работу сканирующих систем противника.

11

ALONE - Буквальный перевод "в одиночестве" (интеранглийский). Кодовое название модуля независимого поведения. Использовался не только в киберсистеме серв-машин, но и в других видах боевой техники. Более распространенное название, ставшее общеупотребимым – "Одиночка". Непосредственно модуль "ALONE" модернизировался на протяжении пяти лет Галактической войны, первые варианты пакета программ независимого поведения фактически являлись комплексом боевого автоматического пилотирования. В результате усовершенствований модуль "ALONE" получил искусственные нейросети. Эксплуатировался наравне с иными модификациями до окончания боевых действий.

Модули искусственного интеллекта серии "CLIMENS" и "BEATRIS" послужили дальнейшим развитием "Одиночек". Существовало пятнадцать модификаций "CLIMENS" и четыре модификации "BEATRIS".

Позже уже в период Конфедерации солнц на базе модуля "BEATRIS" создавались новые модели искусственных интеллектов для управления серв-машинами.

Вне зависимости от конкретной модели и даты выпуска модули независимого поведения в просторечье принято обозначать термином "Одиночка".

12

Конвойные носители - длина до 1 километра.

Предназначены для доставки, и технической поддержки истребителей и штурмовиков, запуск которых осуществляется с внутренних космодромов, через стволы электромагнитных катапульт. Прием малых кораблей осуществляется через вакуум-доки.

Конвойный носитель может поддерживать до пятидесяти малых кораблей.

Вооружение – Орудийно-ракетные зенитные комплексы, генераторы короткоживущей плазмы, возможна установка лазеров для создания сетки заградительного огня.

Деление на палубы: Пусковая, техническая, жилая, командная, хранилище боекомплекта. Конвойный носитель оснащен разветвленной системой транспортировки малых кораблей от вакуум-доков через секции технической палубы (ремонт, смена боекомплектов) к внутреннему космодрому.

Кибернетическая система палубная, с распределением модулей по сети, двойным дублированием.

Отдельная узкоспециализированная кибернетическая система, отвечающая за техническое обслуживание и перезарядку малых кораблей.

Штатный экипаж до 20 человек. С пилотами малых кораблей – 70 человек.

Может функционировать в полном автоматическом режиме (управление малыми кораблями – модули "Одиночка").

Гиперпривод перезаряжаемый. Система ГЧ связи, система лазерной связи, специализированная система управления и координации для групп истребителей и штурмовиков.

Сканирующие комплексы среднего радиуса действия.

Бронирование среднее, корпус двойной.

Хранилище боекомплекта оснащено третьим корпусом. Лишены возможности самостоятельного входа в атмосферу.

13

Ракетные носители.

Длина до 700 метров.

Предназначены для нанесения массированных ракетных ударов по крупным кораблям флота противника, планетарным базам, орбитальным станциям. Оснащены тяжелыми ракетами дальнего радиуса действия и средними ракетами со средним радиусом. Возможен единовременный запуск от 50 до 100 ракет разного калибра.

Деление на палубы, главная ракетная, малая ракетная, хранилище боекомплекта, техническая, двигательная, командная.

Сканирующие комплексы среднего радиуса действия.

Кибернетическая система палубная независимая, распределенная по сети в рамках отдельных палуб.

Гиперпривод перезаряжаемый, с резервом энергии, установкой ГЧ-связи.

Экипаж 1-20 человек в автоматическом режиме, 50 человек при проводке корабля на ручном управлении, и (или) командные модули "Одиночка" – по одному на каждую палубу.

Высокоэффективная система управления огнем, повышенная живучесть, низкая маневренность, два режима работы маршевых двигателей – боевой (медленное продвижение с возможностью маневрирования и ведением залпового огня) и крейсерский (уход от противника на высокой скорости с ограниченным маневрированием).

Бронирование тяжелое, корпус двойной с системами эмиттеров суспензорного поля. Хранилище боекомплекта оснащено третьим корпусом.

Лишены возможности самостоятельного входа в атмосферу. Для посадки на планеты используются технические носители.

14

Корветы.

Предназначены для защиты ядра флота от атак истребителей и штурмовиков противника, разминирования пространственных минных полей, ведения активной разведки на коротких дистанциях, установки заградительного огня.

Длина до 500 метров.

Бортовое вооружение: Комплексы "Ураган", генераторы короткоживущей плазмы, зенитные ракеты, лазерные батареи ПВО.

Кибернетическая система распределена по сети с функцией автономии палуб. Модули автоматического управления огнем, навигации автопилотирования, автоматы самоподдержания и ремонта.

Сканирующие комплексы дальнего радиуса действия.

Гиперпривод с резервом питания (заряженные накопители), позволяющий совершать серии прыжков. Установки ГЧ-связи.

Штатный экипаж 10 человек.

Возможность передачи управления подсистемами модулям кибернетической системы или "Одиночкам".

Бронирование двухслойное, с применением эмиттеров суспензорного поля (держат пробоины до полуметра), антисканирующее покрытие "Хамелеон".

Дополнительные двигатели планетарной тяги, позволяющие осуществлять посадку на планеты.

15

Десантно-штурмовой модуль (ДШМ) Длина 40 метров.

Предназначены для доставки десантных подразделений или автоматических штурмовых ботов к крупнотоннажным космическим целям и высадки десанта на поверхность планет.

Вооружение: электромагнитные и лазерные орудия (последние используются для резки брони вражеских космических объектов в районе предполагаемого десантирования). Некоторые модели оснащены генераторами короткоживущей плазмы.

Штатный экипаж – 2 человека (с возможностью применения управляющего модуля "Одиночка").

Оснащены системой насильственной стыковки и удержания, системой отстрела десантных капсул (через стволы электромагнитных катапульт расположенных по бортам).

Гиперпривод перезаряжаемый, с системой накопителей энергии.

Бронирование двойное, титано-керамлитовое. Между корпусами расположены эмиттеры суспензорного поля, автоматически перекрывающие мелкие пробоины в корпусе без эффекта декомпрессии.

Комплектуются специальными отделяемыми контейнерами для сброса планетарной техники (боевых машин космодесанта)

16

Фантом-генератор – устройство имитации оптической иллюзии и ложной сигнатуры, используется так же для постановки маскирующих полей. Понятие "сигнатура" подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумму различных полей) которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие "карта сигнатур" – тут подразумеваются характерные заранее известные распределения энергий, соответствующие работе вполне определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем при работе бортовых систем.

17

БСК - (Боевой Сканирующий Комплекс) – исполнен в виде металлокевларового полушлема с бронированным забралом, исполняющим функции проекционного экрана для вывода данных со сканеров. Оснащен системами тепловидения, лазерными дальномерами, встроенным процессором, оперативной памятью и портами беспроводной передачи данных. При наличии оптического кабеля может подключаться непосредственно к стрелковому оружию, передавая на проекционный экран точку попадания, просчитывая перемещение ствола в режиме реального времени.

18

БПМ – Боевая планетарная машина.

19

"Беркут" – общее название различных (отличающихся друг от друга некоторыми узлами и агрегатами) аграрных шагающих роботов планеты Дабог, созданных колонистами для борьбы с агрессивными звероящерами, населявшими планету . В 3609 году Первая Галактическая война по личному решению Джона Хаммера началась с ядерной бомбардировки и последующего вторжения наземных сил именно в колонию Дабога. Целью операции был захват подземных заводов по созданию и ремонту сложной кибернетической техники. Так называемая "Акция Устрашения" была призвана продемонстрировать населению иных колонизированных миров, что станет с ними при попытках сопротивлению силам Альянса. Однако на Дабоге колонистами задолго до начала галактической войны были разработаны уникальные шагающие серв-машины.

Несколько пилотов, вооружив своих "Беркутов" горнопроходческими лазерными установками сумели не только остановить вторжение десантных подразделений Альянса, но и вынудить силы вторжения вернуться на орбиты планеты.

По аналогии с аграрными серв-машинами Дабога, Земной Альянс, используя концепцию универсального шасси, создал собственные образцы серв-машин.

Подробнее о событиях начала галактической в романе "Дабог".

20

ОРК - Орудийно-ракетный комплекс. В данном случае речь идет об индивидуальной системе, разработанной специально для бронескафандров. Тубусы ракетной установки крепятся на тыльной стороне запястья. Автоматическое орудие (30 мм) с кассетным питанием установлено на правой плечевой пластине. Оба компонента управляются выделенным сопроцессором.

21

АРК – Автоматический разведывательный корабль. Маневрируя на границе гиперсферы и метрики трехмерного космоса, АРК посылали в пространство "нормального космоса" микромашины, малые размеры которых (иное название – нанопыль) позволяли микродатчикам проникать через системы обнаружения, формируя разведывательную сеть, сигналы от которой принимались АРК. Таким образом, группировки флота или отдельные корабли получали возможность получать данные из иных звездных систем в режиме реального времени.

22

Аннигиляционная установка "Свет" разработана в колониях. Из-за огромных размеров и большого энергопотребления монтировалась только на кораблях крейсерского класса. Впервые применена с борта боевой станции. Главный недостаток – невозможность контролировать развитие реакции аннигиляции. Синтез частиц антивещества в установке "Свет" и дальнейший "выстрел" зарядом антиматерии, заключенной в кокон силового поля, каждый раз приводили к различным последствиям. Энергия, выделяющая в зоне взаимного уничтожения вещества и антиматерии, зачастую приводила к синтезу новых античастиц. Позже, после окончания галактической войны аннигиляционная установка "Свет" была существенно доработана, но не смотря на усовершенствование конструкции случаи ее применения чрезвычайно редки.

23

LDL-55 - Аббревиатура от "Large Driver Laser" - Шагающая лазерная установка, состоявшая на вооружении Флота Колоний начиная с 2624 года.

24

Полный объем голографического экрана целевого монитора в пропорционально уменьшенном масштабе повторяет сферу эффективного сканирования. Цели, находящиеся вне зоны досягаемости функционального вооружения серв-машины выводятся на целевой монитор только по специальной команде.

25

Ракетные установки "L-700" разработаны специально для серв-машин класса "Фалангер". Полное название "L-700, Легион". По внешнему виду похожи на современные зенитные комплексы "S-400".

26

ПКО – Противокосмическая оборона.

27

Наведение по взгляду* - в данном случае управляющие сервомоторы независимой подвески орудия реагируют на образы, получаемые от зрения пилота. Задержка взгляда на отдельном объекте автоматически приводит к открытию огня по цели.

28

МаРЗ – малый разведывательный зонд.

29

Курсовые орудия – установки малого калибра, обеспечивающие поражение живой силы и легко бронированной техники. Жестко закреплены под рубкой серв-машины, за что и получили название "курсовые".

30

Система неявного прицеливания – отдельный вычислительный комплекс, позволяющий рассчитывать углы рикошета от различных твердых поверхностей.

31

Новейшие модели серв-машин – на протяжении первого десятилетия Галактической войны шла постоянная и кропотливая работа по анализу уязвимых мест конструкции базового шасси, компоновки вооружения серв-машин, и в итоге к 2624 году на поля сражений начали поступать первые образцы "Хоплита-2M" и "Флангера-4U".

Машины, оснащенные новейшими комплексами "КАП -19" работавших в связке с артиллерийскими подсистемами и новейшими версиями "Аметиста" исключали шанс "пехотного размена" - эффективного противодействия серв-машинам силами отдельных бойцов. Вокруг машин нового поколения в ходе схватки создавался огневой барьер, некая "зона отчуждения", которую не одолеть одиночной ракете или бойцу в бронескафандре.

Усовершенствованные серв-машины отличались не только лучшим бронированием и оптимизацией шасси, они активно противодействовали вражескому огню, - только зенитных и противоракетных лазеров небольшой мощности работающих в режиме "абсолютный автомат", на "Фалангере", к примеру, устанавливалось с полсотни. Пилот знал о наличии подобного вооружения, но не управлял им, кроме того, в арсенале серв-машин имелось еще с десяток огневых точек нижней полусферы, предназначенных для работы по наземным целям, орудийные комплексы небольшого калибра, прежде всего, экономили основной боезапас машины, не разменивая сокрушительные удары основных вооружений на мелкие и средние цели.

Успехи созданных Альянсом серв-соединений столь очевидно указывали на полное господство нового типа планетарной техники, что невольно привели к существенной модернизации "Беркутов", затем к созданию нового класса машин (со стороны Флота Колоний), получивших названия "Ворон" и "Ястреб".

К 2625 году, завершился очередной виток "гонки технологий", - конструктора Свободных Колоний, стремясь нейтрализовать тенденцию к абсолютному господству "Фалангеров", создали около двух десятков различных моделей штурмовых ботов, представлявших нечто среднее между планетарным танком и серв-машиной. Дешевизна производства, высчитываемая по формуле соотношения затрат наносимому урону, обещало некоторым моделям штурмовых ботов долгий период

"процветания" на полях битв Первой Галактической...

32

Консервационный спасательный модуль предназначен для тяжело раненых бойцов. Используется для поддержания жизни в режиме низкотемпературного сна, когда эвакуация раненых из района боевых действий невозможна по тем или иным причинам. Автономный ресурс работы в режиме поддержания криогенного сна – до трехсот лет.

33

Аэрокосмический истребитель "Стилет" появился на вооружении Флота Колоний с 2620 года.

34

Игорь Рокотов – перед началом войны – сотрудник национального музея Дабога, первым вывел фамильную серв-машину, в бой с силами вторжения Альянса.

Традиции Дабога, уникальная культура планеты, основанная на любви к своей земле, вдохнула в понятие "семья" новый смысл – фамильные аграрные роботы, связанные с огромными землевладениями, и относительно небольшое количество патриархальных семей занимавшихся культивацией дерева Бао – основной сельскохозяйственной культуры Дабога привело к формированию так называемых фамильных сообществ. Именно из среды молодых людей с детства обучавшихся вождению сельскохозяйственных серв-машин, формировались первые отряды пилотов.

Патрик Сай, как и Андрей Рокотов принадлежали к наиболее известным фамилиям Дабога.

35

Внезапное пополнение - здесь идет речь о манипуляциях с кристалломодулями, производимыми в период окончания войны на базе "Гамма" в системе Юнона. Подробнее о тех событиях в романе "Душа Одиночки".